

Основной фонд

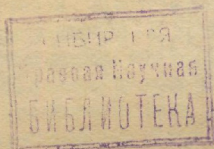
2
М 69

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ
СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ

Я. М. МИХАЙЛОВ
(ЗАХЕР)

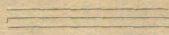
215:9(44)

М-69

АНАКСАГОР ШОМЕТТ

АНТИРЕЛИГИОЗНИК XVIII ВЕКА

57800
51934

Издательство „БЕЗБОЖНИК“

Москва — 1930 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

	Стр.
Предисловие	3
Часть I. Жизнь и деятельность Шометта	3
Гл. I. Шометт до революции 10 августа 1792 г.	5
Гл. II. Шометт в Парижской Коммуне	20
Гл. III. Дехристианизаторская деятельность Шометта	42
Гл. IV. Шометт в борьбе за углубление революции	58
Гл. V. Конец Шометта	68
Часть II. Идеология Шометта	90
Гл. I. Религиозные, историко-философские и политические взгляды Шометта	90
Гл. II. Социально-экономические взгляды Шометта	103
Заключение	119
Оглавление	123

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Из всех течений, входивших в состав монтаньярской партии эпохи Великой Французской Революции, наибольший интерес для историка-марксиста представляет, без всякого сомнения, ее крайне-левое крыло, обычно именуемое эбертистами. Объясняется это не только тем, что эта часть монтаньярской партии отражала интересы наиболее близких к тогдашнему рабочему классу низов мелкой буржуазии, но также и тем, что именно она, как известно, дала в сентябре 1793 г. толчок, вызвавший переход монтаньяров к той их политике, которая охарактеризована Марксом, как плебейский способ совершения буржуазной революции. Вот почему марксистская историография Великой Французской Революции не может пройти мимо левого крыла монтаньяров и должна уделить его изучению все то внимание, которое оно, без сомнения, заслуживает; поскольку же одним из виднейших деятелей этого течения был Анаксагор Шометт, — ясно, что анализ его деятельности и идеологии составляет чрезвычайно важную и интересную тему для самостоятельного монографического исследования.

Однако, помимо отмеченных причин, есть и еще одна, безусловно оправдывающая необходимость монографического изучения этой яркой и колоритной фигуры великой буржуазной революции конца XVIII века. Причина эта заключается в том, что Шометт был, как известно, одним из главных деятелей той борьбы Французской Революции с католицизмом, которая вошла в историю под названием „дехристианизаторского движения.“ Поскольку же изучение этого движения представляет сейчас несомненный не только исторический, но и чисто актуальный интерес, — само собой очевидно, что мы тем самым имеем еще один важный дополнительный стимул к изучению исторической роли Шометта.

Настоящая работа, написанная на основании как печатных первоисточников, так, отчасти, и сохранившихся в парижском Национальном Архиве бумаг Шометта, не претендует на исчерпывающую полноту, для которой потребовались бы более длительные поиски не только в Национальном, но и в некоторых провинциальных (в частности в Неверском) архивах Франции. Тем не менее мы полагаем, что и при этой своей неполноте, наша работа может представить некоторый интерес для историков и

практиков-антирелигиозников и именно в силу этого мы решаемся выпустить ее в свет в ее настоящем виде.

А в т о р.

P. S. В целях сокращения размеров данной работы, а также и для того, чтобы сделать ее более доступной читателю, мы выбрасываем из нашего научного аппарата часто повторяющиеся ссылки на печатные источники. Поэтому мы считаем нужным оговорить, что все ссылки на парламентские прения и отчеты о заседаниях Парижской Коммуны делаются нами на основании „Moniteur“, а на отчеты о заседаниях якобинского клуба — на основании „La Société des Jacobins“ в издании Олара. В тех случаях, когда в основе соответствующих ссылок и цитат лежат какие либо иные источники, мы специально указываем это в примечаниях.

Ч А С Т Ь I.

Жизнь и деятельность Шометта.

Г Л А В А I.

Шометт до революции 10 августа 1792 года.

Пьер Гаспар Шометт (имя Анаксагор было принято им лишь впоследствии, уже в эпоху революции) родился в Невере 24 мая 1763 г. Как видно из находящегося среди бумаг Шометта в Национальном Архиве свидетельства о его рождении ¹⁾ Шометт был сыном простого сапожника. Есть некоторые основания предполагать (на это указывает подчистка в документе), что в молодости Шометт, как типичный мелкий буржуа, стыдился своего простонародного происхождения и пытался даже заменить в своем метрическом свидетельстве слово „сапожник“ словом „ювелир“ ²⁾, но ко времени революции от этого стыда не осталось никаких следов и в заседании Парижской Коммуны 28 сентября 1793 г. Шометт уже прямо хвастает своим демократическим происхождением ³⁾.

О детстве и юности Шометта мы знаем довольно мало. Главнейшим источником для изучения этого периода его жизни является опубликованное им в мае 1793 г. обращение к своим согражданам, написанное в ответ на выставленное его политическими противниками обвинение его в том, что он будто бы был в прошлом монахом. Вот как Шометт описывает в этом документе свою юность:

„Моей первой профессией была должность юнги, т. е. матросо-ученика. Взятая за это ремесло, надолго удалившее меня от отцовского дома, меня вынудили преследования священников и монахов, под начальством которых я учился. Мне удалось достигнуть должности рулевого. По своем возвращении—в 1784 г., я изучал ботанику в Мулене, где я сохранил дорогих моему сердцу друзей. В следующем году я отправился в Марсель, намереваясь поехать оттуда в Египет, куда меня влекло стремление к изучению природы и ознакомлению с памятниками древности.

„Но мне не удалось сесть на корабль и я вернулся в родной город, где продолжал изучать растения и книги. Я провел

¹⁾ Текст его перепечатан *Оларом* в предисловии к воспоминаниям Шометта о революции 10 августа 1792 г. „Memoires de Chaumette sur la revolution du 10 aout 1792“, стр. IV-V.

В дальнейшем мы будем цитировать это издание, как «Воспоминания Шометта».

²⁾ *F. Braesh*, «Papiers de Chaumette», стр. 11-12. В дальнейшем мы будем обозначать это издание как «Бумаги Шометта.»

³⁾ «Journal dela Montagne», № 118, 28 сентября 1793 г. Цит. по Брешу стр. 12.

там все годы, предшествовавшие началу революции и лишь иногда покидал Мулен для поездок в Париж и на побережье океана " 1)

Эти краткие автобиографические заметки могут быть дополнены несколькими документами, сохранившимися среди бумаг Шометта в Национальном Архиве. Как видно из этих документов Шометт в момент составления весной 1793 г. своего обращения к согражданам повидимому кое-что запомнил. Так, например, в то время, как в своем обращении он говорит о своем возвращении домой лишь в 1784 году, выданное ему 4 июля 1783 г. неким доктором Думик удостоверение гласит, что он перед тем в течение одиннадцати месяцев изучал в Невере под его руководством анатомию 2) А с другой стороны выданный Шометту 14 мая 1784 г. в Мулене паспорт показывает, что Шометт собирался в это время ехать не в Египет, а в Порт-о-Принс 3).

Из этого же паспорта видно, что по окончании учебы под руководством доктора Думика, Шометт в 1783 и 1784 г. работал в качестве фельдшера (chirurgien) в Мулене; кроме того, есть данные, свидетельствующие, что по своем возвращении из Марселя, Шометт работал в Мулене школьным учителем 4). А выданное Шометту 10 сентября 1786 г. английским врачом Тлек удостоверение 5) показывает, что он в течение восьми месяцев сопровождал этого врача в его поездках по Франции и брал у него уроки ботаники и патологии. Таким образом Шометт по своему до-революционному общественному положению может быть определен, как представитель низов мелко-буржуазной интеллигенции.

Вот и все, что мы знаем о личной жизни Шометта до начала революции. Что же касается начала его общественной деятельности, то в уже цитированном нами обращении Шометта к его согражданам, он, рассказав о своей личной жизни, затем продолжает:

" . . . Все это время я мечтал о счастье, вздыхал о свободе и боролся за нее в статьях, печатавшихся в различных газетах, издававшихся в то время в Авиньоне. Предшествующие революции два года целиком поглотили мое внимание. Происходившие в то время события вернули меня самому себе и моя страна знает с каким рвением я занимался ее благом. Я разоблачал священников и боролся с дворянами . . . " 6)

Примерно в таком же духе описывал Шометт начало своей общественной деятельности в своем выступлении в Парижской Коммуне 4 нивоза II года (24 декабря 1793 г.)

„По окончании американской войны я надеялся, что свобода установится и в моем отечестве. Я отдался литературной карьере и работал в издававшихся в Авиньоне газетах. Я ездил то в Брест, то в Марсель и посылал оттуда статьи, отмеченные духом философии и свободы. Вернувшись в свой департамент, я в момент революции примкнул к санкюлотской партии и боролся

1) «Moniteur», т. XVI стр. 458.

2) Воспоминания Шометта, стр. VI.

3) Воспоминания Шометта, стр. VI-VII.

4) Бумаги Шометта, стр. 14-15.

5) Воспоминания Шометта, стр. VII.

6) «Монитор», т. XVI, стр. 458.

и местными командующими национальной гвардии, которые затем эмигрировали. Мои сограждане поручили мне надгробную речь над нансийскими патриотами и в этой речи я обрисовал и разоблачил негодяя Булье; после этого я имел смелость выпустить несколько памфлетов против Лафайета“.

Из этих позднейших высказываний Шометта может создаться впечатление, что он уже в первые месяцы революции вполне политически самоопределился и сразу же занял позицию на крайнем левом фланге тогдашней революционной демократии, т. е. рядом с Маратом, Робеспьером и некоторыми другими будущими вождями монтаньяров. Однако, имеющиеся у нас в руках документы этому решительно противоречат и рисуют картину, весьма сильно отличающуюся от той, которая была набросана Шометтом в его речи 4 нивоза II года. Это вовсе не значит, как это полагает Бреш ¹⁾, что 4 нивоза Шометт сознательно лгал; гораздо правильнее предположить, что мы имеем здесь дело не столько с преднамеренным обманом, сколько с вполне об'яснимым в бурные годы того времени простым искажением перспективы. Но так или иначе, факт тот, что в то время как в своем выступлении 4 нивоза Шометт указывал, что в произнесенной им по поводу нансийских событий речи он восхвалял мятежных солдат полка Шатовье, дошедший до нас текст этой речи ²⁾ показывает, что на самом деле Шометт восхвалял не солдат Шатовье, а их усмирителей! Поэтому неудивительно, что умеренные администраторы неверского дистрикта в своем письме к Шометту от 26 сентября 1790 г. приветствовали его речь о нансийских событиях и выражали пожелание о ее напечатании ³⁾.

Таким образом, мы считаем себя вправе утверждать, что подобно своему будущему единомышленнику и товарищу по работе в Парижской Коммуне—Эберу, Шометт еще ранней осенью 1790 г. был настроен довольно умеренно и стоял в этот период значительно правее не только Марата, но и Робеспьера и даже Камилла Демулена. Но если так было до тех пор, пока Шометт находился в спокойных и отдаленных от событий Невере или Мулене, то картина решительно изменилась, как только он попал в бурлящий котел тогдашнего Парижа.

Мы точно не знаем, когда именно Шометт переехал со своей родины в Париж. Некоторые сохранившиеся в Национальном Архиве адресованные Шометту письма позволяют предполагать, что он уже весной 1789 г. намеревался перебраться в Париж ⁴⁾, но с другой стороны сам Шометт в составленной им позднее автобиографии ⁵⁾ говорит, что он был принят в кордельерский клуб в сентябре 1790 г. „вскоре после моего прибытия в Париж“ ⁶⁾.

¹⁾ Бреш стр. 53.

²⁾ Текст этой речи сохранился в картоне Т 604-605 Нац. Архива, отрывки из него см. „Бумаги Шометта“, стр. 53.

³⁾ Там-же, стр. 40.

⁴⁾ Там-же, стр. 15; „Воспоминания Шометта“, стр. VIII.

⁵⁾ Автобиография эта сохранилась в картоне Т 1611 Нац. Архива и перепечатана в „Бумагах Шометта“, стр. 129-144.

⁶⁾ Там-же, стр. 129.

А так как, как известно, восстание полка Шатовье произошло в августе 1790 г. и так как, как мы только что видели, Шометт был в это время еще у себя на родине, то приходится предположить, что план Шометта о переезде в Париж весной 1789 г. почему-то не получил осуществления и переезд этот совершился лишь в конце августа или начале сентября 1790 г.

О первых месяцах пребывания Шометта в Париже мы знаем только то, что он впоследствии писал в своей уже цитированной автобиографии.

Вот что мы там по этому поводу находим:

„Октябрь 1790 г. Я произношу, в качестве делегата кордельерского клуба ¹⁾, речь в клубе якобинцев ²⁾. Я напрямик обвиняю Мирабо, а равно и Ламетов. Мою речь находят черезчур республиканской и противной некоторым пунктам конституции, как-то отлагательному вето, праву короля назначать на все должности, его неприкосновенности и т. д. . . .

„Ноябрь. Я публикую различные работы против двора и Лафайета . . . ³⁾).

Можно ли доверять этим позднейшим показаниям Шометта и не представляют ли они такой же аберрации его памяти, как и утверждение его речи 4 нивоза относительно до-парижского периода его жизни? Мы полагаем, что ответ на этот вопрос должен быть дан безусловно отрицательный, ибо о политическом настроении Шометта по его прибытии в Париж свидетельствует не только его автобиография, но и подтверждаемый целым рядом источников объективный факт, а именно приглашение его участвовать в редактировании такой крайне-левой газеты, как знаменитые „Парижские революции“ Прюдомма. Вот что рассказывает об этом Шометт в своей автобиографии:

„Декабрь 1790 г. Я приглашен Прюдоммом участвовать в редактировании его газеты «Парижские революции». Начиная с этого момента, моя жизнь делается оседлой и, не покидая клуба Кордельеров, я в то же время целиком посвящаю себя изучению великих публицистов и философскому наблюдению над быстро сменяющимися друг друга событиями и человеческими страстями, ежеминутно меняющими политическое лицо Франции. Все мои писания, все мои статьи в газете „Парижские революции“ составляют непрерывные удары по королевской власти; к этой же цели направлены и мои речи с трибуны кордельерского клуба и секции Французского театра“ ⁴⁾.

Приглашение работать в „Парижских революциях“ оказало значительное влияние на личную жизнь Шометта. В до-парижский период своей жизни он, как мы видели, был типичным представителем мелко-буржуазной интеллигентской богемы, кочующим с места на место и не имеющим ни постоянного местожив-

¹⁾ Мы уже видели, что Шометт вступил в кордельерский клуб в сентябре 1790 г.

²⁾ Для понимания отношения якобинского клуба к выступлению Шометта следует помнить, что до середины июля 1791 г. в него входили и фельяне, вследствие чего клуб этот был в то время несравненно более умеренным, чем кордельерский.

³⁾ „Бумаги Шометта“. стр. 130.

⁴⁾ Там-же, стр. 131.

тельства, ни каких либо твердых источников существования. Теперь же Шометт, как он сам об этом говорит, переходит к более оседлому образу жизни, а его литературный заработок делается более постоянным и позволяет ему целиком отдаться политической деятельности. К этому же времени, повидимому, относится и его брак с некоей Генриеттой Симонен ¹⁾, бывшей, судя по некоторым источникам, белошвейкой ²⁾.

Но несравненно важнее этих изменений в личной жизни Шометта был совершившийся после его переезда в Париж поворот в его политических убеждениях. Не говоря уже о том, что содержащиеся по этому поводу в автобиографии Шометта указания в достаточной мере подтверждаются фактом его приглашения для работы в «Парижских революциях» (об этом мы уже говорили), мы сейчас убедимся, что уже с начала 1791 г. Шометт выступал перед нами, как типичный монтаньяр. Если еще в конце своего пребывания в провинции Шометт не успел вполне политически самоопределиться, и выступал скорее как интеллигент-либерал, чем как настоящий демократ и революционер, то уже в первые месяцы своей парижской жизни он занимает позицию на крайнем левом фланге тогдашней французской общественности. Отличительной чертой политики будущих монтаньяров в конце 1790 г. и в 1791 г. являлась их борьба с реакционной политической линией крупно-буржуазного большинства Учредительного собрания и мы сейчас увидим, что уже с начала 1791 г. Шометт делается в этой борьбе достойным соратником Марата, Робеспьера и других вождей тогдашней французской мелкой буржуазии.

Как известно, одним из главных органов, используемых мелкой буржуазией для борьбы с реакционной политической линией Конституанты, являлись массовые общественные организации и в первую очередь, клубы и парижские секции. В частности, эти последние или, точнее, те из них, в которых господствовала мелкая буржуазия, не ограничиваясь предоставленными им законом чисто муниципальными полномочиями, неоднократно вмешивались и в вопросы общей политики и громко протестовали против стремления Учредительного Собрания превратить крупную буржуазию в привилегированный класс, на подобие привилегированных сословий старого режима, — дворянства и духовенства. Поэтому неудивительно, что Учредительное Собрание скоро почувствовало необходимость положить предел этим тенденциям и изданный им 10 мая 1791 г. декрет в своей ст. 1 гласил, что „право петиций принадлежит только отдельным лицам и не может быть делегировано. В силу этого, запрещаются коллективные петиции всех избирательных, судебных, административных и муниципальных организаций, а равно и секций коммун и обществ граждан“. А ст. 2 этого же декрета гласила, что собрания коммун и секций могут быть созданы лишь для рассмотрения чисто муниципальных вопросов, вследствие чего все постановления этих организаций по вопросам иного порядка признаются заранее незаконными и антиконституционными.

¹⁾ Фамилия жены Шометта указана в протоколе об его аресте 28 вандоза II года. „Бумаги Шометта“, стр. 38.

²⁾ Там-же, стр. 31.

Само собой разумеется, что декрет 10 мая 1791 г. вызвал резкое возмущение со стороны всех подлинно революционных элементов тогдашнего французского общества и негодование этому не остался чужд и Шометт. Из его автобиографии мы уже знаем, что начиная с конца 1790 г. он играл видную роль в секции Французского Театра, т. е. одной из наиболее революционных секций Парижа ¹⁾ и поэтому было совершенно естественно, что он лучше кого бы то ни было должен был понять все значение удара, нанесенного революции декретом 10 мая. Результатом этого явилась речь, произнесенная Шометтом повидимому вскоре после издания этого декрета и рукопись которой сохранилась среди его бумаг в картоне Т 604-605 Национального Архива. По этой рукописи мы дальше и цитируем.

Речь Шометта начинается с резкой критики запрещения коллективных петиций. «Это значит, что доверенные отказываются выслушивать какие бы то ни было указания со стороны своих доверителей. Какой вес может иметь петиция изолированного лица и каким образом установить, что она является выражением воли целого коллектива? Когда будут страдать интересы целого коллектива, каким образом сможет он высказать свои пожелания, если те, кому он поручил быть его представителями, не смогут говорить от его имени и с его одобрения? Каким образом собрать в единую петицию все индивидуальные воли? Единственный способ это сделать—обходить всю страну и собирать под петицией подписи отдельных лиц. Таким образом, декретирование принципа, что право петиций не может осуществляться коллективно, равносильно тому, как если бы объявить, что все петиции объявляются незаконными и лишенными силы».

Не меньшее негодование Шометта вызывает и ст. 2 декрета 10 мая. «Итак, граждане лишены права наблюдать за своим правительством . . . Пусть законодательные и исполнительные власти подрывают сколько им заблагоразсудится значение конституции и роют могилу свободе,—нет власти, которая сможет им в этом помешать. Пусть наши границы будут открыты для наших внешних врагов, пусть целые орды варваров захватывают наши провинции и убивают наших братьев,—они смогут делать это без труда, если только им удастся договориться с теми, кто нас предает, и если это окажется выгодным для верховного главы армии. Что касается народа, то он отныне будет лишен права обсуждать меры, необходимые для предотвращения или устранения этих несчастий, ибо в этом случае, как и в тысяче других, его собрания не будут иметь своим предметом вопросов чисто муниципальной администрации и будут, следовательно, считаться противозаконными и недействительными . . . Начав со связывания наших языков, скоро придут к тому, чтобы связать нам руки. Еще один только декрет конституционного комитета, запрещающий нам ношение оружия, и мы станем рабами» . . .

Какие же выводы делает Шометт из своей критики декрета 10 мая 1791 г.? „Этот декрет должен быть предан вечному заб-

¹⁾ О деятельности секций в этот период революции вообще и секции Французского Театра в частности см. Я. М. Захер. „Парижские секции 1790-1795 г. г.“

вению, ибо он наносит удар нашим правам. Он оскорбителен для нации и мы заранее предупреждаем об этом наши будущие законодательные органы. Более того, мы потребуем от них наказания всех, тех кто осмелился его предложить“

Как показывает эта речь, Шометт уже весной 1791 г. совершенно ясно разбирался не только в истинных намерениях Людовика XV (фраза о верховном главе армии), но и в подлинных целях вождей Учредительного Собрания. Это значит, что в противоположность своей позиции осенью 1790 г., Шометт занял в это время место в первых рядах мелкобуржуазных деятелей того времени и поэтому было более чем естественным, что во время вареннского кризиса 1791 г. мы встречаем его в числе наиболее энергичных и прямолинейных революционеров. Более того, если речь Шометта о декрете 10 мая ставит его на один уровень с Маратом и Робеспьером, то во время вареннского кризиса он, как мы сейчас убедимся, идет впереди них, и причиной этого, само собой разумеется, является то, что в отличие от бывших представителями крепкого ядра мелкой буржуазии Робеспьера и Марата, Шометт уже в это время складывается, как представитель ее наиболее обездоленных низов.

Как известно, бегство Людовика XVI в Варенн вызвало необычайно сильный взрыв общественного негодования и положило резкую грань между испугавшимися дальнейшего углубления революции крупно-буржуазными «революционерами» типа Барнава с одной стороны ¹⁾, и требовавшими такого углубления будущими монтаньярами с другой. Но в то время, как большинство вождей мелкой буржуазии пошли в это время вслед за Робеспьером, который боялся, что республика приведет к усилению позиций крупной буржуазии и требовал поэтому сохранения монархии, но под условием ее дальнейшей демократизации,—Шометт, как мы видели уже в конце 1790 г. настроенный республикански, сделал теперь дальнейший шаг влево и уже на следующий день после бегства короля высказался за республику. Вот что мы читаем в соответствующем абзаце его автобиографии:

„21 июня 1791 г. Эмиграция Людовика XVI и его семьи. Я побуждаю клуб кордельеров отречься от вынужденной у нее формулой гражданской присяги клятвы королю. Я составляю соответствующее постановление и оказываюсь избранным для сообщения его якобинцам и всем вообще народным обществам; постановление это расклеивается“ ²⁾.

В тот же или на следующий день, Шометт произносит в каком-то, точно нам неизвестном, обществе ³⁾ речь, текст которой до нас не дошел, но которую сам Шометт в своем выступлении 23 июня резюмировал в следующих словах:

---

¹⁾ Как известно, в своей речи 15 июля 1791 г. Барнав раскрыл карты крупной буржуазии и открыто заявил, что боится всякого углубления революции, т. к. оно непременно повлекло бы за собой покушение на право собственности.

²⁾ Автобиография Шометта. „Бумаги Шометта“ стр. 132.

³⁾ Тщательно расследовавший историю этой речи Бреш приходит к выводу, что она была произнесена в заседавшем в помещении якобинского клуба братском обществе обоих полов. Бреш, цит. соч., стр. 103-110

„Я предлагал просить Национальное Собрание, чтобы оно, разобравшись во всех фактах, предшествовавших, сопутствовавших и последовавших за бегством Людовика XVI и королевской семьи, не принимало немедленного решения о поведении короля, а сделало бы то, что оно должно было сделать в тот день, когда наши представители об'явили себя Национальным Собранием: приостановить функции королевской власти вплоть до окончания конституции“¹⁾.

Но речь эта, повидимому, не оказала желаемого Шометтом действия, и через день или два, 23 июня, он снова произносит в том же самом обществе речь „о бегстве короля и о том, следует ли приостановить отправление королевской власти и может ли французская конституция обойтись без короля“²⁾. Не касаясь здесь чисто теоретических положений этой речи, говорить о коих нам придется при анализе политических воззрений Шометта, мы остановимся сейчас лишь на практической части его выступления 23 июня.

Доказав рядом примеров преступное поведение Людовика XVI, Шометт следующим образом формулировал свои конкретные предложения:

„Вся нация почувствовала смертельные удары, нанесенные ей ее королем; следовательно, вся нация имеет право признать его виновным, а наши представители обязаны его судить. Если же они не считают себя для этого достаточно могущественными, пусть они созовут новое законодательное собрание, первым делом которого должно быть судить короля и его жену, но лишь их одних. Да, граждане, их одних, ибо было бы варварством наказывать тех, кто считали, что они лишь исполняют свой долг, подчиняясь человеку, который оплачивает их посредством предоставленных ему для этой цели 35 миллионов“³⁾.

„Да, братья и друзья, я еще раз убежденно повторяю: король и королева одни только виновны во всех направленных против революции преступлениях. Если бы эти деспотические существа были бы действительно друзьями тех, кого они нагло называли своими подданными, конституция была бы уже закончена и мы пользовались бы всей полнотой счастья, которое только возможно при существовании конституции, которую я считаю испорченной благодаря сохранению в ней королевской власти“.

Но практические предложения Шометта не ограничиваются одним только требованием суда над Людовиком XVI и Марией-Антуанетой. „Если в конституции можно обойтись без королевской власти и если король виновен, мы тем самым имеем право и даже обязаны требовать, чтобы Национальное Собрание провозгласило приостановление отправления королевской власти.“

„Но, скажут нам, Собрание в своей мудрости уже приняло эти меры, ибо оно предписало министру юстиции подписывать вплоть до дальнейших распоряжений, все законы и поручило временно отправление исполнительной власти министрам, под их лич-

¹⁾ „Бумаги Шометта“, стр. 149.

²⁾ Речь эта сохранилась в картоне Т 604-605 Нац. Архива и перепечатана Брешем, „Бумаги Шометта“, стр. 149-162.

³⁾ Подразумеваются 35 миллионов цивильного листа.

ную за тоответственность. Я знаю, что собрание издало декрет в этом смысле, но то, что оно сделало, еще не равносильно тому, о чем я говорю. Оно приостановило отправление Людовиком XVI его королевских функций лишь фактически и молчаливо; я же требую, чтобы об этом было сказано ясно и во всеуслышание“.

При таком настроении Шометта в первые дни после бегства в Варенн, было совершенно очевидно, что он, подобно другим подлинным революционерам того времени, должен был испытывать величайшее негодование при созерцании половинчатой, а вернее даже и прямо таки реакционной политики Учредительного Собрания в этот период его деятельности. Ибо, как известно, Собрание, приняв в минуту растерянности при известии о бегстве короля, указанные Шометтом в его речи 23 июня меры, при первом же сообщении об аресте Людовика XVI в Варенне пошло на попятный, и уже очень скоро решило восстановить монарха в его правах, а всю ответственность за его бегство свалить на Булье и других придворных. Вполне понятно, что Шометт, подобно всем другим будущим монтаньярам, а отчасти даже и жирондистам, не мог остаться спокойным наблюдателем этих событий и мы действительно видим, что именно он был автором обращения к нации ¹⁾, принятого кордельерским клубом в его заседании 12 июля ²⁾.

В резких чертах обрисовав позорную политику Учредительного Собрания после бегства в Варенн, являющуюся, впрочем, лишь достойным продолжением духа декрет 10 мая, составленное Шометтом обращение далее гласит:

„Подобное поведение показывает, что мы имеем здесь дело с вождем, нарушающим свои обязанности и с представителями, которые позволяют вводить себя в заблуждение. Следовательно эти представители нам более не подходят и их ошибки, а равно и незаконное и преступное продление их мандатов, — делаю необходимым лишение их ваших полномочий и передачу таковых в более честные руки.

„В силу этого мы . . . рекомендуем вам предложить вашим уполномоченным аннулировать декрет, предписывающий отсрочку избирательных собраний ³⁾, дабы нынешние представители могли быть немедленно заменены другими, коих вы признаете достойными вашего доверия, не обращая при этом никакого внимания на антиконституционный декрет о марке серебра ⁴⁾.

“Созванные избирательные собрания должны немедленно избрать по одному на каждый департамент представителю, кото-

¹⁾ Одновременно с этим Шометт составил текст „Манифеста французского народа ко всем народам земли“, перепечатанного в “Бумагах Шометта“, стр. 145-149. Бреш, опубликовав этот „Манифест“, выразил предположение, что он был составлен 13 июня 1791 г., т. е. до бегства в Варенн (см. Бреш, цит. соч., стр. 98-99). Однако Альбер Матъез неопровержимо доказал (см. А. Mathiez, «Le club des Cordeliers pendant la crise de Varennes», стр. 94), что манифест этот был составлен уже после бегства в Варенн и что его следует датировать не 13 июня, а 13 июля.

²⁾ Обращение это перепечатано у Матъеза, цит. соч. стр. 96-98.

³⁾ На конец июня были назначены первичные собрания для начала избирательной процедуры по выборам в новое Законодательное Собрание, но Конституанта, узнав о бегстве в Варенн, отсрочила их открытие.

⁴⁾ Имеется в виду декрет о разделении граждан на „активных“ и „пассивных“.

рые в своей совокупности составят временную национальную директорию, располагающую исполнительной властью, достаточной для поддержания порядка и управления страной до тех пор, пока нация разрешит вопрос о судьбе бывшего короля и форме будущего государственного строя“.

Только что приведенные цитаты позволяют нам утверждать, что выставленные Шометтом в июне-июле 1791 г. требования буквально предугадывали то, что через год слишком после того было осуществлено в результате революции 10 августа 1792 г.: отрешение короля, создание временного правительства и созыв избранного на основе всеобщего избирательного права, нового народного представительства. Поэтому неудивительно, что в последовавшие затем дни Шометт принимает самое горячее участие в республиканской агитации того времени и мы видим его не только в числе авторов знаменитой петиции 17 июля, но и в числе манифестантов на Марсовом поле.

Впрочем, автобиография Шометта дает основания полагать, что он предвидел печальную судьбу этой манифестации и принял участие в ней лишь после того, как сделал все, что было в его силах, чтобы ее предотвратить. Вот что мы читаем по этому поводу в его автобиографии:

„16 июля 1791 г. Я пытаюсь отвлечь кордельерский клуб от принятого им решения отправиться на следующий день на Марсово поле для собирания там подписей под знаменитой петицией; я добиваюсь того, что принимается решение отправиться безоружными.

„17 июля. Меня избирают одним из редакторов петиции . . . Мне удается избежать ярости убийц; отряд гренадеров Аббатства узнает меня и спасает от опасности. Этот отряд не выпускает ни одного выстрела и облегчает бегство граждан“ 1)

После всего того, что мы знаем о деятельности Шометта в момент вареннского кризиса, мы не можем удивиться содержащемуся в его автобиографии рассказу о начатых против него после бойни на Марсовом поле преследованиях:

„Меня разыскивают и пытаются схватить, пользуясь описанием моей внешности. Многие патриоты из числа моих знакомых оказываются арестованными; я становлюсь на их защиту. Я пишу знаменитую статью в газете Приюдомма (т. е. в „Парижских революциях“. Я. Э.), подогревающую смелость патриотов. Я возобновляю деятельность разогнанного преследованиями предателей клуба кордельеров. Первое время мы, в количестве 12 человек, собираемся у Сирье, на улице Бушери; но скоро наши силы растут, а наши арестованные братья выходят на свободу“ 2).

Этот отрывок из автобиографии Шометта представляет едва ли не единственное, что мы знаем о его деятельности во второй половине 1791 г.³⁾ и это, конечно, не удивительно, если принять

1) „Бумаги Шометта“, стр. 132-133.

2) Там же, стр. 133.

3) К этому же времени относится его статья, в которой он критикует изданный Учредительным Собранием 13 и 14 августа 1791 г. декрет о порядке престолонаследия. Рукопись этой статьи сохранилась в Нац. Архиве. (Картон Т 604-605, связка 10)

во внимание, что деятельность подобных ему крайних революционеров была в то время почти что совершенно загнана в подполье. Таким образом следует предположить, что основным поприщем работы Шометта в этот период революции являлся кордельерский клуб; когда же клуб этот в ноябре 1791 г. раскололся, то Шометт оказался как раз в числе того меньшинства, которое основало новый клуб на улице Вьей-Моннэ 1).

Руководящая роль, которую Шометт играл в клубе Вьей-Моннэ видна уже из того, что именно им был написан циркуляр, разосланный этим клубом всем остальным народным обществам 2) В этом циркуляре указывается, что основной задачей народных обществ является руководство общественным мнением. „Не будем скрывать от себя, граждане, что именно общественное мнение подготовило революцию и что оно одно способно ее закончить и консолидировать. Но удачливые и ловкие предатели могут придать этому мнению направление, благоприятное их намерениям и роковое для общественной свободы; кроме того, общественное мнение может и ошибаться. . . Поэтому возьмем в свои руки это легкомысленное и непостоянное божество, сегодня отправляющее тиранов на эшафот, а завтра—возвращающее им троны; поставим его под иго истины, будем им руководить и поведем его по пути разума и справедливости. Такова наша задача, такова победа, к которой мы должны стремиться“.

Кроме этого циркуляра, Шометт написал еще для клуба на улице Вьей-Моннэ „Проект положения о чистке членов народного общества“ 3)

Но работа Шометта в клубе на улице Вьей-Моннэ оказалась очень непродолжительной. Вот что мы находим по этому поводу в его автобиографии:

„Январь 1792 г. Я основываю новый клуб на улице Вьей-Моннэ. Но скоро туда забираются интриганы, которые вводят граждан в заблуждение и вынуждают их принимать участие в чисто личных дрязгах. В результате этого в клубе устанавливается господство двух человек. Я покидаю клуб и эти двое честолюбцев натравливают на меня дураков, над которыми они господствуют“ 4).

Но неудача с клубом улицы Вьей-Моннэ несколько не ослабила революционной энергии Шометта и в первые месяцы 1792 г. мы все время видим его в первых рядах мелкобуржуазных революционеров того времени. Как известно, наиболее важной задачей монтаньяров в начале 1792 г. являлась их борьба с воинственной внешней политикой Людовика XVI и жирондистов и Шометт, подобно Робеспьеру, делает все от него зависящее для предотвращения разрыва Франции с Австрией и Пруссией. „Начинаются разговоры о войне“,—читаем мы в автобиографии Шометта под датой февраля 1792 г. „Я пишу о полной небоеспособности наших

1) Матьез, цит. соч. стр. 70.

2) Текст его сохранился в картоне Т 604-605 Нац. Архива и перепечатан в „Бумагах Шометта“, стр. 176-177.

3) Там-же, стр. 171-175.

4) „Бумаги Шометта“ стр. 134.

крепостей и об аристократизме командующих крепостями и воинскими частями; я нападаю на министерство»¹⁾. Ту же самую, столь близкую тому, что говорил в это время и Робеспьер, мысль о том, что главный враг революции—не за границами Франции, а внутри ее, находим мы и в небольшой записке Шометта, в которой он восхваляет представленную Законодательному Собранию 1 января 1792 г. петицию против войны²⁾.

Наряду с борьбой против войны, Шометт в первой половине 1792 г. продолжает и свою борьбу за демократизацию установленного Учредительным Собранием нового государственного устройства Франции. В частности, он продолжает в это время свою известную нам уже по его выступлению за год перед тем борьбу за демократизацию муниципального устройства Парижа и именно к этой цели направлена произнесенная им в мае 1792 г. речь³⁾.

Воспользовавшись тем, что в это время многие парижские секции обсуждали вопрос о реформе действовавшего в то время в Париже полицейского кодекса, Шометт произнес в секции Французского Театра речь, в которой доказывал, что корень зла лежит не столько в недостатках этого кодекса, сколько в общем характере муниципальных законов Учредительного Собрания. „Есть, господа, одна истина, которую, как мне кажется, сейчас необходимо высказать. Мы не добьемся ничего, кроме пустых паллиативов, если не затронем самого корня зла. Зло лежит в специфическом муниципальном устройстве Парижа; вот куда должны быть направлены наши удары, вот на что следует направить луч света“. Исходя из этих соображений, Шометт требовал аннулирования анти-демократического декрета 21 мая—27 июня 1790 г.⁴⁾ и замены его более демократическим проектом, еще в декабре 1789 г. выработанным собиравшимися в здании архиепископства представителями парижских дистриктов.

Наряду с требованием демократизации муниципальных законов, Шометт выставляет в это время и другое крайне важное требование—демократизации армии. Этой теме посвящены относящиеся повидимому к первой половине 1792 г. его записка о реорганизации системы французских вооруженных сил и речь к солдатам⁵⁾.

Записка Шометта о реформе системы вооруженных сил начинается с критики обсуждавшегося в это время военным комитетом Национального Собрания проекта чистки командного состава армии. Такая чистка, полагает Шометт, будет совершенно бесцельной: поскольку право замещения командных должностей принадлежит королю, офицеры, вычищенные в одном месте, все равно немедленно получать назначения где-либо в другом месте.

Взамен этого совершенно недостаточного паллиатива, Шометт предлагает произвести полную и кардинальную реорганизацию армии, средством для чего должно быть растворение ре-

1) Там-же, стр. 134.

2) Нац. Архив, Т 604-605, связка 9.

3) Там-же.

4) Об этом декрете см. Я. М. Захер, „Парижские секции 1790-1795 г.“

5) Рукописи обоих этих выступлений Шометта находятся в Нац. Архиве картон Т 604-605, связка 9.

гулярных частей в среде национальной гвардии и установление принципа выборности всех командных должностей. Только такая полная организация армии, утверждает Шометт, сделает ее подлинной защитницей революции и устранил возможность использования ее в контр-революционных целях.

„Линейные войска, совершенно отдельные от войск гражданских, и находящиеся в распоряжении всегда склонной к расширению своих полномочий наследственной исполнительной власти—являются в ее руках орудием, неизменно готовым к содействию всем ее намерениям. Такова уже судьба армий, что каков бы ни был патриотизм солдат, армии эти все равно могут быть легко использованы против содержащих их наций. Достаточно бросить беглый взгляд на историю всех имевших место у различных народов земли революций, чтобы убедиться, что все народные правительства были свергнуты посредством армий.“

Совершенно инос положение вещей создается в случае растворения регулярной армии в среде национальной гвардии. „Если наши линейные войска будут слиты с гражданами, то уже один факт ношения одинаковой одежды будет им постоянно напоминать, что они борются за одно общее дело. При таком положении вещей будет морально невозможным отвлечь их от их истинного назначения. В противном же случае ловкие вожди будут всегда иметь возможность обмануть патриотизм солдат“.

Совершенно аналогичные мысли встречаем мы и в речи Шометта к солдатам. Как известно, с самого же начала войны Франции с Австрией и Пруссией, значительная часть дворянского командного состава французской армии стала переходить на сторону неприятеля и обстоятельство это вызвало значительную тревогу в среде Законодательного Собрания. Но Шометт смотрит на это совершенно иными глазами. „Пусть изменники переходят из нашей армии в неприятельские войска, для нас это только хорошо. Эта эмиграция... только очистит наши линейные части.. Будьте же смелее, храбрые солдаты, усильте энергию своего патриотизма и в наших руках окажется средство отделаться от изменников, которые свое дальнейшее пребывание в вашей среде будут рассматривать, как наказание“.

Одновременно с этой борьбой за демократию, Шометт и в 1792 г. продолжал деятельность в секции Французского Театра, одним из главных руководителей которой он был еще с предыдущего года. Так, в его автобиографии под рубрикой „июнь 1792 г.“ мы читаем:

„Партия фельянов и роялистов торжествует. Батальон (национальной гвардии. Я. З.) Сент-Андре, в состав которого я входил, оказывается обманутым своими вождями. Мне удастся повлиять на некоторую его часть и я побуждаю ее отправиться сажать дерево свободы у дверей Национального Собрания. Я произношу по этому поводу речь¹⁾, которую Собрание постановляет напечатать.

„Секция Французского Театра разделена и в ней господствуют предатели. Я в течение долгого времени выдерживаю всю

1) Речь эта была произнесена 19 июня 1792 г. „Монитор“ (т. XII, стр. 700) отмечает факт выступления представителя батальона Сент-Андре-дез-Ар, но не указывает, что этим представителем был Шометт.

тяжесть борьбы с ними и они направляют на меня наемного убийцу. Хотя я был без оружия, мне все же удалось завладеть его саблей. Эта сцена имела место на улице Серпант¹⁾.

Последовавшая за манифестацией 20 июня 1792 г. реакция лишь усилила революционную энергию Шометта и в то время как все правые круги обрушиваются на мэра Парижа—жирондиста Петюна, которого они не без основания упрекают в потворствовании этой манифестации, Шометт обращается к нему с письмом, в котором приветствует его поведение и призывает к немедленному восстанию²⁾.

При такой линии поведения Шометта в июне 1792 г. совершенно неудивительно, что он принимает самое горячее участие в массовом движении, подготовившем переворот 10 августа 1792 г., причем главной ареной его деятельности остается секция Французского Театра. Так, знаменитое постановление этой секции от 30 июля 1792 г., в котором она призывает в свою среду всех „пассивных“ граждан, подписано Дантоном в качестве председателя и Шометтом и Моморо—в качестве секретарей³⁾. А когда целый ряд парижских секций в конце июля 1792 г. требует от Законодательного Собрания немедленного низложения Людовика XVI, то Шометту удается побудить присоединиться к этому требованию и кордельерский клуб, в состав которого он возвратился очевидно после своей неудачи с клубом улицы Вьей-Моннэ.

В самом деле—под рубрикой „июль 1792 г.“ в автобиографии Шометта содержится следующая запись:

„Мне удается уговорить всех граждан секции, находившихся в клубе кордельеров, присоединиться к секционному собранию. Я побуждаю клуб принять постановление об исключении из числа его членов всякого, кто при переживаемых родиной грозных опасностях оказался бы не на высоте своего звания гражданина. Кроме того, меня отправляют встречать марсельцев и я с этого времени с ними более не расстаюсь“⁴⁾

Роль, сыгранная Шометтом при дальнейших этапах подготовки восстания 10 августа рисуется в его автобиографии следующим образом:

„5 августа. Я нападаю на короля по поводу изданной им прокламации⁵⁾. Против меня замышляют убийство; марсельцы охраняют улицу, на которой я проживаю.

„6 августа. Король обращает на меня внимание государственного обвинителя при уголовном суде.

„8 августа. По моему предложению секция постановляет призвать в свою среду всех граждан независимо от того, являются они активными или нет⁶⁾. Начиная с 6 августа, я не поки-

1) „Бумаги Шометта“, стр. 134.

2) Mortimer Ternaux. Histoire de la terreur, Т. I. стр. 421—423.

3) Текст этого постановления см. Buchez et Roux, «Histoire parlementaire de la Revolution Française», т. XVI стр. 249—250.

4) «Бумаги Шометта», стр. 134.

5) Речь идет очевидно о той прокламации Людовика XVI, в которой он призвал французов объединиться против кучки заговорщиков и указывал на свою неучастность к угрозам герцога Брауншвейгского.

6) Шометт здесь явным образом запямятовал, ибо, как мы видели выше, постановление это было принято еще 30 июля.

даю бюро своей секции и мне приносят туда необходимую пищу. Часть ночей со мной проводят марсельцы. Мы готовимся к восстанию; я тороплю с раздачей пик.

„Интриганы пытаются ударить в набат и начать восстание 8 августа; я против этого энергично возражаю и секция скоро становится на мою сторону. Я отправляю делегации в секции Финистер, Кенз-Вен и Моконсейль, дабы убедить их выступить лишь на следующий день и сохранять спокойствие до того, как колокол Кордельеров даст сигнал к выступлению. Эти секции со мной соглашаются.

„9 августа. Днем я составляю обращение ко всем окружающим Париж коммуна с приглашением при переживаемом кризисе присоединиться к гражданам Парижа. Типографщик Б... отказывается отпечатать это приглашение.

„Еще накануне секция объявила себя в состоянии восстания; я предписываю расклеить это постановление и предупреждаю все находящиеся по эту сторону Сены секции, что сборным пунктом является площадь Французского Театра. В 10 часов вечера меня избирают в состав совета мэра, или точнее, революционного совета (т.-е. революционной Коммуны 10 августа. Я. З.). В 11 часов меня приносят домой, падающим от усталости: я провел пять ночей, ни разу не сомкнув глаз. До того, как удалиться к себе, я добиваюсь, что наступление на Тюильери начнется лишь с наступлением дня“¹⁾.

Если таким образом автобиография Шометта, подтверждаемая в данном случае целым рядом других источников²⁾, с несомненностью указывает на то исключительно видное участие, которое он принимал в подготовке восстания 10 августа 1792 г., то в самом восстании Шометт участвовал повидимому скорее как простой наблюдатель, чем как активное действующее лицо. На это указывает следующее место его автобиографии.

„10 августа. На улице Сент-Оноре я оказываюсь свидетелем уничтожения мнимого патруля; при этом я рискую своей жизнью. Какие то злонамеренные люди указывают на меня, как на священника; это имеет место около 7¹/₂ часов утра. В 8 часов я нахожусь около Карруселя, со стороны прохода в Национальное Собрание; когда начинается стрельба, толпа увлекает меня до улицы Сент-Оноре...

„В двенадцать часов дня, я бегу в здание ратуши; меня принимают там с распростертыми объятиями и немедленно избирают в президиум“³⁾.

Действительно, как показывает протокол первого заседания революционной Коммуны 10 августа, Шометт не только председательствовал в этом заседании, но и был избран одним из постоянных секретарей Коммуны⁴⁾. Таким образом, начиная с 10 ав-

¹⁾ «Бумаги Шометта», стр. 134—136.

²⁾ Подробнее об этом см. F. Braesh „La Commune du 10 aout 1792 г.“; Ph. Sagnac, La Revolution du 10 aout—1792 г.“; предисловие О л а р а к его изданию мемуаров Шометта о революции 10 августа; М о р т и м е р-Т е р н о, цит. соч., т. I; Б ю ш е и Р у, цит. соч., т. XVI и т. д. и т. д.

³⁾ «Бумаги Шометта», стр. 137.

⁴⁾ Бюше и-Ру, Т. XVI, стр. 430—451

густа 1792 г., деятельность Шометта самым непосредственным образом смыкается с работой Парижской Коммуны и в истории его жизни наступает совершенно новый этап. К анализу этого этапа мы сейчас и обратимся.

Г Л А В А II.

Шометт в Парижской Коммуне.

Вступив в среду революционной Парижской Коммуны 10 августа, Шометт с первого же дня начинает играть в ней самую выдающуюся роль, доказательством чего являются возлагавшиеся на него ответственные поручения. Так, уже в первом заседании Коммуны 10 августа, Шометту поручается написать ответный адрес коммуне Ланьи, предложившей революционному Парижу свою помощь и составленное им обращение отпечатывается и рассылается по всем коммуна́м Франции¹⁾. В тот же вечер Коммуна посылает Шометта принять меры для прекращения пожара Тюильерийского дворца и ему лишь с большим трудом удается уговорить разъяренный народ позволить спасти этот величайший памятник искусства²⁾. А на следующий день 11 августа, Шометту дается поручение ответить версальской национальной гвардии, сообщающей о своей преданности жителям Парижа и извещающей о контр-революционной сборище в Сен-Клу³⁾.

При такой роли Шометта в Парижской Коммуне неудивительно, что он принимает виднейшее участие в развернутой Коммуной с первых же часов ее существования энергичной деятельности по борьбе со всеми возможными попытками контр-революции. Как известно, жирондистское большинство Законодательного Собрания, испугавшись приведшего к перевороту 10 августа широкого массового движения, решительно противилось с этого дня всякому дальнейшему углублению революции и поэтому вся тяжесть борьбы с многочисленными внешними и внутренними врагами революции легла в это время целиком на плечи Парижской Коммуны. И в этой работе Коммуны по борьбе с контр-революцией Шометт играл далеко не последнюю роль. Уже вечером 10 августа он отправляется, во главе отряда национальной гвардии секции Моконсейль, на почту и сжигает все находящиеся там „роялистские, аристократические и фельянтинские газеты“⁴⁾. 11 августа Коммуна дает ему, а также и другому своему члену—Мартену, неограниченные полномочия по аресту всех подозрительных лиц⁵⁾, а 29 августа он вводится в состав комиссии из пяти человек, которой поручается арест „всех плохих граждан, скрывающихся после событий 10-го числа“⁶⁾.

1) Автобиография Шометта. „Бумаги Шометта“, стр. 137.

2) Там-же, стр. 138.

3) М. Тошпнеух, „Procès-verbaux de la Commune de Paris,“ стр. 9. В дальнейшем мы будем цитировать это издание как „Протоколы Коммуны“.

4) Автобиография Шометта, „Бумаги Шометта“, стр. 137.

5) Бюше и Ру, цит. соч., т. XVI., стр. 47.

6) Там-же, стр. 198.

Однако, наряду со своей деятельностью по борьбе с контр-революцией, Шометт даже в этот момент острейшей классовой борьбы находит время и силы и для забот совсем иного порядка. Мы дальше увидим, что в полном соответствии с классовой сущностью Шометта, бывшего, как известно, одним из наиболее видных представителей и из о в мелкой буржуазии того времени, одним из основных пунктов его социальной программы являлось требование широкого развития того, что мы бы теперь назвали социальным обеспечением. И вот оказывается, что едва только став у власти, Шометт уделяет этой задаче чрезвычайно значительное внимание. Так, уже в отчете о заседании Парижской Коммуны 11 августа, мы находим следующие строки:

«Г. Шометт, которому было поручено навестить находящихся в больнице Шарите федератов (подразумевается—раненых 10 августа. Я. З.) отдает отчет об исполнении этого поручения. Он восхваляет существующее в этой больнице отношение к больным. Он предлагает перевести туда всех тех, кто выдержит это передвижение. Это предложение принимается¹⁾».

Некоторые дальнейшие подробности о деятельности Шометта в том же самом направлении мы находим в следующих абзацах его автобиографии:

„15 августа... Я ежедневно слежу за перевозкой раненых в различных госпиталях. Я направляю в больницу Шарите старшего хирурга с шестью учениками; я требую от секций белья и корзин и таковые поступают в значительном количестве.

„20 августа. Я предлагаю закрыть богадельню (Hotel Dieu) и открыть по одному госпиталю на каждую из 48 секций, с тем, что количество их будет уменьшено, когда доброта правительства сделает это возможным (т. е. когда муниципальные госпитали будут заменены государственными. Я. З.).

„21 августа. Сопrotивление и интриги со стороны людей, живущих злоупотреблениями и смертями (т. е. администрации больниц. Я. З.)

«22 августа. Мое предложение принимается и для организации госпиталей создается особая комиссия. Многие злоупотребления уничтожаются»²⁾.

Широкая и многогранная работа Шометта в Парижской Коммуне была прервана назначением его по рекомендации Дантона, хорошо знавшего его по секции Французского Театра, в число тридцати комиссаров, которым Временный Исполнительный Совет предоставил широчайшие полномочия для обследования департаментов³⁾. Таким образом в момент сентябрьских убийств Шометт находился вне Парижа и это обстоятельство было им впоследствии специально подчеркнуто в уже цитированном нами его обращении к согражданам от 25 мая 1793 года⁴⁾

Покинув Париж в самых последних числах августа, Шометт отправился в Нормандию и, по его собственным словам⁵⁾, про-

1) „Протоколы Коммуны“, стр. 13.

2) Автобиография Шометта. „Бумаги Шометта“, стр. 139.

3) Там-же, стр. 67—68.

4) „Монитор“, т. XVI, стр. 458.

5) Автобиография Шометта. „Бумаги Шометта“, стр. 139.

был в командировке 32 дня и вернулся таким образом в Париж около 1 октября. Задача, которая была на него возложена, была далеко не из легких: вся Франция в это время буквально кипела, как в огне, и испуганные революцией 10 августа жирондисты через посредство своих многочисленных агентов ¹⁾ вселяли в население провинции недоверие и ненависть к революционному Парижу, который они обвиняли в стремлении к «беспорядку» и «анархии». При таких условиях перед посланными из Парижа комиссарами стояли совершенно исключительные трудности и красочное описание их было дано никем иным, как самим Шометтом в опубликованном им отчете о своей миссии, озаглавленном «Отчет П. Г. Анаксагора Шометта своим согражданам по Парижской Коммуне» ²⁾.

«При нашем приезде,—рассказывает в этом отчете Шометт,—агенты парижских пруссаков подняли деревни и, словно по заговору, имеющему целью погубить нас, а вместе с нами и общественное дело,—в то время, как в Париже вызывали среди нас раздоры, здесь мнимые комиссары препятствовали нашей работе, поджигали замки эмигрантов, взымали произвольные налоги и распускали слух, что наши полномочия аннулированы и что мы шпионы. Кроме того, они болтали тысячу подобных же нелепостей, очевидно предусмотренных в полученных ими инструкциях. Все эти махинации вызвали раздоры среди жителей городов и деревень; неосторожные люди и предатели смели говорить о необходимости вызова войск; гражданская война была готова вспыхнуть ежеминутно. Клеветой на нас надеялись ослабить нашу храбрость и активность, но при этом забывали, что мы ведь поклялись умереть на своем посту. Поэтому, граждане, нас ничто не остановило и мы преодолели все опасности. Пожары были погашены теми же самыми руками, которые раньше их зажигали и там, где ранее были только враждовавшие друг с другом противники, мы при нашем отъезде оставили нераздельную отныне братскую семью» ³⁾

Блестяще справившись таким образом с возложенной на него задачей, Шометт около 1 октября 1792 г. возвратился в Париж и снова окунулся с головой в работу в Парижской Коммуне. Еще во время его командировки, Шометт был избран своей секцией выборщиком для выборов в Национальный Конвент; ⁴⁾ теперь же, по его возвращении, его выбирают председателем Коммуны ⁵⁾ и в качестве такового он неоднократно выступает от ее имени. Так в заседании Коммуны 14 октября он произносит речь по поводу представления секциями знамен их батальонов; 20 октября он отвечает на приветствие савойцев и приветствует граждан, воспользовавшихся декретом 20 сентября 1792 г. о праве развода; 31 октября он выступает в Национальном Конвенте

¹⁾ Следует помнить, что министром внутренних дел был в то время Ролан и что таким образом весь аппарат государственной власти находился целиком в руках жирондистов.

²⁾ Отрывки из этой брошюры приводятся Брешем в его предисловии к бумагам Шометта, стр. 68-71

³⁾ Там-же, стр. 70—71,

⁴⁾ Автобиография Шометта. „Бумаги Шометта“, стр. 140.

⁵⁾ Там-же, стр. 140.

с ответом на выставленные жирондистами против Парижской Коммуны обвинения. Эту же выдающуюся роль Шометт продолжает играть и при происшедшей 2 декабря замене революционной Коммуны 10 августа новой, вновь переизбранной: в конце ноября его избирают вице-председателем избирательного собрания ¹⁾, 5 декабря— временно исполняющим обязанности прокурора Коммуны и, наконец, 12 декабря— постоянным прокурором Коммуны. При этом, в то время, как конкурент Шометта--Реаль получил 2243 голоса, Шометт получил их целых 5089.

Избрание Шометта прокурором Коммуны послужило поводом его выступления, как-бы являющегося прологом его дальнейшей дехристианизаторской деятельности. По провозглашении Шометта прокурором Коммуны, повествует отчет о ее заседании 12 декабря, «председатель задал ему вопрос об его фамилии и имени, возрасте, местожительстве и т. д.—При старом режиме, ответил Шометт, меня звали Пьер Гаспар Шометт, ибо мой крестный верил в святых. Но с начала революции, я принял имя святого, повешенного за свои республиканские убеждения и поэтому я именуюсь теперь Анаклетор Шометт».

В нашу задачу, само собой разумеется, отнюдь не входит давать полное описание всей деятельности Шометта в Парижской Коммуне. Мы должны будем ограничиться тем, чтобы остановиться лишь на ее важнейших моментах и так как для периода до 2 июня 1792 г. таким моментом являлась борьба Шометта с жирондистами, то именно этому вопросу мы и посвятим сейчас дальнейшее изложение.

Как известно, борьба между жирондистами и монтаньярами, в зародыше наметившаяся еще в конце 1791 года, приняла наиболее бурные формы после переворота 10 августа 1792 г., когда жирондисты сочли революцию законченной и стали всеми силами противиться ее дальнейшему углублению. Однако, далеко не все монтаньяры с одинаковой энергией боролись против жирондистов и степень этой энергии находилась в прямой зависимости от положения той прослойки внутри мелкой буржуазии, интересы которой выражала та или иная фракция монтаньяров. Так например, дантониисты, выражавшие интересы той наиболее состоятельной части мелкой буржуазии, которая в процессе революции стала перерождаться в „новую“ крупную буржуазию, до самого падения жирондистов стремились к соглашению с ними и возражали против их насильственного изгнания из Конвента. А выражавшие интересы основного крепкого ядра мелкой буржуазии робеспьеристы хотя в конце концов и приняли участие в борьбе против жирондистов, закончившейся революцией 31 мая --2 июня 1793 г., сделали это лишь после целого ряда колебаний и до самого конца лишь как бы нехотя и скрепя сердце поддерживали парижские массы в их кампании против партии Ролана и Бриссо. ²⁾

Совершенно иной была, как известно, позиция крайне левого крыла монтаньяров, выражавшего интересы и и з о в мелкой буржуазии. Мы видели в свое время, что Шометт уже летом 1791 г., в эпоху вареннского кризиса, разошелся в своей тактике

¹⁾ Там-же, стр. 143.

²⁾ Подробное об этом см. Я М За х е р, „Робеспьер.“

с основным, центральным ядром монтаньярской партии и занял гораздо более левую позицию, чем например, Робеспьер. Теперь же, с конца 1792 г. расхождения эти делаются еще более значительными и одним из их важнейших пунктов становится как раз вопрос о жирондистах. В самом деле—уже цитированный выше отчет Шометта о его командировке в провинцию совершенно ясно показывает, с какой ненавистью этот виднейший представитель левого крыла монтаньяров уже осенью 1792 г. относился к жирондистам и само собой разумеется, что заняв должность прокурора Парижской Коммуны, Шометт должен был постараться использовать оказавшуюся в его руках власть для усиления своей борьбы с этими злейшими врагами представлявшейся им классовой прослойки. Однако, колебания более правых элементов монтаньярской партии оказывали направленной против жирондистов деятельности Шометта чрезвычайно сильные препятствия и типичным примером коллизий этого рода может послужить инцидент с жирондистским депутатом Вилеттом ¹⁾

В декабре 1792 г. этот Вилетт поместил в жирондистской газете „Парижская хроника“ статью, в которой, подобно другим жирондистам, в самых резких выражениях нападал на парижскую революционную демократию и ее руководство. «Говорят,—писал в этой статье Вилетт,—что в течение одной только последней недели Париж покинуло свыше четырнадцати тысяч человек, испугавшихся циркулирующих по городу проскрипционных списков... И это вполне понятно, ибо кому же может улыбаться проживать в городе, в котором в порядке дня стоят насилия и убийства, где установленные власти угнетены, а народные представители подвергаются оскорблениям, не останавливающимся даже перед дверями святилища законов... Пора, чтобы Париж перестал быть вампиром Республики.» ²⁾

В ответ на эту провокационную статью, Парижская Коммуна в своем заседании 27 декабря 1792 г. постановила привлечь Вилетта к ответственности ³⁾ и 5 января 1793 г. ему, по распоряжению Шометта, была послана повестка с предложением явиться 8 января для объяснений. ⁴⁾

В утреннем заседании Национального Конвента 7 января Вилетт обрушился на Парижскую Коммуну и ее прокурора, осмелившегося поднять руку на народного представителя. „Пора,—говорил Вилетт в официальном заявлении, представленном им в этот день в Конвент,—проявить врученное нам нацией могущество; пора поставить на место временные организации, пытающиеся сделаться постоянными; пора раздавить анархистов и агитаторов и призвать к нашей решетке людей, возбуждающих мирные секции и стремящихся лишь к тому, чтобы мешать нашей работе и нас унижить и разогнать. Поэтому я требую декрета о предании суду прокурора Коммуны Шометта, который не считая нужным исполнить предусмотренную законом формальность и в течении 24 часов сообщить Конвенту, членом которого я являюсь, о приказе о приводе одного из его членов“.

¹⁾ О Вилетте см. А. Kuscinski, „Dictionnaire des conventionnels,“ стр. 608.

²⁾ „Монитор“, т. XV, стр. 85.

³⁾ Об этом рассказал Шометт в своем выступлении 7 января.

⁴⁾ Текст этой повестки см. „Монитор“, т. XV, стр. 97.

Заявление Вилетта было в чрезвычайно резкой форме поддержано другим жирондистом—Керсеном, который назвал Парижскую Коммуну „очагом беспорядков и мятежа..., стремящимся привести народ к анархии, а от анархии—к деспотизму“. Но если эта речь была вполне в порядке вещей, то гораздо более неожиданным должно было быть для Шометта последующее за ней выступление Марата. В самом резком тоне обрушившись в начале своей речи на жирондистов, Марат далее продолжал:

„Сбросим же с них вуаль! Интриганы, служащие эмиссарами этой факции, разбредаются по секциям, чтобы вводить в заблуждение бедных граждан и провоцировать их на постановления, на которые они затем сами же здесь жалуются. Таким интриганом является прокурор Коммуны Шометт... Я требую, чтобы Шометт был вызван к решетке.“ (Курсив наш. Я. З.)

Это выступление Марата с несомненностью свидетельствует о том, что в этот момент, т.-е. в начале января 1793 г., даже наиболее левые представители монтаньярского центра, несмотря на всю свою ненависть к жирондистам, не осознали еще необходимости борьбы с ними не на жизнь, а на смерть и были даже готовы рассматривать сторонников таковой в качестве агентов этих же самых жирондистов. При таком положении вещей Шометту не осталось ничего иного, как отступить, и это было сделано им в вечернем заседании Конвента того же самого дня, когда он заявил, что весь инцидент с Вилеттом есть ничто иное, как результат простого недоразумения, виновником которого является технический аппарат Коммуны.

Однако, это вынужденное соображениями тактического порядка отступление Шометта не означало и не могло ни в коем случае означать его отказа от дальнейшей борьбы с жирондистами, ибо слишком глубоки и неразрешимы были классовые противоречия, отделявшие интересы представляемой Шометтом прослойки мелкой буржуазии от крупно-буржуазной Жиронды. Если для более умеренных групп монтаньярской партии их ненависть к жирондистам мотивировалась в первую очередь неспособностью этих последних закончить дело буржуазной революции, то низы мелкой буржуазии прежде всего другого не могли примириться с экономической политикой Жиронды¹⁾, стремившейся возложить все издержки революции на плечи наименее состоятельных слоев населения. Это тем более верно, что уже в эти весенние месяцы 1793 г. низы парижской мелкой буржуазии выставляют свою собственную, диаметрально противоположную жирондистской, программу мероприятий в области экономической и социальной политики и решающая роль в формулировке этой программы принадлежит никому иному, как тому же самому Шометту. И хотя программа эта не шла, как мы в этом дальше убедимся, столь далеко, как формулированная в это же время „бешеными“ программа рабочих и ремесленных масс, однако осуществление ее могло все же иметь место лишь при не-

¹⁾ Об экономической политике жирондистов см. Г. Кунов. „Борьба классов и партий в Великой Французской Революции“.

пременном условии предварительного низвержения господств жироидистов.

Социальная программа Шометта была с полной откровенностью высказана им уже в его конвентском выступлении 9 марта ¹ Сообщив в этом выступлении о полном успехе в парижских секциях об'явленного Конвентом воинского набора, прокурор Коммуны затем продолжал:

„Что касается до нас, которых наши функции вынуждают оставаться в городах, то мы намерены прежде всего заняться удовлетворением нужд и обеспечением счастья отцов, матерей жен и детей наших воинов....Мы просим Национальный Конвент чтобы стипендии, существующие в колледжах, были специально предназначены для детей тех, кто отправляется на фронт. До сих пор все жертвы приносились одним только бедным классом все, не исключая его крови, отдавалось им ради свободы. Пора чтобы богатый эгоист разделил тяжести, бывшие до сих пор уделом одних только бедняков. Мы требуем установления военного налога, падающего на этот класс людей“ (Разрядка наша. Я. З).

Совершенно аналогичные мысли были развиты Шометтом в его речи в Парижской Коммуне 3 мая, которую он через два дня следующим образом резюмировал вкратце:

„Я говорил, что холостяки, клерки нотариусов и прокуроров и банковские служащие должны быть в первую очередь отправлены на фронт, и это вполне справедливо.

„Я говорил, что те, кто производят хлеб, платье и башмаки должны быть падимы более, нежели те, кто пишут в конторе или учреждении.

„Я говорил, что достаточно долго все делается одними бедняками и что пора, чтобы богатые тоже для чего нибудь пригодились... Мои взгляды можно как угодно извращать, а меня самого преследовать, но это ни чуточки не изменит моих убеждений и даже чувствуя на своей шее нож гильотины, я не перестану кричать: До сих пор все делалось одними бедняками, пора чтобы и богатые взялись за работу.

„Я буду кричать, что нужно вопреки их желанию, сделать полезными эгоистов и молодых лентяев и дать отдых полезному и почтенному рабочему“ ¹).

При такой установке Шометта, которая может быть кратко формулирована как требование переложения издержек революции с бедных на богатых, неудивительно, что он, не ограничиваясь общими словами, выдвигает и целый ряд направленных к этой цели практических мероприятий. Так, не довольствуясь уже известным нам требованием установления специального

¹ В „Archives Parlementaires“ (в дальнейшем мы будем обозначать это издание буквами А. Р.), Т. LXIII, стр. 82—83, это выступление Шометта приурочивается к 21 апреля. Однако неправильность подобной датировки видна уже из того, что Шометт в своей речи говорил, как о только что состоявшемся, о решении Конвента создать Революционный Трибунал. А трибунал этот, как известно, был организован декретом 9 марта. Что же касается „Монитера“ (т. XV, стр. 663) то он правильно приурочивает эту речь Шометта к 9 марта. ¹) Буше и Ру, т. XXVI, стр. 361.

„военного“ налога на богатых, он в заседании коммуны 17 марта требует создания общественных работ, „могущих дать помощь бедному классу, делая его в то же время полезным для Республики“. Аналогичные требования были выставлены им и в заседании Конвента 27 февраля и Коммуны 6 мая.

Если все перечисленное до сих пор может быть определено, как социальная программа Шометта, то в области программы экономической его требования этого времени были с наибольшей полнотой сформулированы в его выступлении в Национальном Конвенте 27 февраля. Впрочем, оценивая эту речь, следует помнить, что она была произнесена непосредственно после происшедших под руководством „бешеных“ голодных беспорядков 25 февраля и поэтому есть все основания предполагать, что Шометт в данном случае вполне сознательно шел навстречу требованиям „бешеных“, чтобы таким образом ослабить их влияние на массы. Вот важнейшие места этой речи:

„Между ежедневным заработком и ценами на предметы первой необходимости нет больше справедливой пропорции. Мы знаем, что теперешние обстоятельства создают ряд причин для этой внезапной дороговизны. Война с морской державой (Англией. Я. Э.), бедствия, происшедшие в наших колониях, падение валюты и в особенности выпуск ассигнатов, нарушивший равновесие в торговых сношениях, — вот основные причины той страшной дороговизны, от которой мы страдаем. Но насколько усугубляется их влияние, насколько более ужасными и губительными становятся их следствия, когда наряду с ними существуют еще и злонамеренные скупщики, когда народная нужда становится предметом спекулятивных сделок, в которых заинтересовано множество капиталистов, не умеющих делать ничего другого, кроме составления громадных капиталов путем ликвидации разных предприятий, когда на этих народных бедствиях строят свои политические расчеты кучки разбойников, стремящихся вызвать контр-революцию и довести до нее народ именно путем отчаяния.

„Эти результаты, и только они одни, замечаются народом. Нельзя требовать от него, чтобы он разобрался сейчас в действительных причинах бедствий и чтобы он терпеливо дождался того, быть может, недалекого времени, когда вновь наступит всеобщий мир и изобилие припасов. Бедняк, так же, как и богатый, и даже более, чем он, принимал участие в революции. Между тем вокруг него все изменилось, только его положение осталось прежним, и революция принесла ему только возможность жаловаться на свою нужду.

„Граждане, в Париже бедняк еще острее чувствует свою нужду; в Париже его отчаяние особенно усиливается под впечатлением той безнадежной пропасти, которая отделяет его от богатых...

„И бедный, и богатый — все разумные создания совершают революцию только для того, чтобы добиться счастья. Революция, даровав богатому свободу, дала ему бесконечно много; эту свободу и равенство она даровала и бедняку, но, ведь, чтобы жить свободно, надо прежде всего иметь возможность существовать, а если нет разумной пропорции между заработной платой и цена-

ми на предметы первой необходимости, то бедняк не может существовать.

„Граждане, восстановите это необходимое равновесие. Больше того, сделайте так, чтобы благоденствия революции изменил это соотношение к выгоде бедняка; это — единственное средство заставить его полюбить революцию, это — единственная возможность дать ему надежду сделаться когда нибудь собственником а ведь, быть может, только тогда революция и будет упрочена только тогда бедняк перестанет смотреть на себя, как на поддочника в своем собственном отечестве. Ваша мудрость укажет вам необходимые для этого меры. Вы выработаете и создадите закон который поразит, наконец, всех скупщиков; вы найдете способ оставить в обращении только необходимое для торговли количество ассигнатов и этим поддержите их стоимость и их курс вы организуете громадные общественные работы, которые доставят работу бедняку и дадут большую прибыль торговле; победы наших армий довершат остальное“ ¹⁾.

Если в этой речи Шометт говорит, главным образом, о преследовании спекуляции и поддержании курса ассигнатов, то уже с середины апреля 1793 г. он, в полном согласии с пожеланиями широких масс, выдвигает требование закона о максимуме. Так, рассказав в заседании Коммуны 18 апреля о враждебной встрече, оказанной Конвентом просившей его об издании подобного закона депутации парижских установленных властей, Шометт добавляет:

„Я предлагаю, чтобы Генеральный Совет Коммуны объявил что он будет находиться в состоянии восстания до тех пор, пока не будет обеспечено снабжение населения продовольствием“

При таком характере требований тех низов парижской мелкой буржуазии, интересы которых в их наиболее чистом виде отражал Шометт, совершенно ясно, что решительная борьба этого последнего с жирондистами была абсолютно неизбежной, ибо до тех пор, пока они были у власти не могло быть речи ни о максимуме, ни об обложении крупной буржуазии, ни о широкой постановке дела социального обеспечения. Поэтому неудивительно, что отступив по тактическим соображениям 7 января, Шометт ждет лишь удобного случая, чтобы снова обрушиться на жирондистов, и таким случаем явилась замена близкого к ним генерала Дюмурье.

В заседании Коммуны 30 марта, т. е. еще до окончательного выяснения предательства этого генерала, Шометт проводит постановление об обращении к Конвенту с требованием предания Дюмурье суду за написанное им преступное письмо в духе контр-революции. Во исполнение этого постановления, Шометт уже на следующий день, 31 марта, является в Конвент и требует наказания не только генерала—изменника, „но и всех тех, кто, подобно ему, захотели бы унижить народный суверенитет“.

При таком настроении Шометта было совершенно очевидно, что он должен был быть готовым поддержать всякое выступле-

¹⁾ А. Р., т. LIX, стр. 301—302. Пользуемся переводом, содержащимся в хрестоматии под ред. Н. М. Лукина—„Революционное правительство в эпоху Конвента“.

ние против жирондистов. Поэтому, когда, в связи с вызванным изменой Дюмурье кризисом, создавшееся по инициативе руководимой Варле секции Прав Человека и заседавшее в здании Епископства собрание представителей 27 секций „для сношения со всеми департаментами Республики на предмет спасения народа“¹⁾.—обратилось 1 апреля к Парижской Коммуне с просьбой о поддержке, то просьба эта не могла не встретить сочувствия Шометта. Действительно, в отчете о заседании Коммуны 1 апреля мы читаем:

„Депутация комиссаров большинства секций, собравшихся в Епископстве для обсуждения способов общественного спасения и сношения, под охраной народа, с департаментами республики, сообщает Генеральному Совету о своем конституировании и просит предоставления средств на канцелярские расходы.

Шометт обращает внимание на то, что комиссары большинства секций собрались в Епископстве только за отсутствием подходящего помещения в самой Коммуне. Поэтому, говорит он Генеральный Совет должен санкционировать это собрание. Согласно этому предложению, Совет постановляет, что он предоставит средства на канцелярские расходы этого собрания“.

Однако и на этот раз Шометт, подобно тому, как это случилось в январе, оказался уже очень скоро вынужденным забить отбой. Как известно²⁾, собрание в Епископстве вызвало осуждение не только Конвента, якобинского клуба и так называемого-электорального собрания, но даже и части „Бешеных“ (Жак Ру), считавших, что момент для свержения жирондистов еще не наступил. При таком соотношении сил, Шометту не осталось ничего иного, как пойти на попятный и в заседании 2 апреля Коммуна отменила свое постановление предыдущего дня³⁾ о чем Шометт на следующий день, 3 апреля и уведомил Национальный Конвент.

Но уже относительно скоро за этим отступлением последовал новый переход в наступление. После того, как, в связи с вызывающим поведением жирондистов, в середине апреля наметилось значительное колебание монтаньярского центра и 35 секций Парижа высказались за изгнание из Конвента вождей Жироны, руководимая эбертистами Коммуна получила возможность снова перейти в наступление. В заседании Национального Конвента 15 апреля представители Коммуны огласили, как от имени Коммуны, так и от имени 35 секций, ходатайство об исключении 22 жирондистов и с этого момента начинается та непрерывная борьба между Коммуной и руководимыми ею массами и жирондистами, конечным этапом которой явилась революция 31 мая—2 июня 1793 г.

Мы не станем описывать участия Шометта в подготовке этой революции, ибо для этого нам пришлось бы шаг за шагом следить за всей историей деятельности Парижской Коммуны в апреле и мае 1793 г. История эта неоднократно описывалась и поэтому еще раз возвращаться к ней нет ровно никакой необхо-

¹⁾ Подробнее об этом см. Я. М. Захер, „Бешеные“, стр. 128.

²⁾ Там-же, стр. 58 и 128.

³⁾ Бюше и Ру, цит. соч. т. XXV, стр. 246.

димости. Отметим только, что роль Шометта в деле борьбы Парижской Коммуны с жирондистами была чрезвычайно велика (что редкое заседание Коммуны этого времени обходилось без того или иного выпада ее прокурора против этих его злейших классовых врагов ¹⁾). Поэтому неудивительно, что жирондисты не ограничиваясь борьбой с политической линией Шометта, и останавливаются и перед его личной травлей и обвиняют его в растратах, то в том, что он—бывший монах ²⁾. В ответ на эти обвинения, Шометт счел нужным написать „Обращение к своим согражданам“, зачитанное им в заседании Коммуны 20 мая опубликованное им как в виде отдельной афиши, так и в газетах ³⁾. Отрывки из этого обращения нам уже приходилось в свое время цитировать и поэтому сейчас мы можем остановиться на нем сравнительно бегло.

„Во время выборов в муниципалитет, — говорит Шометт в начале своего обращения, — злонамеренные клеветники изобрели меня в качестве одного из убийц 2 сентября, не зная на то, что я в это время находился на расстоянии 100 лиг от Парижа. Я не сомневаюсь в том, что эти же самые злонамеренные, возводившие тогда на меня самые страшные обвинения, решили теперь переменить оружие и, видя невозможность уличить меня в преступлениях, стали выдвигать против меня обвинения столь же позорные, сколь и нелепые.

„Про меня распускают слух, что я — монах, что я был прокурором монашеской общины и т. д. Мне было бы чрезвычайно любопытно услышать, в каком именно монастыре я произнес монашеские обеты и в какой церкви я служил мессу. Поскольку я оказываюсь таким образом вынужденным заговорить о себе, я делаю это с искренностью, которую я призываю моих преследователей применить в отношении себя самих и вместе с тем заявляю, что этот мой им ответ будет последним. Они могут, если это им заблагорассудится, продолжать после этого свои нападки на меня; что касается до меня, то у меня нет времени вступать с ними в дальнейшие препирательства“.

Изложив затем в кратких чертах свою уже известную нам биографию, Шометт продолжает:

„Граждане, я нарисовал вам картину моей жизни; я изложил вам, чем я был до и после 1789 года. Я сделал первым то, чего я требую от других, и приглашаю своих врагов последовать моему примеру. Когда народ узнает, что представляют собой все употребляемые ими орудия, он будет знать, на ком ему можно рассчитывать и тогда революция окончательно восторжествует“.

Но если таким образом Шометт принимал исключительно видное участие в подготовке революции 31 мая — 2 июня 1793 г., причем, в соответствии со всей классовой сущностью, он играл в этих событиях гораздо более видную роль, чем все представители монтаньярского центра, не исключая даже самого Марата, то все-же справедливость требует отметить, что в этой своей

¹⁾ Отчеты об этих заседаниях см. в „Монитере“ и у Буше и Ру.

²⁾ Вреш, цит. соч., стр. 35.

³⁾ „Монитер“, т. XVI, стр. 458.

борьбе с жирондистами Шометт, равно как и Эбер и его прочие единомышленники, довольно значительно отставали от другой крайней партии того времени — „бешеных“. И это, конечно, отнюдь не было случайностью. Как ни революционны были Шометт и прочие представители низов тогдашней мелкой буржуазии, они в своей борьбе с крупно-буржуазной Жирондой не могли, само собой разумеется, зайти так далеко, как „бешеные“, отражавшие интересы рабочей и ремесленной бедноты. Мы в свое время увидим, насколько выдвинутая Шометтом весной 1793 г. экономическая и социальная программа, при всей своей революционности, отставала от аналогичной программы „бешеных“. Такое же точно, как и в области программы, расхождение существовало и в отношении тактики этих двух наиболее крайних групп революционной демократии того времени и доказательством этого является ничто иное, как история „дня“ 31 мая.

Действительно, все, хотя бы элементарно знакомые с историей Великой Французской Революции, знают, что наиболее характерной чертой „морального восстания“ этого дня являлось стремление эбертистско-шометтского руководства Парижской Коммуны сохранить в своих действиях известный декорум „законности“. Именно этим объясняется никому ненужная и по своему существу вредная (ибо она тормозила ход борьбы) комедия с низложением и немедленным восстановлением в правах Парижской Коммуны собравшимися представителями „суверенного народа“, т. е. секций; этим же самым объясняется и ожесточенное сопротивление, которое Эбер и Шометт оказывали в эти дни решительным предложениям Варле и других „бешеных“¹⁾.

Чрезвычайно любопытное указание на существовавшие в момент революции 31 мая разногласия между Шометтом и „бешеными“ содержится в сохранившемся среди бумаг Шометта его собственноручно написанном рассказе об этой революции. Хотя, как это совершенно правильно отмечает Бреш²⁾, Шометт в этом рассказе явным образом избегает выставлять себя на первый план, а говорит больше всего о Коммуне как таковой или о мэре, однако одно из немногих мест его рассказа, в котором он отмечает и свою собственную роль, гласит:

„Генеральный Совет выражает свое негодование по поводу различных зажигательных и опасных предложений, сделанных несколькими экзальтированными гражданами³⁾).

„Мэр и прокурор Коммуны выражают в своих выступлениях их ненависть в отношении интриганов, стремящихся к гражданской войне, которая бы неминуемо возникла в случае противопоставления Парижа департаментам“ (Курсив наш. Я.З.)⁴⁾.

1) Подробнее об этом см. Я. М. Захер, „Бешеные“, стр. 131. Исключительно любопытно, что полицейский наблюдатель Дютар, излагая в своем рапорте речь, произнесенную Шометтом в заседании Коммуны 25 мая, не без ехидства замечает по ее поводу: „этот несчастный, с тех пор, как он почти одновременно сделался политиком, публицистом и должностным лицом, перестал быть революционером“. (A. Schmidt, «Tableaux de la Revolution Française», т. 1, стр. 316).

2) Бреш, цит. соч., стр. 100—101.

3) Одним из этих „экзальтированных граждан“ был Варле. См. об этом Я. М. Захер, „Бешеные“, стр. 131.

4) „Бумаги Шометта“, стр. 190.

Таким образом, при всей своей, по сравнению с монтаньярским центром, относительно гораздо большей решительности в их борьбе с жирондистами, Шометт и его единомышленники все же не шли в этом отношении целиком до конца и имени в этом, как известно, и заключалась причина неудачи „морального восстания“ 31 мая, которое было завершено лишь в результате подлинного восстания 2 июня. Поэтому Варле был совершенно прав, когда он в своем выступлении 1 июня в Парижской Коммуне обвинял ее руководство в недостаточной решительности ¹⁾ и весьма вероятно, что без критики „бешеных“ революция 2 июня окончилась бы столь же безрезультатно, как и „день 31 мая“ ²⁾.

Если накануне 2 июня Шометт, Эбер и их единомышленники занимали позицию, которая может быть определена, как промежуточная между позициями монтаньярского центра и „бешеных“, то после переворота этого дня они сразу же поворачивают вправо и становятся значительно ближе к первым, чем к последним. И это было, конечно, вполне естественным, поскольку после свержения крупно-буржуазной Жиронды, в мелкобуржуазная Гора, не исключая и ее наиболее левых элементов, должна была считать дело революции законченным и не могла понять тех требований в духе дополнения „равенства в правах — равенством на деле“, на которых в этот момент столь энергично настаивали „бешеные“ ³⁾. Правда, и левые монтаньяры были не вполне удовлетворены результатами 2 июня и на заседании Коммуны 5 июня Шометт предлагал потребовать от Конвента скорейшего предания жирондистов суду. Но нарядом с этим они решительно восставали против стремления „бешеных“ к дальнейшему углублению революции и когда в заседании Коммуны 4 июня Леклер требовал ареста всех подозрительных и упрекал монтаньяров в излишней боязни „пролить несколько капель крови“, то Эбер его резко одернул и предложил признать плохим гражданином всякого, призывающего к кровопролитию.

Совершенно аналогичную Эберу позицию занимал в это время и Шометт. Так, когда в заседании Коммуны 11 июня шла речь о поведении жирондистских секций Бютт де Муле и Майль, то Шометт выступил с замечанием, что „в Париже существует страшный заговор, имеющий целью перебить Коммуну Богатые хотят сделать в Париже то самое, что они сделали в Лионе“ ⁴⁾. Казалось бы, что выводы из этого утверждения

¹⁾ Бюше и Ру, цит. соч. т. XXVII, стр. 355.

²⁾ Во время процесса Шометта в Революционном Трибунале в жерминале 11 года, некоторые из выступавших против него свидетелей указывали, что 31 мая Шометт всеми силами препятствовал ходу восстания этого дня (Бюше и Ру, т. XXXII, стр. 275, 276, 279—280). Однако, поскольку указания эти исходили от политических противников Шометта с права, относиться к ним следует с величайшей осторожностью.

³⁾ Исключительно характерным для взаимоотношений Шометта и „бешеных“ является также и то обстоятельство, что когда в Париже еще 25 февраля 1793 г. произошли голодные беспорядки, целиком поддерживаемые „бешеными“, то Шометт в своей конвентской речи 27 февраля (А. Р., т. IX, стр. 301) в полном согласии с Робеспьером оценил эти беспорядки как результат провокации контр-революционеров.

⁴⁾ Имеется в виду контр-революционное жирондистское восстание, вспыхнувшее в Лионе в конце мая.

напрашивались сами собой, но Шометт, вопреки всяким ожиданиям, призывал не к борьбе, а к примирению с заговорщиками и восклицал: „Побратаемся со всеми секциями! Мы призвали секцию Бютт де Мулен броситься в объятия Сент-Антуанского предместья ¹⁾ и это примирение стоит больше, чем выигранная победа. Наши враги стремятся возбудить в Париже гражданскую войну, но им не удастся осуществить их подлых намерений. Нет, в Париже не будет гражданской войны и, вопреки всем интригам, мы все останемся друзьями и братьями“.

Это выступление Шометта позволяет категорически утверждать, что и он, подобно более правым элементам монтаньярской партии, был в это время целиком охвачен столь характерным для их позиции в июне—июле 1793 г. стремлением к примирению с жирондистами. Именно поэтому Шометт, подобно прочим монтаньярам, придавал в это время столь огромное значение скорейшей выработке конституции, в которой он видел средство немедленного осуществления гражданского мира. Поэтому он уже в заседании Коммуны 7 июня требовал энергичного давления на Конвент с целью заставить его поскорее принять конституцию, это „единственное средство ликвидировать анархию“, а в своем конвентском выступлении 13 июля он благодарил Конвент за то, что тот приступил к рассмотрению конституции и подчеркивал, что Париж в полном спокойствии ожидает ее окончания. А когда 23 июня конституция была почти закончена (она была окончательно принята Конвентом на следующий день, 24 июня), то Шометт от имени всех парижских установленных властей принес Конвенту самые горячие поздравления по этому поводу и с пафосом восклицал, что „если когда либо спасение народа могло быть проблематичным, то теперь оно перестало быть таковым“.

При таком настроении Шометта совершенно очевидно, что выступление Жака Ру с критикой только что принятой конституции в конвентском заседании 25 июня ²⁾ должно было вызвать его яростное негодование. Поэтому неудивительно, что уже в заседании Коммуны следующего дня, Шометт, потрясая в воздухе номером газеты с отчетом о выступлении Жака Ру, требовал решительного осуждения этого последнего. А еще через два дня, 28 июня, Шометт, ничем не отличаясь в этот момент от робеспьеристов и дантонистов, обозвал петицию Жака Ру „призывом к грабежу и нападениям на собственность“.

Все сказанное выше позволяет констатировать, что Шометт, как типичный мелкий буржуа, был охвачен испугом перед вызванным революцией 2 июня широким движением народных масс и в силу этого, подобно более правым элементам монтаньяров, круто шарахнулся в этот момент вправо, навстречу только что, как тогда казалось, окончательно побежденным жирондистам. Поэтому неудивительно, что когда в конце июля и в начале августа в парижских секциях возникло поддержанное „бешеными“ широкое движение, требовавшее вмешательства секций в дело

¹⁾ Т. е. наиболее революционного района Парижа.

²⁾ Подробнее об этом см. Я. М. Захер, „Бешеные“, стр. 64—67,

снабжения Парижа продовольствием ¹⁾, то Шометт отнесся к этому движению более, чем отрицательно. В ответ на выставленное представителями секций требование сообщения им отчета о состоянии продовольственных запасов столицы, Шометт 2 августа заявил, что „слабость муниципалитета может стать опасной“, что, если он согласится дать отчет, которого у него требуют секции, скоро заполнят все отделы администрации и станут требовать также отчета о пороховых запасах в арсенале, об оружии и т. д. и что если тайна будет нарушена в этих частях, наши враги используют ее против нас самих“ ²⁾. И лишь подчиняясь решительному давлению секций, Шометт был вынужден в конце концов уступить и согласиться на представление секциям отчета о состоянии продовольственных запасов, но с той однако оговоркой, что это должно было иметь место только после 10 августа ³⁾; „чтобы не вызвать ничего такого, что могло бы нарушить спокойствие этого великого дня“ ⁴⁾.

Но если таким образом еще 2 августа Шометт занимал позицию, решительно враждебную требованиям руководимых „бешеными“ рабоче-ремесленных масс, то уже через три приблизительно недели тактика его меняется, и при этом меняется самым кардинальным образом. Впрочем, в повороте этом Шометт отнюдь не был одинок. Как известно, исключительно трудное положение, в котором Французская Республика ранней осенью 1793 г. оказалась перед лицом ее многочисленных внешних и внутренних врагов, заставило монтаньярскую партию самым решительным образом пересмотреть свою тактику предыдущих месяцев и именно с сентября 1793 г. монтаньяры, уступая, наконец, давлению народных масс, обращаются впервые к тому, что Маркс назвал впоследствии плебейским способом совершения буржуазной революции.

Хотя этот поворот был совершен всей монтаньярской партией в целом, однако, само собой разумеется, что совершить его оказалось легче всего именно тем элементам этой партии, которые представляли, наиболее близко стоящие к руководимой „бешеными“ рабоче-ремесленной бедноте, низы мелкой буржуазии. Вот почему именно Эбер и, в особенности, Шометт, делаются с конца августа 1793 г. наиболее рьяными сторонниками принятой в это время монтаньярами новой тактики. Более того, мы сейчас убедимся, что в самом факте принятия этой тактики Шометт сыграл совершенно исключительную роль.

Первым провозвестником этого поворота в тактике Шометта может считаться его выступление 23 августа в якобинском клубе, членом которого он состоял с начала января 1793 г. ⁵⁾

¹⁾ Подробнее об этом см. А. Матъез, „Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора“, стр. 197—205.

²⁾ Там-же, стр. 203.

³⁾ В этот день должно было иметь место провозглашение принятия новой конституции 1793 г. французским народом.

⁴⁾ Матъез, цит. соч. стр. 203.

⁵⁾ В отчете о заседании якобинского клуба 6 января 1793 г. мы находим следующий абзац: „Член приемной комиссии оглашает список кандидатов, которых эта комиссия постановила принять. Среди этого списка фигурируют фамилии Анаксагора Шометта и Эбера, известного автора писем Отта Дюшена. Общество встретило горячими аплодисментами сообщение о желании этих двух патриотов встать в ряды защитников народа“.

Как раз в эти дни Национальный Конвент обсуждал проекты декретов о всеобщем ополчении и об аресте всех подозрительных граждан и выступление Шометта 23 августа с несомненностью показывает, что эти оба проекта, хотя и свидетельствовавшие о происшедшем в это время повороте налево основного ядра монтаньяров, были все же оценены им, как недостаточно революционные.

Шометт начал свою речь с критики проекта закона о подозрительных и указал на то, что „арест подозрительных людей является совершенно недостаточным, что он повлек бы за собой массу злоупотреблений и что вообще предложение об этом является ничем иным, как актом лицемерия“. Взамен ареста подозрительных Шометт рекомендовал высылку всех аристократов и подозрительных, „ибо это единственный способ от них окончательно избавиться“. Что же касается до всеобщего ополчения, то Шометт осуждал его, т. к. оно неизбежно привело бы к включению в ряды войск значительного числа контр-революционеров, и предлагал заменить всеобщее ополчение мобилизацией в каждом кантоне 24 человек, „избранных первичными собраниями среди наиболее пламенных республиканцев“. Оба эти предложения были приняты якобинцами и Шометту было поручено составить соответствующую петицию Конвенту.

Начавшееся таким образом в двадцатых числах августа полевение Шометта (что касается Эбера, то его полевение началось еще раньше, в конце июля) ¹⁾ было вскоре усилено давлением на него со стороны голодавшего в этот момент исключительно сильного продовольственного кризиса парижского рабочего класса, властно требовавшего немедленного издания закона об общем максимуме и более энергичной борьбы с контр-революцией. Прекрасно учитывая огромную силу, представляемую в то время многочисленной, хотя и не сложившейся еще в „класс для себя“ рабоче-ремесленной беднотой, левые монтаньяры решают стать во главе этой бедноты и использовать ее для защиты угрожаемой извне и изнутри революции. Соответствующий поворот тактики Эбера и Шометта был совершен ими 4—5 сентября 1793 г. и так как события этих дней имели очень большое влияние на весь ход революции, то мы считаем долгом остановиться на них несколько более подробно.

Отличительным признаком парижских событий 4—5 сентября по сравнению с такими „днями“, как 10 августа или 31 мая, являлось то, что если в этих последних преобладающую роль играла мелкая буржуазия, то 4 сентября на улицу вышли прежде всего рабочие. „Сегодня утром, — говорил Шометт в своей конвентской речи 4 сентября, — около 5 часов, рабочие были выведены из их мастерских и движение началось с бульваров, около здания военного ведомства“. Если это свидетельство Шометта дает возможность предположить, что в движении 4—5 сентября принимали главным образом участие рабочие расположенных поблизости от здания военного ведомства военных мастерских, то из других источников мы знаем, что наряду с ними

¹⁾ Матьез, цит. стр. 209—211, 240—245.

на улицу вышли также строительные рабочие, в частности каменщики ¹⁾.

Около часу дня 4 сентября вышедшие на улицу рабочие направились к зданию ратуши. „Собравшийся около часу де муниципальный корпус“, — читаем мы в современных этим событиям газетах, — „узнает, что значительное собрание рабочих направляется к зданию Коммуны... Скоро площадь Коммуны начинает наполняться, посреди ее водружается стол; организуется собрание, которое избирает президиум; составленная и петиция передается присутствующим; избранная тут же депутация является к муниципальному корпусу.“

„Граждане, — говорит оратор этой депутации, — причина вследствие которой мы осмеливаемся прервать на минуту важную работу, коей вы заняты, является трудность получения хлеба у булочников. В течение двух месяцев мы страдали муча, ибо надеялись, что это скоро кончится, но бедствия, напротив того, увеличиваются с каждым днем. Поэтому мы пришли просить вас, чтобы вы занялись изысканием диктуемых стремлений к общественному спасению средств. Сделайте так, чтобы проработавший целый день и нуждающийся в ночном отдыхе рабочий не был вынужден бодрствовать часть этой ночи и кроме того еще терять половину рабочего дня, чтобы получить себе кусок хлеба, а еще чаще и вовсе остаться без такового.“

„Вслед за этим начинается обмен мнений между мэром и рабочими. Рабочие задают мэру ряд вопросов. Почему не препятствуют вывозу хлеба из Парижа? Муниципалитет уже неоднократно принимал постановления в этом смысле. — Почему эти постановления не выполняются? — Муниципальный корпус может лишь принимать постановления и поручать их выполнение секциям, а в состав секций входят не кто иной, как вы сами! Есть ли в Париже запасы продовольствия? Если да, то пустите их в продажу; если нет, то объясните нам причины их отсутствия. Народ поднялся и сделавшие революцию санкюлоты передают в ваше распоряжение свои руки, время и самую жизнь.“

„Депутация растет и зала оказывается скоро переполненной Хлеба, хлеба! — кричат со всех сторон. Шометт и другие члены Коммуны отправляются в Конвент известить его о происходящем“ ²⁾.

Явившись в Конвент, Шометт рассказал там о происходивших событиях (начало его рассказа мы уже приводили), причем он особенно подчеркнул, что „собравшиеся на площади Коммуны рабочие выражают полнейшее уважение в отношении Конвента в силу чего этого движения не приходится опасаться“. Однако продолжал далее оратор, это безопасное само по себе движение может быть использовано притчающимися в Париже многочисленными контр-революционерами и поэтому необходимо пойти на встречу требованиям рабочих.

Председательствовавший в заседании Робеспьер ответил Шометту, что Конвент как раз занят в этот момент рассмотре

¹⁾ Отчет о заседании Коммуны 4 сентября. „Монитор“, XVII, стр. 51

²⁾ Бюше и Ру, цит. соч., т. XXIX, стр. 26—27.

нием продовольственного вопроса и с этим ответом прокурор Коммуны направился обратно в ратушу.

Тем временем в Коммуне „заседание было перенесено в Большую залу, но и она оказалась скоро переполненной. Скамейки, трибуны, кулуары — все полно народом. Дискуссия возобновляется; за теми же самыми вопросами следуют те же самые ответы, все время прерываемые возгласами: хлеба, хлеба! Наконец, Шометт возвращается из Конвента. Оглашается декрет, гласящий, что будет установлен максимум на предметы первой необходимости ¹⁾). В ответ на это раздаются крики: нам нужны не обещания, а хлеб, и при том немедленно.

„Шометт влезает на стол и сразу же воцаряется полная тишина. „И я тоже был бедным, — говорит он, — и поэтому я хорошо знаю, что такое нужда. Сейчас происходит открытая борьба богатых против бедных. Они хотят нас раздавить, но их следует предупредить и раздавить их самих; силы для этого у нас достаточно. Эти мерзавцы пожрали плоды наших работ; они съели все, вплоть до нашей последней рубашки и выпили наш пот, но им этого мало и они хотят еще насытиться нашей кровью. Я предлагаю: 1) чтобы на рынок было перевезено количество муки, достаточное для того, чтобы выпечь все необходимое на завтрашний день количество хлеба; 2) потребовать у Национального Конвента издания декрета о немедленном создании революционной армии, которая отправится в деревню для реквизиции хлеба, обеспечения его отправки и перевозки, предотвращения махинаций богатых эгоистов и предания таковых мстительности законов.

«После Шометта на трибуну поднимается Эбер. Пусть народ, — говорит он, завтра же во всей своей массе отправится в Конвент; пусть он окружит его подобно тому, как он это сделал 10 августа, 2 сентября и 31 мая и пусть он не оставит своего поста до тех пор, пока народное представительство не примет предложенных ему мер, которые одни только способны нас спасти. Пусть революционная армия выступит немедленно после издания декрета о ее создании и пусть за каждой частью, за каждым отрядом этой армии следует гильотина.

«Эти предложения единогласно принимаются. Первая половина резолюции получает немедленное осуществление; для осуществления второй принимается постановление собраться на завтра в 11 часов утра» ²⁾). Кроме того, было решено, что «все рабочие, за исключением тех, которые работают на республику, приглашаются закрыть завтра свои мастерские» ³⁾).

По окончании этого собрания, т. е. около 8½ часов вечера открылось заседание Генерального Совета Коммуны. В этом заседании Коммуна не только одобрила все только что принятые решения, но и постановила подвергнуть домашнему аресту бывших администраторов по продовольствию Парижа и бывшего министра внутренних дел Гара. Помимо этого, Коммуна решила принять ряд мер для усиления снабжения Парижа продоволь-

¹⁾ Этот декрет был принят Конвентом в тот же день 4 сентября.

²⁾ Бюше и Ру, лит. соч., XXIX, стр. 27-28.

³⁾ „Монитор“, т. XVII, стр. 578.

ствнем и предложила всем владельцам садов засеять таковы овощами.

Таковы, в основных деталях, события 4 сентября 1793 г. Мы остановились на них столь подробно не только потому, что события эти представляют совершенно исключительный интерес для общей истории революции, ибо в этот день, едва ли не впервые с ее начала, имело место выступление не столько революционной демократии вообще, сколько одного только рабочего класса. Помимо этого общего интереса, события 4 сентября представляют еще крайне важный момент в истории деятельности левых монтаньяров вообще и Шометта в частности именно они определяют собой всю дальнейшую линию поведения как прокурора Парижской Коммуны, так и его единомышленников. Если, как мы это видели выше, эволюция Эбера и Шометта влево началась еще до 4 сентября и была вызвана не столько давлением снизу, сколько правильным учетом грозивших революции опасностей и необходимых для их преодоления мер, именно обнаружившееся 4 сентября давление на вождей Парижской Коммуны со стороны широких народных масс придало в поведении значительно большую глубину и, главное, устойчивость. Вот почему тот самый Шометт, который еще так недавно столь яростно нападал на петицию Жака Ру от 25 июня, едва ли не дословно повторяет в своей речи 4 сентября многое из того, о чем за два с лишним месяца перед тем говорил вождь «бешеных».

Но если таким образом Эбер и Шометт повторяют 4 сентября многое из того, что до них говорили «бешеные», то из этого вовсе не следует, что в этот момент сделалась возможным примирение между ними. Решившись стать во главе столь ярко обнаружившегося 4 сентября движения рабочих и ремесленников, ибо они поняли, что это единственный способ спасения революции,—Эбер и Шометт тем самым, само собой разумеется, еще отнюдь не стали выразителями интересов этих масс и не сделали увидим, что выработанная ими в это время социальное-экономическая программа была весьма далека от соответствующей программы «бешеных». Более того, возглавив 4 сентября движение парижских рабочих и ремесленников, Эбер и Шометт не взирая на это,—или говоря точнее, именно вследствие этого,—решили повести с политическим представительством рабочих борьбу не на жизнь, а на смерть. Вот почему в это время т. е. в конце августа и начале сентября, Эбер и Шометт не только не ослабляют, но напротив того до крайности усиливают энергию своих нападок на «бешеных» и именно это, как известно, послужило одной из главных причин гибели этих последних¹⁾.

Политическая линия, начало которой было положено Шометтом в его выступлении 4 сентября, нашла себе дальнейшее продолжение в его поведении следующего дня. «Согласно принятому вчера решению,—гласит отчет о заседании Коммуны 5 сентября,—граждане, которые должны отправиться сегодня в Конвент, для представления ему петиции касательно продовольственного вопроса, собрались сегодня в 12¼ часа дня в зале заседа-

¹⁾ См. И. М. Захер, „Бешеные“.

ний Совета. К этому собранию присоединилась делегация якобинского клуба, выставившая требование о том, чтобы были приняты меры для ареста всех подозрительных лиц, мюскаденов, клерков прокуроров и нотариусов, торговых приказчиков и т. д. ¹⁾.

«Прокурор Коммуны зачитывает затем петицию к Конвенту, составление коей было поручено ему Советом и петиция эта покрывается громом аплодисментов и принимается единогласно.... В 12^{3/4} часов все граждане, во главе с прокурором Коммуны и несколькими членами Совета, отправляются в Конвент».

В Конвенте, зачитанию составленной в Коммуне петиции предшествовало краткое вступление парижского мэра—Папа, обрисовавшего трудное продовольственное положение столицы. Затем слово взял Шометт и прочел составленную им петицию, важнейшие места которой гласили следующее:

„Граждане-законодатели! Жители Парижа, измученные тем, что судьба их остается так долго изменчивой и неупроченной, хотят, наконец, установить ее незыблемо. Тираны Европы и внутренние враги государства с жестокостью упорствуют в выполнении своего ужасного плана; они хотят уморить французский народ голодом, надеясь этим победить его и принудить постыдно променять свою свободу и свой суверенитет на кусок хлеба; но этого, конечно, никогда не будет.

«Новые сеньеры, не менее жестокие, жадные и наглые, чем прежние, поднялись на развалинах феодализма; они закрепили за собой, или купили владения своих бывших господ и продолжают идти путем преступления; они спекулируют на народных бедствиях, иссушают источники изобилия и вновь тиранизируют тех, кто свергнул тиранию.

«Другой класс, такой же жадный и преступный, как и первый, завладел продуктами первой необходимости. Вы нанесли ему удар, но вы его только рассеяли, и он продолжает свои хищения под сенью самих законов.

«Вы издали мудрые законы; они обещают народу счастье, но они не выполняются, потому что нет власти, которая бы приводила их в исполнение; если вы быстро не создадите ее, то законы рискуют остаться бессильными в самый момент своего рождения...

«Тайные внутренние враги со словами „свобода“ на языке, останавливают биение жизни; несмотря на ваши благодетельные законы, они запирают чердаки и строят свои расчеты по том, сколько барышей принесут им народный голод, восстания и убийства...

„... Пора прекратить эту дрянную с 1789 г. позорную борьбу между детьми нации и теми, кто ее предают... Предателям не должно быть больше пощады и милосердия. Если мы не поразим их, то они поразят нас; поставим между ими и нами преграду вечности. Патриоты всех департаментов и особенно граждане Парижа до сих пор были достаточно терпеливы; над их терпением смеялись; сегодня наступил день гнева и правосудия.

¹⁾ Испугавшись движения 4 сентября, якобинский клуб решил поддержать его, чтобы тем самым ввести в известные рамки. „La Société des Jacobins“, т. V, стр. 387-389; ср. также М а т ъ е з, цит. соч. стр. 249-251.

„Законодатели, громадное собрание граждан, устроенное вчера и сегодня утром на площади и в зале городской ратуши, изъявило только одно пожелание; депутация передает вам его; оно заключается в следующем: продовольствия, а чтобы его иметь—придайте силу законам.

„Для достижения этой цели нам поручено просить у вас создания революционной армии; декрет о ней уже издан вами (2 июня. Я. Э.) но его значение сведено к нулю, вследствие интриг и того страха, который испытывали чувствующие себя виновными люди. Пусть ядро этой армии немедленно образуется в Париже, и пусть во всех департаментах, где она будет проходить, она пополняется всеми людьми, которые стремятся к единой и нераздельной Республике; пусть за этой армией следует грозный и неподкупный трибунал и то роковое орудие, которое одним ударом пресекает и заговоры, и жизнь их творцов; пусть революционная армия принудит скаредов и скупцов вернуть на роду богатства земли, этой неистощимой кормилицы всех своих детей; пусть на знаменах революционной армии будут написаны слова, которые будут ее вечным лозунгом: Мир гражданам и добрыми намерениями. Война тем, кто хочет уморить нас голодом; защита слабых, борьба с тиранами; да здравствует правосудие и долой угнетение! Наконец, пусть эта армия будет организована таким образом, чтобы она могла оставлять во всех родах силы, достаточные для подавления злонамеренных...

„... Мы ждем, что аристократия возобновит усилия сильно отменить свой смертный приговор, или по крайней мере, добиться его отсрочки; самые коварные и утонченные возражения будут сделаны на всех политических собраниях; нам будут говорить о продовольствии для этой армии, об опасностях, которые она может принести свободе; нам повторят все те общепринятые фразы, которые уже столько раз были опровергнуты. На вопрос о продовольствии мы ответим: не будет съедено ни одного зернышка сверх того, что потребляется сейчас; это будут лишние едоки, а едоки, скинутые со счета. Как можно говорить об опасностях, которые эта армия причинит свободе? Она будет состоять из республиканцев и если какой нибудь смельчак дерзнет сказать «моя армия», то он будет тотчас же умерщвлен. А на все остальные возражения можно дать только один ответ: Слишком долго откладывалось народное спасение, пора разделаться с нашими врагами»¹⁾

Зачтение этой петиции Шометт сопроводил небольшой речью в которой сообщил о принятом Коммуной постановлении превратить в огороды все общественные сады и просил об одобрении Конвентом этого мероприятия.

Как известно, декрет о создании революционной армии был принят Конвентом в тот же самый день, о чем Шометт и доложил Коммуне в ее вечернем заседании 5 сентября. Это сообщение,—гласит отчет о заседании Коммуны, «было встречено восторженными аплодисментами».

Таковы были обстоятельства, явившиеся толчком к именованному месту в начале сентября переходу монтаньяров к новой по-

1) „Монитор“, т. XVII, стр. 580-581. Пользуемся русским переводом, содержащимся в хрестоматии под ред. Н. М. Лукина., „Революционное правитель-ство в эпоху Конвента“.

литике, знаменующей собой важный поворотный пункт в истории революции. За декретом о создании революционной армии последовали такие важные законы, как законы о подозрительных и о максимуме и именно с этого времени и можно говорить о начале периода, который буржуазные историки называют „эпохой террора“, но который марксистам было бы гораздо правильнее называть эпохой плебейских методов осуществления буржуазной революции. Хотя таким образом соответствующий поворот был совершен всей монтаньярской партией в целом, в результате печального опыта ее соглашательской политики июня-июля 1793 г. убедившейся, что вне „террористической системы“ нет и не может быть спасения революции, тем не менее руководящая роль в этом повороте принадлежала, как мы это только что видели, именно группе Эбера и Шометта. Возглавив собой вспыхнувшее столь ярким пламенем 4-5 сентября движение голодных парижских рабочих и ремесленных масс, левые монтаньяры, хотя они именно с этого момента стали особенно энергично преследовать „бешеных“, усвоили однако некоторые (хотя, конечно, далеко не все) из их лозунгов, а оказанное ими на основное ядро монтаньярской партии в результате этого давления, сыграло решающую роль в том повороте, который монтаньяры в этот момент совершили. Таким образом, в сентябре 1793 г. левые монтаньяры оказали решительное влияние на весь дальнейший ход революции и уже одно это обстоятельство показывает то большое историческое место, которое Шометт и его единомышленники занимали в великой буржуазной революции конца XVIII века.

Поведение Шометта в дни, непосредственно последовавшие за событиями 4 и 5 сентября показывает, что он прекрасно понял, что в истории революции открылась теперь новая страница. Для руководства революцией нужны теперь люди, не запятанные каким бы то ни было видом соглашательства или тем, что в те времена называли модерантизмом, и поэтому Шометт уже вечером 5 сентября требует самоочищения Коммуны, с целью удаления из ее среды всех повинных в модерантизме членов. На следующий день, 6 сентября, Коммуна принимает соответствующее постановление, а еще через два дня, 8 сентября, она по предложению того же Шометта, приглашает последовать ее примеру и совет парижского департамента. Кроме того, Шометт в заседании Коммуны 6 сентября требует очищения и ее аппарата и особенно ополчается при этом на тех служащих, „которые проявляют пренебрежительное отношение при приеме граждан почетных почтением одеванием винцеты“.

Но как ни важны и ни характерны все эти выступления Шометта, отнюдь не меньшее значение имела однако его развернувшаяся в это же время деятельность в несколько ином направлении. Наряду с уже известным нам участием Шометта в том повороте политики монтаньярской партии, который был совершен в первых числах сентября 1793 года, Шометт вошел в историю революции еще и как один из главных деятелей так называемой дехристианизации, т. е. борьбы революции с христианской церковью вообще и церковью католической—в особенности. Вот почему широкая и многосторонняя деятельность, раз-

вернутая Шометтом в этом направлении с конца сентября 1793г требует особого детального рассмотрения и рассмотрению этому мы считаем своим долгом посвятить специальную главу.

ГЛАВА III.

Дехристианизаторская деятельность Шометта.

Было бы величайшим трюизмом доказывать, что единственным классом капиталистического общества, способным целиком и до конца отказаться от какой бы то ни было религии и во выситься до атеизма, является тот класс, которому в этом обществе «ничего терять, кроме своих цепей», т. е., иными словами, пролетариат. Однако, в эпоху Великой Французской Революции рабочий класс был еще типичным „классом в себе“ и вполне понятно, что едва только начав складываться, как класс, он имел и не мог иметь самостоятельной классовой идеологии, резко отличной от идеологии других классов. Эта общая характерная черта идеологии рабочего класса Франции конца XVIII века целиком и полностью относится и к области идеологии религиозной и поэтому само собой разумеется, что в ту эпоху не могли быть и речи об атеизме еще только складывавшегося пролетариата. Именно поэтому его идеологи, т. е. „бешеные“, были не атеистами, а деистами, и максимумом того, до чего они могли возвыситься в области вопросов религии, являлось требование отделения церкви от государства¹⁾. Но если таким образом рабочего класса эпохи Французской Революции было бы заведомо напрасно ожидать каких бы то ни было посягательств на религию, то субъектом таковых оказался иной класс, или выражаясь точнее, иная классовая прослойка—это те самые низы мелкобуржуазии, интересы которых в это время в наиболее ярком виде выражал Шометт. Кроме того, на этой же самой позиции стояли и низы мелкобуржуазной интеллигенции, важнейшим представителем которых был популярный журналист и заместитель Шометта по должности прокурора Парижской Коммуны—Эбер.

Однако, анти-религиозная или, чтобы быть, как мы это дальше увидим, более точными, анти-христианская деятельность Шометта, Эбера и их единомышленников началась отнюдь не с первых месяцев и даже не с первых лет революции. Накануне и в начале Французской Революции, вся мелкая буржуазия того времени, не исключая и ее низов, отнюдь не собиралась отказываться от религии, ибо видела в ней прекрасный щит от ударов как справа, т. е. со стороны дворянства, духовенства и крупной буржуазии, так и слева, т. е. со стороны рабочего класса. При этом само собой разумеется, в то время как для более состоятельных элементов мелкой буржуазии, интересы которых во время революции выражали дантонисты и робеспьеристы, решающее значение имели соображения последнего порядка, т. е. боязнь масс

¹⁾ Более подробно о религиозных взглядах „бешеных“ см. Я. М. Захаров „Бешеные“, стр. 206-213.

для низов мелкой буржуазии гораздо более важной представлялась функция религии, связанная с защитой их от более экономических сильных и политически могущественных классов. Вот почему в первые годы революции, т. е. примерно до середины 1792 г., мы почти не видим (мы говорим „почти“, т. к. оставляем в стороне выступления одиночек типа Анахарзиса Клоотца, ни в какой мере не являющиеся характерными для всей массы мелкой буржуазии) каких бы то ни было посягательств как против религии вообще, так и против религии христианской в частности.

Но уже к середине 1792 г. положение меняется и притом меняется довольно существенным образом. Та решительная борьба, которую революции уже начиная с 1791 г. пришлось вести с контр-революционным католическим духовенством,¹⁾ уже очень скоро должна была начать перерастать в борьбу с самой католической религией, как таковой и вполне очевидно, что перерастание это должно было раньше и ярче всего сказаться в сознании именно низов мелкой буржуазии. Действительно, с того момента, как мелкая буржуазия 10 августа 1792 г. получила доступ к власти, а 2 июня 1793 г. взяла власть в свои руки целиком, функция религии, направленная к защите мелкой буржуазии от ударов справа, должна была сделаться для нее ненужной и бесцельной; что же касается защиты религией мелкой буржуазии от ударов слева, то мы уже говорили, что для низов мелкой буржуазии эта функция религии никогда особой важности не имела.

Но если таким образом при создавшейся во второй половине 1792 г. исторической обстановке низы мелкой буржуазии могли сравнительно безболезненно отказаться от религии, то было бы глубоко ошибочным предполагать, что этот отход мог принять форму атеизма. Мы уже подчеркивали, что из всех классов капиталистического общества, дойти до атеизма как к классу может один только пролетариат; что же касается мелкой буржуазии, не исключая при этом и ее низов, то ее отказ от религии никогда не может иметь место целиком и без остатка. И действительно, как мы это показали в другом месте²⁾, в эпоху Великой Французской Революции атеизм оставался уделом лишь немногих одиночек-интеллигентов, вроде Анахарзиса Клоотца; что же касается до тех широких слоев наименее состоятельных кругов мелкой буржуазии и мелко-буржуазной интеллигенции, интересы которых выражали Шометт и Эбер, то их позиция может быть определена не как анти-религиозная, а лишь как анти-христианская. Решительно ополчаясь на борьбу со всеми существующими положительными религиями, Эбер, Шометт и их прочие единомышленники ничего не имеют против деизма как такового и эта особенность составляет, без всякого сомнения, характернейшую черту всего так называемого дехристианизаторского движения 1793 года.

Таковы обстоятельства в силу которых уже начиная с середины 1792 г. борьба с католическим духовенством начинает пе-

¹⁾ Подробнее об этой борьбе см. в нашей книге „Французская революция и церковь“, т. I, печатающаяся в издании „Атеиста“.

²⁾ См. там-же.

перастать в сознании и деятельности низов тогдашней мелко буржуазии в борьбу с самой католической религией, как такова и после революции 10 августа перерастание это идет усиленным темпом. Так, уже в постановлении Парижской Коммуны от 1 августа 1792 г. о передаче на нужды обороны всех предметов церковного культа, сделанных из бронзы, предметы эти квалифицируются, как «обязанные своим существованием лишь обману священников и легковерию народа»¹⁾. А в постановлении той же Коммуны от 23 августа, посвященном регулированию обрядов похорон, говорится, что „в свободной стране все порождается суеверием и фанатизмом взгляды должны быть разрушены и заменены чувствами здравой философии и чистой морали“²⁾.

Зная огромную роль, которую Шометт играл в это время в Парижской Коммуне, мы имеем все основания предполагать, что он не был совершенно чужд принятию только что отмеченных постановлений. Хотя, как мы это покажем в главе, посвященной анализу его религиозных воззрений, по своим личным взглядам Шометт был делом и все время оставался таковым, однако процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией захватил и его и если его участие в принятии августовских постановлений Коммуны является не более, чем простым предположением³⁾, то уже в июне 1793 г. мы имеем прямое доказательство его ярко анти-христианского настроения. Мы знаем его выступление 8 июня в Парижской Коммуне по вопросу о религиозных процессиях, в котором он говорил:

„Обратите внимание на то, что эти процессии имеют своей целью вызвать беспорядки и что они поддерживаются контр-революционерами. Неприсяжные священники, одев на себя новую личину, пытались вызвать беспорядки в секциях; целью их являлось сделать из Парижа вторую Вандею. К счастью, народ остался спокойным; он начинает просвещаться, и знает, что лучше иметь хлеб, нежели мессы. Граждане нуждаются в дне отдыха и поэтому нужно воскресенье; но не следует, чтобы это воскресенье было осквернено суеверием. Мы, само собой разумеется, будем иметь праздники, но праздники моральные. Мы будем почитать жен и матерей и в особенности матерей—кормилиц. Мы будем иметь гражданские праздники; 10 августа мы устроим торжественное собрание и народ будет нашим богом; иного бога быть не должно“ (Курсив наш. Я. З.).

Эта речь с исключительной четкостью показывает генезис анти-христианского настроения Шометта; она показывает, что, подобно всем своим современникам, исключая Анахарзиса Клотца и немногих других атеистов, Шометт приходит к борьбе с христианством не прямо, а лишь как к последнему этапу борьбы с контр-революционной деятельностью католического духовенства. Поэтому неудивительно, что его борьба с религией становится особенно интенсивной с того момента, как он, вместе со своими единомышленниками, в целях спасения революции, ре-

1) „Протоколы Коммуны“, стр. 35.

2) Там-же, стр. 55.

3) Зато, как мы видели выше, Шометт уже в своей речи в Коммуне 12 декабря 1792 г. намекал на свое неверие в „святых“, т. е. в догматы христианства.

шает возглавит широкое движение рабочих масс за ее дальнейшее углубление. Момент этот, как мы видели выше, имел место в сентябре 1793 г. и привел к установлению так называемой „террористической системы“; и именно с установления этой системы начинается широкая дехристианизаторская деятельность Шометта, к изучению которой мы сейчас и обратимся.

Если таким образом действительной причиной широкого развития дехристианизаторской деятельности Шометта был происшедший в сентябре 1793 г. поворот в его тактике, то его внешним поводом была совершенная им в конце этого месяца поездка в родной Невер. Вот почему анализ дехристианизаторской деятельности Шометта должен начаться с изучения истории этой поездки.

«Шометт,—гласит отчет о заседании Парижской Коммуны 13 сентября 1793 г.,—ссылаясь на болезнь своей матери, просит о разрешении сопутствовать ей в свой родной город и обещает вернуться в недельный срок. Совет, будучи уверен, что он не злоупотребит данным ему разрешением, предоставляет ему отпуск на неопределенный срок».

Как показывает документ, сохранившийся среди бумаг Шометта в Национальном Архиве и перепечатанный Оларом в его предисловии к мемуарам Шометта о революции 10 августа, этот последний выехал из Парижа 17 сентября и, прибыв в Невер 18-го, оставался там до 23-го, когда он выехал обратно в Париж¹⁾. Через три дня после этого, 26 сентября, Шометт сделал в заседании Парижской Коммуны отчет о своем пребывании в Невере. Вот как этот отчет был изложен в газетах того времени:

«Шометт дает Совету отчет о различных обстоятельствах, связанных с только что совершенным им путешествием в департамент Ниверны. Сообщив интересные детали о состоянии общественного мнения в этом возрожденном патриотизмом департаменте, он жалуется, что кузницы в этой области были найдены им в состоянии бездействия. Но открыв у кузнецов клуб, ему удалось подогреть их пыл; они в настоящее время энергично работают и их мастерские вырабатывают значительное количество бомб и снарядов.

«В Невере федерализм разрушен и старые администраторы смещены и заменены патриотами.

„После этого Шометт сообщает жалобы сельских жителей, многие из коих были ограблены и разорены благодаря притеснениям и несправедливостям бывшего герцога Ниверне, бывшего сеньером части этого департамента.

«Наконец он сообщает, что народ, который мерзавцы держали в состоянии фанатизма, вышел из своего состояния заблуждения; изображения святых и мадонн заменены эмблемами свободы и равенства. Там почитают бедных и стариков; гражданские праздники заменили праздники суеверия; несчастный без унижения получает следуемую ему помощь; добродетель почитается. В этом департаменте бедняку не придется больше вымаливать о ничтожной помощи у наглого богача“ (Курсив наш Я. Э.).

¹⁾ „Воспоминания Шометта“, стр. XI.

Опубликование этого отчета в газете «Монитор»¹⁾ вызвало со стороны Шометта следующее письмо в редакцию:

«Гражданин редактор, в виду того, что большинство газет дали неправильный отчет о совершенном мною путешествии, прошу вас внести необходимые поправки, сделать которые вынуждает меня любовь к истине. Вся честь происшедшего улучшенная в положении моей родины приписана газетами мне одному в то время как я в своей речи указал на подлинных авторов того же. Я должен признать, что небольшая польза, принесенная моей жизнью, никогда не сможет сравниться с тем добром, которое совершили в департаменте Ниевры народный представитель Фуше из Нанта²⁾ и санкюлоты неверского народного общества».

„Я, правда, дал Фуше кое-какие советы, которые были им использованы; но к этому времени Ниевра была уже возрождена его отеческими заботами. Окруженный федералистами, роялистами и фанатиками, этот народный представитель имел в качестве советников лишь трех или четырех угнетаемых патриотов и опираясь на эту незначительную поддержку, он совершил все это чудеса, о которых я говорил. Почтение к старости, помощь несчастным, уважение к страданию, усиление производства боевых припасов, арест подозрительных лиц, примерное наказание преступлений, преследование и арест скупщиков — таков краткий итог работ народного представителя Фуше. Вот что позабыл упомянуть газеты и о чем я считаю своим долгом громко заявить».

«Что же касается того, что я смог сделать сам, то говорить об этом дело не мое, а моих сограждан»³⁾.

Молчаливый призыв, содержащийся в этих последних строках письма Шометта был тотчас же услышан его земляками, один из них, выступая вскоре в Парижской Коммуне с рассказом о принятых в департаменте Ниевры революционных мерах, следующим образом охарактеризовал деятельность Шометта в Невере:

„Шометт, которого наш город, с тех пор как уважение к происхождению уступило место уважению к талантам и добродетелям, гордится иметь в числе своих детей, — был, во время своего пребывания в Невере, свидетелем всех перечисленных мною революционных мероприятий. Он даже принимал в них участие сам и нам специально поручено представить ему в вашей среде публичное доказательство уважения и признания его сограждан“ (Курсив наш. Я. З).⁴⁾

Это беспристрастное показание ближайших свидетелей пребывания Шометта в Невере дает нам право утверждать, что Шометт в своем письме в редакцию «Монитор» был чрезвычайно скромнен и что на самом деле он принимал довольно значительное участие в событиях, происходивших в Невере во время его там пребывания, т. е., иначе говоря, между 18 и 23 сентября 1793 г. Каковы же были эти события?

Как показывает постановление народного общества Невера от 2 нивоза II года, говорить о котором о нам придется дальше

¹⁾ „Монитор“, т. XVII, стр. 761.

²⁾ Фуше был в то время в Невере в качестве комиссара Конвента.

³⁾ „Монитор“, XVII, стр. 761-762.

⁴⁾ „Бумаги Шометта“, стр. 45.

анти-христианское движение сделало среди местной передовой мелкой буржуазии довольно значительные успехи еще задолго до приезда Шометта в Невер. Если вспомнить, что и в Париже Коммуна, как мы уже знаем, была настроена в таком же точно духе еще в августе 1792 года, то в свидетельстве этом нет ровно ничего, что могло бы показаться нам мало правдоподобным и у нас поэтому нет никаких оснований его отвергать.

«Мы уже давно,—читаем мы в постановлении неверского клуба,—презирали глупые церковные обряды, являющиеся ничем иным, как посягательством на справедливость, истину и гуманность. наших почестей достоин один только Предвечный, но ни в коем случае не те люди, которые стремились узурпировать его место»¹⁾.

Если таким образом анти-христианские настроения были распространены среди неверской мелкой буржуазии еще задолго до приезда туда Шометта, то совершенно несомненно, что сильный толчок к их развитию был дан приездом в Невер в конце июля 1793 г. конвентского комиссара Фуше, одного из немногих агентов того времени и едва ли не виднейшего деятеля всего дехристианизаторского движения осени 1793 г.

„Народный представитель Фуше, читаем мы в уже цитированном постановлении неверского народного общества от 2 ноября,—а с ним вместе и все друзья Республики, разоблачили нам подлые махинации заговорщиков всей мастей, раскрыли глаза слабым и выявили лицемеров, лгунов и мошенников“²⁾. Уже в первых числах августа Фуше издает в Невере предписание о реквизиции на нужды обороны всех колоколов местных церквей³⁾. а 11 августа, воспользовавшись рождением у него дочери, которой он дает имя Ниевры, Фуше устраивает ей, при участии всех местных общественных организаций, гражданские крестины, долженствовавшие служить яркой демонстрацией его анти-христианского настроения⁴⁾.

Такое было положение вещей в Невере, когда 18 сентября 1793 г. туда прибыл Шометт. Совершенно ясно, что еще ранее проявившиеся анти-христианские тенденции прокурора Парижской Коммуны при соприкосновении с боевым анти-христианством Фуше должны были вспыхнуть ярким пламенем, тем более, что как мы уже знаем, вся обстановка в Невере представляла для этого вполне благоприятную почву и что во главе местной администрации стояли в это время все его старые друзья⁵⁾.

Результатом этого был устроенный в Невере 22 сентября праздник в честь открытия бюста Брута, причем виднейшую роль в этом празднестве, наряду с Фуше, играл и Шометт.

Приводим отрывки из официального протокола этого праздника.

1) Там-же, стр. 47.

2) Там-же, стр. 47.

3) L. Madelin, «Fouché» т. I, стр. 91.

4) Martel, «Etudes sur Fouché et le communisme dans la pratique en 1793», стр. 109-110.

5) Бреш, цит. соч., стр. 41.

„Открытое собрание установленных властей и народного общества в Невере, 22 сентября 1793 II года Республики.

«Представитель народа в департаментах центра и запада, посвятивший в этом департаменте все дни суверенных праздников в честь свободы, религии, морали и культа всех добродетелей, наметив настоящий день для открытия памятника Брута и желая достойным французского народа образом почтить простоту и несчастье,—явился в директорию департамента и написал всем административным и судебным учреждениям названного департамента, а равно и всем обществам и случайно находящемуся в городе отряду кавалерии, принять участие в этом республиканском празднестве...

«... С рассветом этого дня, выстрел из пушки призвал всех граждан занять их место в празднестве.

«Около 10 часов утра, неумолимое правосудие наложило свою руку на трех преступников, составлявших ужас общества. Таким образом оно, при помощи страха, подготовило души к тому, чтобы сильнее почувствовать сладостные прелести прихода и святого братства. К часу дня более приятные и более подходящие для человеческого сердца чувства успели заменить те, которые были вызваны общественным негодованием и ужасом преступления...

«Что за великолепная картина:

„Граждане, торжественно несущие полезные орудия, дающие жизнь общественному организму; бюст Брута, величественно покоющийся на плечах республиканцев и окруженный мечом нации; представитель свободного и добродетельного народа, в центре шествия почтенных стариков, немощных и бедняков, окруженных его отцовскими заботами и с венками из колосьев и головах; и, наконец, толпа граждан без различия пола и возраста, оглашающая воздух криками радости и благодарности.

«... Пройдя по улицам города, шествие направилось затем в кафедральный собор, как наиболее обширное помещение, лучше других приспособленное для того, чтобы вместить столь многочисленное собрание граждан. Народный представитель, в краткой речи, свободно вылившейся из его души и простой, как сама природа, заставил граждан почувствовать вопиющий контраст двух совершившихся в этот день событий. Как убежденный апостол свободы, он прославил величественные добродетели и жества этого праздника—Брута и, говоря гражданам об их правах, он не забыл подчеркнуть им и их обязанности. После этого представитель народа принял от граждан присягу принести жертву отечеству наиболее дорогие привязанности и погреть нагань какие бы то ни было соображения, едва дело коснется блага Республики. Эта присяга была покрыта возгласами: Да здравствует Республика! Да здравствует Гора! Да здравствует Национальный Конвент!

«После этого, впервые может быть за все время их существования, готические своды этого собора, памятника порабощения народа и тирании сильных, огласились энергичными словами истины, очищенной от гнусной примеси религиозных софизмов невежественных предрассудков. Шометт, гражданин этого город

генеральный прокурор синдик Парижской Коммуны, в произнесенной им мужественной и сильной речи, отметив отличающую жителей департамента Невры природную доброту, указал на опасность, могущую возникнуть в случае, если эта доброта, предоставленная сама себе, превратится в слабость. Он указал соборанию на мелких тиранов, посредством своих интриг стремящихся заменить своих прежних хозяев; затем, описав широкими штрихами революционный гений, долженствующий служить рулевым на корабле Республики, и прославив достоинства и могущество народа, он закончил характеристикой нескольких черт древнего Брута, применяя их к современным обстоятельствам и приглашая своих сограждан применить на практике те республиканские добродетели, в честь которых устроено настоящее празднество.

„После этого шествие направилось к месту заседания народного общества. Бюст Брута, сопровождаемый депутациями всех обществ департамента и предшествуемый представителем народа, был под звуки величественной музыки и под приветственные крики граждан водружен на его постамент.

„Председатель Неверского общества произнес речь, проникнутую той общественной моралью, которая должна составлять катехизис свободных людей и которую нельзя анализировать, а можно лишь охарактеризовать словами: эта была подлинно республиканская речь.

„Молодые гражданки, с венками из цветов на головах, пропели гимн в честь свободы и выразили представителю народа благодарность всего департамента. Затем слово взял сам представитель народа и напомнив, с энергичной твердостью, принятые гражданами на себя священные обязанности, он заставил их почувствовать до какой степени родина нуждается в защитниках. В ответ на это, собрание, по мгновенному побуждению, поклялось не просить исключения для кого бы то ни было. Женщины поклялись побуждать своих мужей и детей лететь на защиту свободы, а самим заняться изготовлением одежды и оружия для волонтеров. По предложению одного из своих членов, общество постановило, что в зале его заседаний будут водружены дубовые венки, к которым народный представитель будет приглашен прикрепить надписи «они ожидают победителей».

„Заседание закончилось словами, произнесенными представителем народа и повторенными всеми присутствующими: честь и почитание старости, честь и почитание неслышающих.

„Затем граждане перешли в одну из зал ратуши, где был приготовлен обед для старцев и немощных. Представитель народа и все установленные власти в своих предписанных закон одеяниях обносили столы этих достойных приглашенных.

„Во время обеда, оркестр исполнял патриотические мелодии, способные поддержать настроение, побудившее организовать это празднество. Праздник закончился танцами вокруг дерева свободы⁴¹⁾.

Мы привели этот длинный протокол не только потому, что во время неверского праздника 22 сентября произошло первое

⁴¹⁾ Мартель, цит. соч., стр. 137—148.

анти-христианское выступление Шометта перед широкой публикой, но также и по той причине, что эта было одно из первых торжественных празднеств, связанных с дехристианизаторским движением 1793 г. и ставших особенно многочисленными спустя месяц, т. е. в октябре-ноябре этого же года. Но если в этот день анти-христианское настроение Шометта было продемонстрировано им открыто и торжественно, то отнюдь не меньшее значение имело его происшедшее в эти же дни другое выступление в том же направлении, хотя и оставшееся по видимому никому не известным, но о котором можно тем не менее догадаться на основании некоторых соображений.

Как известно, одной из отличительных особенностей политики деятелей дехристианизаторского движения в отношении католического духовенства являлось побуждение такового к отречению от своего сана или по меньшей мере к вступлению в брак, что было равносильно разрыву с каноническим нормами католицизма. Стремление к достижению этой цели шло у дехристианизаторов настолько далеко, что изданный Национальным Конвентом 30 брюмера (20 ноября 1793 г.) декрет давал полное прощение даже не приносящим священникам, если они только вступили до этого дня в брак.²⁾ И вот оказывается, что одно из первых постановлений, имеющих целью уничтожить брачное католического духовенства было издано в Невере, причём официальный почин его издания принадлежал Фуше.

23 сентября 1793 г., т. е. в день отъезда Шометта из Парижа, Фуше явился в директорию департамента Ниверны и предложил ей издать постановление, окончательно оформленное 25 сентября в следующей редакции:

„По предложению гражданина Фуше, представителя наро-

„Совет департамента, принимая во внимание, что во всякой общественной ассоциации все входящие в ее состав члены должны стремиться к общему благу; что изолируясь от общества, людем самым становятся равнодушными к его благу; что уже слишком долго священники живут в состоянии безбрачия; что они не исполняют ни одного из долгов подлинного гражданина; что чуждые участию в общественных расходах, от каковых им все равно удавалось уклониться при помощи оружия обмана, они до сих пор подавали лишь пример опасного и враждебного принципа республиканского строя эгоизма; что пора, чтобы эта горстка, возвращенная к чистоте принципов ранней революции, вернулась бы в класс граждан, отказалась бы от оскорбительной для природы и благоприятствующей разложению нравственности, приблизилась бы, посредством исполнения своих обязанностей, к обществу и, принимая участие в расходах управления, заслужила бы право на защиту со стороны правительства,—

„Постановляет:

„Всякий служитель культа или другой оплачиваемый чин священник, проживающий в пределах данного департамента будет обязан, в течение одного месяца со дня опубликования настоящего постановления, либо вступить в брак, либо ус-

1) См. нашу работу „Французская революция и церковь“, т. I.

2) Маделен, цит. соч., т. I, стр. 101.

ловить ребенка, либо взять на свое иждивение и кормить за свой счет немущего старика. В случае отказа от исполнения этого предписания, означенные лица будут считаться утратившими от исполнения своих функций и будут лишены как своих должностей, так и своих пенсий, которые с этого момента перестанут им уплачиваться". (Курсив наш. Я. 3.) ¹⁾

Как показывает этот документ, вся официальная роль в его издании принадлежала одному только Фуше и Шометт здесь так будто бы непричем, тем более, что постановление это было окончательно оформлено лишь 25 сентября, т. е. уже после его отъезда из Невера. Однако, вчитываясь в постановление 25 сентября, мы сразу же замечаем в нем одну особенность, совершенно непонятную, если приписывать его авторство одному только Фуше. Этот последний, как мы уже говорили, был несомненным атеистом и поэтому почти все изданные им постановления носят, в противоположность писаниям и выступлениям огромного большинства остальных дехристианизаторов, включая сюда и Шометта, явно выраженный атеистический характер. Типичным примером может служить в этом отношении хотя бы знаменитое постановление о кладбищах, изданное Фуше 10 октября и в котором прямо говорится, что «смерть есть вечный сон» ²⁾. Напротив того, как показывает подчеркнутая нами фраза, постановление 25 сентября не только носит деистический характер, но и прямо говорит о желательности возвращения католического духовенства к нравам ранней христианской церкви. Читатель согласится, что для атеиста такое утверждение звучит крайне странно и приходится волей и неволей предположить, что постановление 25 сентября составлял не только Фуше, но и еще кто-то другой.

Но кто же мог быть этот таинственный соавтор, если даже не единственный автор, постановления 25 сентября? Не говоря же о том, что вся известная нам обстановка, сложившаяся в Невере 18-23 сентября, заставляет предполагать, что это было нечто иной, как Шометт, имеется еще одно обстоятельство, целиком подтверждающее соответствующую гипотезу. Это — отчет на заседании Парижской Коммуны 5 сентября 1793 г.

Дело в том, что Парижская Коммуна уже давно выступала в качестве ярой сторонницы ликвидации безбрачия духовенства и еще в ее заседании 5 июня 1793 г. было принято постановление «не рассматривать в качестве священников тех из них, которые вступили в брак или выполнили обязанности доброго гражданина». А когда 5 сентября Парижская Коммуна, как мы уже знаем, приняла предложение Шометта о своем самоочищении, то там вслед за этим разыгралась следующая сцена:

«Бернар замечает, что в среде Генерального Совета имеется один гражданин, являющийся добрым патриотом, но опороченный званием священника. Прокурор Коммуны прерывает Бернара, намекавшего на себя самого. Он замечает, что этот священник никогда не отличался свойственными им пороками и

¹⁾ Мартель, цит. соч. стр. 158—159.

²⁾ Текст этого постановления см. Олар, „Культ Разума и культ Верховного Существа“, стр. 36—38.

что, взяв себе жену и давая отечеству граждан, таким образом выполнил священные предписания природы и общества. Поэтому он полагает, что Бернар должен рассматриваться в качестве священника» (Курсив наш. Я).

Достаточно сличить подчеркнутую нами в этой цитате фразу с соответствующими местами неверского постановления 25 сентября, чтобы убедиться, что мы имеем здесь едва ли не дословное совпадение выражений. Поскольку же это совпадение некоем подтверждает выводы, уже ранее полученные нами при анализе текста постановления 25 сентября, и поскольку Шометт в своем письме в редакцию «Монитер'а», признавал, как мы уже видели, что он давал Фуше «кое-какие советы», — наша дотоле об авторстве или, по крайней мере, соавторстве, Шометта в составлении этого документа приобретает вполне твердые основания. Поэтому мы считаем себя вправе утверждать, что Шометт во время своего пребывания в Невере участвовал не только в празднестве в честь Брута, но равным образом и в издании постановления о ликвидации безбрачия церковников.

Вернувшись в Париж целиком под впечатлением своего пребывания в Невере, Шометт в заключение своего уже цитированного выше отчета Парижской Коммуне о своей поездке, предложил ей установить постоянную связь с народными обществами департамента Ниевры и предложение это было принято. А когда муленский дистрикт, в котором в это время подвизался приехавший туда из Невера Фуше, прислал в Париж ящик церковным золотом и серебром, ¹⁾ то Коммуна в своем заседании 12 вандемьера (3 октября) постановила отправить для приветствия при их вскрытии двух комиссаров ²⁾, чем еще раз было подчеркнута связь между неверскими впечатлениями Шометта и его дехристианизаторской деятельностью в Париже. Точно также, когда в Париже был получен текст упомянутого выше постановления Фуше от 10 октября о кладбищах, то Шометт на заседании Коммуны 27 вандемьера (18 октября) зачитал его рядом хвалебных комментариев и Коммуна постановила поручить своей комиссии составить проект аналогичного мероприятия. Таким образом мы можем считать установленным, что именно поездка Шометта в Невер явилась ближайшим толчком к развитию его дехристианизаторской деятельности; но, мы это решительно подчеркиваем, не более, чем толчком, или поводом, ибо причина этой деятельности была конечно несравненно глубже, которую мы ее выше уже выяснили.

Ознакомившись, таким образом, как с причинами, так и с ближайшим поводом начала широкой дехристианизаторской деятельности Шометта, мы можем теперь перейти к непосредственному изучению ее истории.

Мы выше подчеркивали, что вся дехристианизаторская деятельность как самого Шометта, так и огромного большинства других «дехристианизаторов» того времени была результатом

¹⁾ Об этом рассказывается в находящемся среди бумаг Шометта в Национальном архиве (картон Т 1611) „Списке постановлений Генеральной Коммуны Парижской Коммуны, касающихся различных культов и священников“. Список этот перепечатан Брешем в его издании бумаг Шометта, ст. 194.

²⁾ Там-же, стр. 194.

только их сознательной враждебности к религии, сколько связанного с развитием революции процесса перерастания борьбы с контр-революционным католическим духовенством в борьбу с самой католической религией, как таковой. И эта основная черта всей дехристианизаторской деятельности Шометта чрезвычайно ярко отразилась уже на его первом крупном парижском выступлении, во время которого задача борьбы с католическим духовенством была поставлена впереди задачи борьбы с самой католической религией.

В самом деле, вот что мы читаем в отчете о заседании Парижской Коммуны 14 вандемьера (5 октября):

„Шометт, обрисовав злоумышления дворян и священников, которые посредством своих махинаций мешают работе административных органов Республики, требует аннулирования свидетельств о благонадежности, выданных им до чистки Генерального Совета...

„... Затем, прокурор Коммуны, желая, чтобы отныне не праздновали никаких других праздников, кроме как в честь свободы равенства, а равно и дня ознаменования славнейших дней революции, предлагает, с целью устранения последних следов фанатизма, принять и строго соблюдать республиканский календарь, оставленный гражданином Марешалем ¹⁾. Генеральный Совет принимает это предложение“.

Постановление Парижской Коммуны от 14 вандемьера было лишь первой ласточкой ее дехристианизаторской деятельности и за этим постановлением последовал ряд других, аналогичных.

Так, в заседании Коммуны 22 вандемьера «один член указывает, что в Туре существует Sainte-Amroule, служившая, подобно реймской, ²⁾ для коронования нескольких тиранов. Совет постановляет сообщить об этом турецкому народному обществу и пригласить его разбить это орудие фанатизма и легковерия наших отцов». А в заседании 24 вандемьера Коммуна, по предложению Шометта, постановила упразднить существовавшую в здании ратуши часовню и использовать в нуждах Республики находившиеся в ней церковные ценности; что же касается до всех предметов утвари этой часовни, которые не могли быть производительным образом использованы, то их было решено торжественно сжечь.

Несравненно важнее, нежели эти частичные и разрозненные мероприятия, было общее постановление, принятое Парижской Коммуной 23 вандемьера и значительно ограничившее права католической церкви. Вот что гласит соответствующая часть отчета об этом заседании Коммуны:

«Слово берет прокурор Коммуны. Он дает картину шарлатанства священников; он обрисовывает этих лицемеров, завладевающих человеком при самом его рождении и покидающих его

¹⁾ Как известно, новый революционный календарь был окончательно принят Конвентом лишь 4 фримера (24 ноября), а предшествовавший его принятию доклад Фабр д'Эглантина был сделан 24 октября. Таким образом принятое Коммуной предложение Шометта было внесено значительно ранее официального введения нового календаря на всей территории Республики.

²⁾ Реймская Sainte-Amroule была разбита конвентским комиссаром Рюлем 27 октября. См. об этом нашу книгу „Французская Революция и церковь“, т. I.

лишь на краю могилы; он указывает на безнравственность внешних оказательств культа. В заключение он предлагает составить инструкцию о способах констатирования рождений и отдач почившим гражданам последнего долга.

«Генеральный Совет, принимая предложение Шометта, избирает комиссаров для редактирования соответствующего постановления и постановляет, что служителям всех культов предлагается отправлять их обязанности вне специально предназначенных для того различными культами зданий.

«Это постановление будет разослано служителям всех известных в Париже культов, а равно и главнокомандующему национальной гвардии, для включения его в приказ».

За этим важным и общим постановлением снова следуют ряд более узких и частных. 27 вандемьера Коммуна запрещает продажу на улицах различных предметов «суеверного фокуса», как-то молитвенников, изображений святых, колец и т. 29 вандемьера, она по предложению Шометта, решает выгравировать на стенах соответствующих зданий надписи, напоминающие о Варфоломеевской ночи и «предающие проклятию Карла I Медичи, кардинала лотарингского, священников и королей». Наряду с этим в эти же самые дни принимаются и два важных принципиальных решения. 29 вандемьера Коммуна постановляет, что «торговцам запрещается закрывать по воскресеньям их лавки; что же касается до декади, то торговцам представляется право по их усмотрению держать в эти дни их лавки открытыми или же их закрывать». А 2 брюмера (25 октября) Коммуна принимает следующее постановление:

«Генеральный Совет, осведомленный о том, что вопреки законам, на некоторых улицах Парижа существуют еще памятники фанатизма и королевской власти;

«принимая во внимание, что закон запрещает внешние оказательства какого бы то ни было культа;

«принимая во внимание, что его делом является заставить исчезнуть все памятники, могущие поддерживать религиозные предрассудки и напомнить о проклятой памяти королей,—

«Постановляет, что готические изображения французских королей, находящиеся у входа в собор Парижской Богоматери, должны быть в недельный срок сняты и уничтожены и что администрация общественных работ предлагается, под ее ответственностью, представить сообщение об исполнении настоящего постановления.

«Кроме того, Совет постановляет, что все находящиеся в различных местах Парижа религиозные изображения будут убраны. Равным образом будут уничтожены все мраморные и бронзовые доски, на которых выгравированы постановления парламентов против жертв фанатизма и жестокости священников.

„Совет приглашает народные общества указать на все известные им памятники варварства и поручает революционные комитетам принять меры к их полному уничтожению“.

Но вся рассмотренная нами до сих пор дехристианизаторская деятельность Шометта в Парижской Коммуне, несмотря на большую принципиальную важность некоторых из принятых при этом постановлений, составляла все же не более, чем предисл

вие к той широчайшей волне дехристианизации, которая разлилась по Франции и в первую очередь по Парижу во второй половине брюмера II года. Дело в том, что если до этого времени шометтисты и эбертисты в своих дехристианизаторских тенденциях были почти совершенно одиноки и не встречали ни какой поддержки ни со стороны остальных течений монтаньярской партии, ни со стороны „бешеных“, то в брюмере II года эта картина решительно меняется. По соображениям чисто демагогического порядка, дантониисты, чтобы устранить от себя уже выставленное против них обвинение в модеранризме, решают поддержать Эбера и Шометта в их анти—христианской политике и делаются таким образом на некоторое время ярыми адептами дехристианизации; что же касается робеспьеристов, то хотя большинство из них и в это время остаются противниками борьбы с католицизмом, как таковым, они занимают в этот момент выжидательную позицию и не препятствуют как левым монтаньярам, так и их неожиданным союзникам—дантонистам в осуществлении их направленных против „религиозного фанатизма“ планов. При таком положении вещей само собой разумеется, что начавшаяся уже раньше дехристианизаторская деятельность Парижской Коммуны должна была в то время достигнуть своего максимального расцвета. Поскольку же, как мы видели, руководящая роль в дехристианизаторской деятельности Коммуны все время принадлежала Шометту,—ясно, что именно он должен был играть роль первой скрипки в крупных событиях, происшедших в Париже во второй половине брюмера.

И действительно, Шометт принимает руководящее участие как в подготовке и проведении происшедшей в заседании Конвента 17 брюмера (7 ноября) торжественной церемонии отречения парижского епископа Гобеля, так и в знаменитом празднике Разума 20 брюмера. *События эти подробно описаны нами в другом месте* ¹⁾ и мы поэтому не будем сейчас их касаться, отсылая интересующегося читателя к соответствующей литературе ²⁾. Отметим только, что участие в этих церемониях не мешает ни Шометту, ни вообще Парижской Коммуне одновременно с ним продолжать и свою практическую деятельность в духе дехристианизации. Так, в своем заседании 18 брюмера Коммуна постановляет поддержать петицию, представленную Конвенту центральным комитетом парижских народных обществ с просьбой о прекращении содержания государством служителей католического культа и вырабатывает инструкцию о порядке конфискации церковных ценностей, а 19 брюмера она по предложению Шометта постановляет «перевести на итальянский язык свои революционные и анти-церковные постановления и отправить их папе для излечения его от его заблуждений».

В результате того соотношения сил, которое, как мы только что указывали, сложилось во Франции к середине брюмера, дехристианизаторское движение, представлявшееся до этого делом небольшой кучки людей, принимает теперь широкий массовый характер. Так, в том же самом заседании Коммуны 19 брюмера,

¹⁾ См. нашу книгу „Французская революция и церковь“, т. I.

²⁾ См. там-же и Олар „Кульг Разума и культ Верховного Существа“.

о котором мы только что говорили, „секции Бонн-Нувель, Сакюлотов и Ратуши являются всей своей массой, чтобы заявить что они отказываются от всякого иного культа, кроме культа свободы и разума. В силу этого они просят, чтобы Совет постановил освободить церкви от находящихся в них святых и других предметов того же рода.

„Совет постановляет, что революционные комитеты секции заявивших о своем признании одного только культа свободы, владеют всем активом и движимостью, которые они найдут каждой церкви и сообщат список таковых в комиссию национальных имуществ. Комиссия эта пустит эти предметы в продажу, а вырученные суммы будут переданы в национальное казначейство“.

20 брюмера имел место праздник Разума, а в заседании Коммуны 21 брюмера заявления секций продолжались. «Секции Кенз-Вен, Ломбар, Гравилье, Прав человека, Арсенала, Неразделности и Музея заявляют, что, не желая отправлять иного культа кроме культа свободы, здоровой философии и разума, они заключили церкви своих округов и намерены преподнести Конвенту возложить на алтарь отечества все ценности служившие гордости тех, кто называли себя выразителями воли божества. Совет постановляет занести эти заявления в протокол своего заседания».

Следующее заседание Коммуны 22 брюмера, носило сплошной и исключительно дехристианизаторский характер. В виду значительности интереса многих элементов этого заседания, приводим соответствующий протокол:

«Революционный комитет секции Сосдинения приносит Генеральный Совет кресты, солища, церковные чаши и прочую церковную утварь. Один член этого комитета отмечает, что многие из этих предметов принадлежат лицам еврейской секты. Один из служителей религии Моисея, Авраама и Иакова от имени своих единоверцев просит, чтобы означенные предметы не рассматривались, как принадлежащие той или иной секте. Он заявляет, что он, как французский гражданин, охотно отказывается от всех тех предметов из числа принесенных, которые ему принадлежат.

„Генеральный Совет приветствует самоотвержение этого гражданина по фамилии Бенжамен Жакоб и постановляет отметить это в своем протоколе. Многие члены Совета дают этот философ братский поцелуй.

„Другой член того же революционного комитета отдает должное патриотической энергии проживающих в пределах этой секции граждан—бывших евреев; они почти все предугадали желание революционного комитета и сами принесли свои реликвии украшения.

„... Совет постановляет одобрить поведение этих граждан решает, что все вышеизложенные предметы будут отнесены Национальный Конвент.

«Заместитель прокурора Коммуны представляет Совету различные реликвии с соответствующими этикетками... Совет постановляет, что все эти почитавшиеся ханжами чудотворные предметы будут сданы в архив с тем, что они будут сожжены, когда их накопится достаточное количество.

«Народное общество секции Музея сообщает, что граждане этой секции должным образом расправились со всеми книгами суеверия и обмана. Бревиарии, проповеди святой Бригиты, старые и новые заветы искупили своим сожжением те глупости, которые были благодаря им совершены человеческим родом. Секция Елисейских полей заявляет о том же самом.

„Прокурор Коммуны сообщает, что в секции Бонн-Нувель постановлено открыть курсы морали и что по декады, в те часы, в которые священники совершали мессу, будут произноситься патристические речи.

«По продолжению одного члена, Совет постановляет, что департамент будет приглашен снести колокольни, которые, возвышаясь над другими зданиями, тем самым как бы нарушают принцип равенства.

„Секция Братства предлагает в качестве меры безопасности арестовать всех священников, что даст возможность предупредить все попытки фапатиков и прочих контр-революционеров. Совет передает это предложение на рассмотрение полицейской администрации, коей поручается согласовать вопрос с Комитетом Общей Безопасности Национального Конвента.

„Несколько служителей католического культа являются в Совет и отрекаются от проповедывавшихся ими до этого дня заблуждений...

«По предложению прокурора Коммуны, Совет постановляет разрушить всех святых, находящихся у врат бывшего кафедрального собора, ныне Храма Разума...».

На следующий день, 23 брюмера, примеру католиков и евреев последовали протестанты, о чем и заявил Коммуне явившийся в ее заседание их представитель. А 24 брюмера Шометт с торжеством сообщил Коммуне как об изданном конвентскими комиссарами в Страсбурге постановлении, „стремящемся окончательно уничтожить фанатизм“, так и о циркулирующих по городу слухах об опасной болезни римского папы ¹⁾

Довольно серьезные меры против попов были приняты Коммуной в ее заседаниях 27 и 29 брюмера. 27 брюмера «народное общество секции Ратуши указывает, что ханжи и фанатики продолжают еще собираться вокруг чаш со святой водой и предлагает совету принять меры, необходимые для того, чтобы отнять у этих глупцов надежду на воскрешение фанатизма. Совет постановляет, что главнокомандующий национальной гвардией будет приглашен принять меры для прекращения этих сборищ». В этом же самом заседании Коммуна предписала своей комиссии по выдаче паспортов «усилить свою бдительность при выдаче паспортов бывшим священникам» ²⁾.

Во исполнение этого предписания, комиссия представила Коммуне в ее заседании 29 брюмера соответствующий доклад. „По предложению комиссии по выдаче паспортов,—гласит отчет об этом заседании,—Совет постановляет:

«1. Что секции приглашаются указывать в выдаваемых ими паспортах, являются ли их обладатели священниками или нет.

¹⁾ „Вумаги Шометта“, стр. 208.

²⁾ Там-же, стр. 211.

«2. В случае, если обладатель паспорта хотя и является священником, но при этом ему не может быть сделано каких бы ни было упреков касательно его благонадежности, об этом должно быть специально указано в паспорте. Кроме того он должен будет представить удостоверение муниципалитета того места, куда желает отправиться, с указанием источников его существования в этом месте».

Наряду с этим и чисто практическими мероприятиями, Коммуна продолжала заслушивать в своих заседаниях сообщений секций об их отказе от католического культа. 25 брюмера так заявления были сделаны секциями Вооруженного человека, Соединения, Вильгельма Телля, Муция Сцеволы, Инк и Арсенала, а 26 брюмера — секциями Рынка, Монтрейль, Братства и Кенз-Велл.

Однако Шометт этот темп дехристианизации все же казал недостаточным и 28 брюмера он выступает в якобинском клубе с речью, в которой между прочим говорит:

..Я с удовольствием наблюдаю за напорными со всех сторон фанатизму ударами, но я должен заметить, что Республика в этом отношении недостаточно единодушна... Наши враги, не входя достаточное количество мужчин, чтобы нас погубить, решили обратиться к женщинам, которые все еще продолжают оставаться богомольными. На этих днях они собрались в бывшей церкви св. Евстафия с молитвенниками в руках. Среди них была правда, несколько старух, любящих вдыхать издаваемый храмами Иисуса трупный запах, но большее число их все же состояло из молодых девушек, посвящающих себя совсем иным богам»²⁾.

Но если, как показывает эта речь, Шометт был явно и удовлетворен достигнутыми к этому времени дехристианизаторской кампанией результатами и надеялся на дальнейшее плодотворное продолжение таковой, то на самом деле обстояло как раз наоборот и последние дни брюмера были временем максимальной успешности дехристианизации, за которыми должны были последовать ее постепенное свертывание и ликвидация. Но перед тем как рассказывать об этих обстоятельствах, нам нужно будет несколько возвратиться назад и рассмотреть остальные, кроме дехристианизации, стороны деятельности Шометта в только что изученный нами период, т. е. в вандемьере и брюмере II года Республики.

ГЛАВА IV.

Шометт в борьбе за углубление революции.

Если, как мы видели выше, широкое развитие дехристианизаторской деятельности Шометта и его единомышленников состояло в прямой связи с усвоенной ими, начиная с сентября 1793 г., тактической линией, то в еще большей степени относится

1) Там-же, стр. 209-210.

2) „Монитор“, т. XVIII, стр. 483.

это к их деятельности этого периода в области вопросов социально-экономических и чисто политических. В самом деле — та тактика опоры на рабочую и ремесленную бедноту, политическими представителями которых являлись до этого времени «бешеные», раздавленные осенью 1793 г. даптонистами и робеспьеристами при полной поддержке стремившихся завладеть их наследством эбертистов и шометтистов, — тактика эта имела в качестве своей необходимой предпосылки удовлетворенные хотя бы части тех требований, которые были выдвинуты этими массами еще начиная с конца 1792 г. и которые нашли себе столь яркое выражение в требованиях Жака Ру, Варле и Леклера. При этом вполне очевидно, что осуществляя из тактических соображений некоторые требования рабоче-ремесленной бедноты, левые монтаньяры не могли идти в своей социально-экономической политике так далеко, как этого требовали «бешеные», бывшие подлинными выразителями чаяний этой бедноты и защищавшие ее интересы не за страх, а за совесть. Вот почему даже осенью 1793 г. все выдвигавшиеся Шометтом и его сторонниками требования, при всей их иногда значительной радикальности на словах, в огромном большинстве случаев имели все же в виду удовлетворение интересов не столько рабочих и ремесленников, сколько низов мелкой буржуазии, т. е. иначе говоря именно той классовой прослойки, интересы которой левые монтаньяры в своем лице непосредственно выражали. Но, само собой разумеется, что все попытки проведения даже и этой значительно урезанной по сравнению с требованиями «бешеных», программы, должны были вызвать ожесточенное сопротивление со стороны всех состоятельных элементов страны. Поэтому несколько не удивительно, что наряду со своей социально-экономической программой, левые монтаньяры выставляют в это время и требование крайнего усиления террора, представлявшегося им единственным способом осуществления выдвигавшихся ими мероприятий этого рода.

Таковы основные движущие пружины деятельности Шометта и его единомышленников осенью 1793 г. в вопросах социально-экономического и политического порядка. Что же касается до ближайшего повода развития этой деятельности, то чрезвычайно любопытно, что поездка Шометта в Невер оказала на него в этой области почти такое же влияние, как и в области дехристианизации. Особенно сильное впечатление, повидимому, произвело на Шометта постановление, изданное в Невере во время его там пребывания и составленное, скорее всего, не без его непосредственного участия¹⁾. Постановление это подписано Фуше и датировано 19 сентября. Вот его текст:

„Именем французского народа,

„Народный представитель при департаментах центра и запада.

„Принимая во внимание, что существование нищенства унижает народ и заставляет его забывать его достоинства и его права;

¹⁾ Доказательством этого является чуть ли не дословное совпадение их выражений постановления Фуше с рядом предшествовавших ему по чину выступлений Шометта.

„Принимая во внимание, что общество обязано доставляя пропитание несчастным гражданам, будь то в форме предоставления им работы, будь то в виде обеспечения средств существования тем, кто не в состоянии работать;

„Принимая, наконец, во внимание, что конституция гарантирует всем французам общественную помощь.

„Постановляет, что нищенство упраздняется на всем протяжении департамента и предписывает установленным властям немедленно либо поместить всех нищих в приюты, либо оказать им помощь на дому. Для этой цели в центре каждого дистрикта будет установлен филантропический комитет, которому предоставляется право обложить богатых налогом, соответствующим по своим размерам количеству немущих.

„Невер, 19 сентября 1793 г., II года Республики.

„Фуше“ 1).

Нет никакого сомнения в том, что Шометт имел в виду именно это постановление, когда он в своем уже цитированном докладе Парижской Коммуне 26 сентября 1793 г. о своей поездке говорил, что в Невере „несчастный получает без всяких унижений причитающуюся ему помощь“ и что „в этом департаменте бедняку не придется больше вымаливать ничтожной платы у наглого богача“. А в заключение своего доклада, Шометт предлагал Парижу последовать примеру Невера, для чего он рекомендовал „организовать национальные дома для помещения туда немощных бедняков. Дома эти должны быть храмами в которых будут почитаться несчастье, старость и немощь. Предложение это,—гласит отчет о заседании,—принимается Генеральным Советом с энтузиазмом“.

Это выступление Шометта было для него не пустым краем бояйством, каким аналогичные речи зачастую являлись в это время в устах многих робеспьеристов, а подлинной программой его дальнейшей деятельности. Так, 1 октября Коммуна по его предложению постановляет ввести все возможные улучшения организацию больницы; 14 вандемьера (5 октября) он требует создания так называемого морга для помещения туда неопознанных трупов. А в заседании Коммуны 27 вандемьера (18 октября) Шометт требует, „чтобы последние почести воздавались бедным точно также, как и богатым. С этой целью полицейским комиссарам должно быть вменено в обязанность доставлять гробы для немущих покойников; потребные для этого расходы будут покрыты за счет дополнительного налога на богатых“.

Однако, все эти меры казались Шометту недостаточными: в заседании Коммуны 11 брюмера (1 ноября) он снова ставит Парижу в пример департамент Ниевры, в котором „нет больше ни бедных, ни богатых“ и где, „нашли способ обеспечить существование несчастных“. „Необходимо,—говорит он,—чтобы парижский департамент последовал примеру департамента Ниевры. Нужно, чтобы не было больше бедняков; здоровые немущие должны получить работу, а существование немощных должно быть обеспечено за счет излишка богачей“.

1) Мартедь, цит. соч. стр. 132-133.

В заседании Коммуны 14 брюмера (1 ноября) Шометт вырабатывает целую программу изыскания средств для обеспечения немущих:

„Прокурор Коммуны замечает, что необходимо изыскать средства для доставления помощи несчастным. Он думает, что их можно было бы получить посредством дополнительного налога и предлагает принять все меры, чтобы бедняку не приходилось искать помощи, а чтобы она доставлялась ему на дому.

„Совет приветствует замечания прокурора Коммуны. По вопросу об изыскании средств для этой цели возникает оживленная дискуссия; выдвигается много предложений; но они все не достигают намеченной цели. Тогда Шометт, отдаваясь влечению своей филантропической энергии, предлагает:

„1) Чтобы все золотые и серебряные предметы, находящиеся в общественных учреждениях, церквях и прочих зданиях Парижа, были бы отправлены на монетный двор.

„2) Чтобы у Национального Конвента был исхотатайствован аванс в размере ста тысяч ливров в месяц, который позволил бы оплатить содержание, одежду, прокормление и работу немущих граждан. Эта сумма была бы возмещена ассигнатами, выпущенными в обмен на сданные на монетный двор вышеуказанные золотые и серебряные предметы.

„3) Чтобы исполнение этих мер было поручено революционным комитетам секций, которые составят списки находящихся в пределах их округов означенных золотых и серебряных предметов и отправят их на монетный двор.

„Генеральный Совет полностью принимает предложения прокурора Коммуны“.

22 брюмера Шометт снова выступает в Коммуне по вопросу об улучшении режима больных и его на этот раз поддерживает Эбер, а 25 брюмера он предлагает создание при Коммуне специальной комиссии по социальному обеспечению, ибо „лучшим способом консолидировать революционное правительство на прочной основе является почитать старость, несчастье и социальные добродетели“.

Эта последняя фраза исключительно характерна для Шометта, который, как типичный мелкий буржуа, приписывал огромное и притом самодовлеющее значение тому, что он называл „добрыми правами“. Вот почему он в заседании Коммуны 1-го октября выступает со специальной речью по этому вопросу, а 4 октября Коммуна, по его предложению, принимает следующее любопытное постановление:

«Заслушав доклад прокурора Коммуны, указавшего, что великие принципы революции и свободы могут быть базированы лишь на основе общественных нравов, в силу чего крайне необходимо положить предел быстрым и угрожающим успехам разврат,—

„Генеральный Совет, разделяя изложенные в докладе принципы и с прискорбием видя, что некоторые кварталы Парижа до такой степени заражены развратом, что честной матери нельзя даже пройти по ним вместе с дочерью; что отец-республиканец постоянно опасается за целомудрие своего сына, когда тот принужден проходить по этим кварталам, где наглый порок подстерегает юношей, нанадает на них и совращает их с пути доб-

родители, начавшей было укрепляться в их сердцах; тревожа за судьбы Республики среди всех соблазнов, подготавливаемых этими негодьями, которые наводняют улицы и площади Парижа картинами, книгами и статуэтками, где священные изображения свободы перемешиваются с кучей непристойностей, рисуя пороки и разные неприличные сцены; считая своим долгом бороться против постоянных попыток этих людей, старающихся внести разврат в сердце человека и являющихся самым твердым оплотом роялизма и аристократии, которые все время умножают пути разврата, так как знают, что развращенный народ, лишённый энергии, непреклонной воли, мужества и силы, не может сохранить за собой свободы; принимая кроме того во внимание, что если Генеральный Совет не примется немедленно к работе по укреплению общественной нравственности, являющейся главной основой республиканского строя, то он несет эту ответственность перед потомством, по отношению к которому теперешнее поколение обязано употребить все усилия с целью уничтожения остатков испорченности, возникшей вследствие монархического строя и четырнадцати веков рабства и разврата.

«Принимая, наконец, во внимание, что необходимо очистить атмосферу свободы от пагубного дыхания разврата, наносящего Республике больший вред, чем золото, интриги и войска все деспотов,—

„Генеральный Совет постановляет:

„1. Всем девушкам и женщинам, ведущим дурной образ жизни, запрещается появляться на улицах, площадях и гуляниях и побуждать к разврату и распущенности под страхом ареста и предания суду исправительной полиции в качестве нарушительниц общественной нравственности и порядка.

„2. Всем торговцам книгами, картинами, гравюрами и статуэтками запрещается иметь в продаже неприличные, нарушающие требования нравственности, изображения, под страхом конфискации и уничтожения указанных предметов.

„3. Полицейским комиссарам вменяется в обязанность возложить на их личной ответственностью совершать частые обходы кварталов, зараженных развратом.

„4. Патрулям поручается задерживать всех девушек и женщин дурного образа жизни, если таковые будут пытаться склонить кого-либо к разврату.

„5. Главнокомандующий национальной гвардией будет включать настоящее постановление в течение недельного срока отдаваемые им приказы и вывесит его во всех кордегардиях.

„Генеральный Совет предписывает отпечатать и расклеить настоящее постановление, а равно разослать его всем комитетам и общим собраниям секций.

„Генеральный Совет призывает к себе на помощь для исполнения и проведения в жизнь своего постановления всех республиканцев, стремящихся водворить строгую нравственность всех отцов и матерей, все установленные власти, а также воспитателей юношества, как лиц призванных совместно охранять нравы юных граждан, которые являются упованием всего общества. Совет призывает стариков, в качестве наставников молодежи, следить за тем, чтобы в их присутствии не нарушали

требования нравственного поведения; он предлагает им обращаться за помощью к полицейским комиссарам и другим установленным властям, обязанным следить за выполнением этого постановления всякий раз, когда они сочтут это необходимым.

„Генеральный Совет предписывает вооруженным силам Парижа оказывать неукоснительную поддержку исполнению этого постановления, даже если соответствующее требование будет исходить от какого-либо частного гражданина“. ¹⁾

Однако, борясь таким образом с проституцией мерами чисто полицейского характера, Шометт наряду с этим понимал необходимость и иных, профилактических мер. Доказательством этого может служить следующий отрывок из отчета о заседании Парижской Коммуны 16 вандемьера:

«Прокурор Коммуны сообщает, что постановление Совета нравов получает уже частичное осуществление. Однако, говорит он, есть еще женщины, продолжающие привлекать граждан из окон домов. Он считает, что их следовало бы поместить в национальные дома и сделать полезными для общества.

«Генеральный Совет принимает предложение прокурора Коммуны и постановляет, что администрации общественных работ будет поручено сделать доклад о способах использования этих женщин“ (Разрядка наша. Я. З).

Рассылая по секциям постановление Коммуны от 14 вандемьера, Шометт сопроводил его нижеследующим циркулярным письмом к полицейским комиссарам 48 секций:

„При сем препровождаю вам, гражданин, экземпляр постановления Генерального Совета Коммуны от 4 октября касательно общественных нравов. Я думаю, что вам будет достаточно прочесть это постановление, чтобы понять, с какой строгостью вы должны будете бороться за его полное и повсеместное исполнение. Ни в коем случае не допустимо, чтобы порок мог в той или иной форме ускользнуть из под вашего надзора и поэтому вы должны быть заранее готовыми к тому, что он изыщет массу разных способов обмануть вашу бдительность и обойти ваши мероприятия. Уже сейчас многие торговцы прячут свои непристойные картины и книги, под другими, более приличными, и продолжают таким образом свою гнусную торговлю. Но вы не должны ни на одну минуту отступать от текста постановления и тогда все старания преступления окажутся тщетными. Ваш строгий надзор должен стать источником вечного страха для этих чудовищ, позора их пола и бича общества. Очистив улицы от этой общественной чумы, постарайтесь очистить равным образом и дома, в которых вы заметите наличие каких либо следов этого яда. Вам поручено искоренение этого зла и вы должны коснуться вплоть до его самых корней раскаленным железом, врученным вам законом и человечеством. Это дает вам право на общественную благодарность, являющуюся высшей наградой для добродетельного человека“ ²⁾

¹⁾ „Монитор“ т. XVIII, стр. 41—42. Пользуемся переводом, содержащемся в хрестоматии под ред. П. М. Лукина—„Революционное правительство в эпоху Конвента“.

²⁾ „Монитор“, т. XVIII, стр. 137.

Несравненно важнее, однако, чем все эти меры сравнительно узкого и, главное паллиативного характера (ибо ведь в речь шла не об устранении и причин нищеты и прочих социальных зол, а лишь об ослаблении их последствий) была мера, предложенная Шометтом в заседании 2 брюма (23 октября)—„передача республиканцам земель, принадлежащих в настоящее время врагам общественного дела“. Как ни кратка и туманна эта формула, мы все основания предполагать, что Шометт имел под нею в виду то самое, что было впоследствии осуществлено или, вернее, осуществлено, а только декретировано—робеспьеристами в знаменитых и столь прославляемых Альбером Матьезом вандемских законах. Таким образом, наряду со своими узкими предложениями в духе того, что мы называем теперь социальным обеспечением, Шометт поздней осенью 1793 г. имел в виду несравненно более глубокую и широкую социальную реформу, корень которой этой его тенденции следует, само собой разумеется, искать как в его собственной классовой природе, так и в той политической линии, которая была усвоена им начиная с сентября 1793 г.

Совершенно то же самое следует сказать и об отношении Шометта к закону о максимуме. Мы знаем, что издание этого закона составляло основное требование, выдвигавшееся тогда рабочей и ремесленной беднотой уже с самого начала 1793 г. и совершенно очевидно, что поскольку Шометт и его единомышленники решили в сентябре того же года возглавить, в целях спасения революции, движение этой бедноты, они должны были обратить особое внимание на строжайшее соблюдение закона 29 сентября. Именно этим и объясняется следующее чрезвычайно любопытное выступление Шометта в заседании Парижской Коммуны 23 вандемьера (14 октября):

„Применение закона,—начал свою речь Шометт,—который фиксирует цены на продукты и товары первой необходимости встречает ряд затруднений. Жадность некоторых торговцев, в частности спекулянтов все еще находят себе сторонников. Некоторые из торговцев Парижа хотели обойти закон и утверждали, что он к ним не относится; другие указывали на ошибки и упущения, вкравшиеся в ту таблицу твердых цен, которая была составлена муниципалитетом на основании закона. Но эта таблица была издана в слишком короткий срок и, конечно, не могла быть безукоризненной; наконец, некоторые торговцы разделили свои товары между своими друзьями и родственниками, когда к ним приходит кто-нибудь, то они говорят, что у них нет товара.

„Я не говорю о розничных торговцах; я буду нападать только на оптовиков, банкиров и членов торговых компаний этих кровопийц народа, постоянно строящих свое счастье на бедствиях. Вы помните, что в 1789 г. и в следующих годах эти люди вели очень крупную торговлю, но с кем?—С заграницей. Известно, что именно они вызвали падение курса ассигнатов и нажили крупные состояния при помощи ажиотажа бумажных деньгах.

„Что же они сделали после этого, чтобы пополнить это состояние? Они прекратили торговлю и стали угрожать наро-

тсутствием товаров; но если у них есть золото и ассигнаты, то у Республики есть нечто большее: у нее есть рабочие руки. А ведь именно рабочие руки, и вовсе не золото, приводят в движение фабрики и мануфактуры. Ну, если они бросят фабрики, то Республика возьмет их и реквизирует сырье. Пусть они знают, что Республика может всегда, по единому мановению, превратить в пепел и грязь то золото и ассигнаты, которые они держат в своих руках. Пусть народ—великан уничтожит все торгашеские спекуляции!..

„Генеральный Совет составлен из людей, вышедших из народной среды и законодатель тоже часть народа. Он установил цены на товары и мы будем поддерживать этот спасительный закон; ведь он не то, что закон о военном положении, он весь в пользу народа и весь—против его пиявок. Пусть наши головы падут под мечом убийц, лишь бы наши потомки могли написать на наших пожелтевших черепах: Пример, достойный подражания.

„Наши враги будут стараться поставить народ в необходимость потребовать отмены этого благодетельного закона, но им это не удастся. Потерпите немного, и все усилия наших врагов окажутся тщетными. А вы, члены Совета, поклявшиеся никогда не отделять себя от интересов народа, будьте глухи к требованиям его пиявок и заставьте исполнять закон о максимуме во всей его полноте“¹⁾.

В заключение этой речи Шометт предложил Коммуне следующие мероприятия, которые были ей тут же одобрены:

„1. Чтобы Генеральный Совет отказался выслушивать какие бы то не было речи или предложения, направленные к требованию отмены закона о таксации предметов первой необходимости.

„2. Чтобы была избрана комиссия для выяснения всех типографских и арифметических ошибок, вкравшихся в составленную таблицу цен на товары.

„3. Чтобы этой же самой комиссии было поручено составить петицию к Национальному Конвенту, ходатайствующую об обращении его внимания на сырье и фабрикаты. Предметы эти должны быть реквизированы и должен быть установлен закон, карающий держателей товаров или владельцев фабрик за оставление таковых в бездействии и даже предписывающий передачу их в распоряжение Республики, которая обладает достаточным количеством рабочих рук, чтобы пустить их в ход“.

Такова выставленная Шометтом осенью 1793 г. социально-экономическая программа и поскольку проведение ее означало бы несомненный удар по всем имущим классам Франции, само собой разумеется, что оно было возможно только при условии значительного усиления уже действовавшей тогда террористической системы и, главное, обращения ее целиком против крупной буржуазии. И нужно сказать, что Шометт это повидимому прекрасно сознавал и поэтому далеко не случайным представляется нам то обстоятельство, что одновременно с изложением

¹⁾ Jaurès „Histoire Socialiste de la Révolution Française,“ изд. Матьева. т. VIII, стр. 271—272; „Монитор“ т. XVIII, стр. 121. Пользуемся частично переводом, содержащимся в хрестоматии под ред. Н. М. Лукина—„Революционное правительство в эпоху Конвента“.

своей социально-экономической программы, он настаивал на усилении и углублении террора.

Наиболее типичным образцом этих террористических устремлений Шометта может служить представленный им 19 января Парижской Коммуне «список признаков, по которым можно узнать подозрительных людей и на основании которых следует отказывать в выдаче свидетельств о благонадежности». Вот что этот список гласил:

«1. Те, кто, находясь на собраниях народа, ослабляют его энергию посредством наглых речей, гневных возгласов или угроз».

«2. Те, кто, будучи более осторожными, таинственно говорят о несчастьях республики, скорбят о судьбе народа, и когда готовы распространять с деланной скорбью плохие известия».

«3. Те, кто, соответственно событиям, меняют свое поведение и свои речи; те, кто, умалчивая о преступлениях роялистов и федералистов, яростно нападают на малейшие ошибки патриотов; те, кто для того, чтобы, казаться республиканцами, напускают на себя рассчитанные строгость и неподкупность, но в то же время уступают, как только дело идет об умеренном или адекватном стократе».

«4. Те, кто жалеют жадных фермеров и торговцев, в отношении которых закон вынужден принимать строгие меры».

«5. Те, кто, со словами свобода, республика и отечество в устах, посещают бывших дворян, контр-революционных священников, аристократов, фельянов, умеренных, и интересуются их судьбой».

«6. Те, кто не принимали активного участия во всем том, что интересует революцию и в свое оправдание ссылаются на уплату налогов и патриотических даров, службу в национальной гвардии посредством заместительства или иным путем и т. д.»

«7. Те, кто с равнодушием встретили республиканскую конституцию и выражали ложную тревогу о возможности ее осуществления и ее деятельности».

«8. Те, кто ничего не сделали против свободы, и те, кто сделали также ничего и для нее».

«9. Те, кто не посещают собраний своих секций и ссылаются в свое оправдание на то, что они не умеют говорить и что им препятствуют их дела».

«10. Те, кто с презрением говорят об установленных властях, об эмблемах закона, о народных обществах и о защитниках свободы».

«11. Те, кто в свое время подписали контр-революционные петиции или посещали анти-гражданские общества или клубы».

«12. Странники Лафайета и убийцы Марсова поля» (Кувшинев наш. Я. З.)

Если этот список может быть рассматриваем в качестве программы-максимум террористических устремлений Шометта, то наряду с ним он не брезгал проведением и более скромных мероприятий в том же самом направлении. Так, в заседании Коммуны 26 сентября он проводит постановление о запрещении свиданий и переписки без предварительной полицейской цензуры всем гражданам, содержащимся в тюрьмах в качестве под-

рительных, а на следующий день он предлагает создание специальной комиссии, коей будет поручен прием сообщений революционных комитетов как о подозрительных, так и о всех прочих гражданах. 24 вандемьера Шометт требует изгнания контрреволюционеров из всех административных учреждений; 1 брюмера он настаивает на разоружении всех подозрительных; 11 брюмера он добивается того, что все граждане, находящиеся на улице после 11 час. вечера, будут обязаны представлять свои удостоверения о благонадёжности. Еще важнее мера, предложенная Шометтом в заседании Коммуны 21 брюмера и которую отчет об этом заседании передает в следующих выражениях:

«Прокурор Коммуны замечает, что много людей покинули Париж, где бы им не удалось уклониться от его бдительности, и отправившись в деревни, в коих они проповедают модерантизм и контрреволюционные принципы. Он добавляет, что в число их входят главным образом богатые собственники и юристы.

„По его предложению, Совет постановляет, что Национальный Конвент будет приглашен декретировать, что все покинувшие Париж будут обязаны в него возвратиться с тем, что в противном случае их имущества будут объявлены национальной собственностью» (Курсив наш. Я. З.)

Одновременно с этими практическими мероприятиями, Шометт, в связи с процессом жирондистов, произносит 7 брюмера речь в якобинском клубе, в которой требует упрощения судебной процедуры Революционного Трибунала. Этот трибунал, говорит Шометт, «превратился в самый обыкновенный суд; он судит заговорщиков также, как судят карманных воришек. А между тем необходимо понять разницу, существующую между этими двумя людьми. Первый попрал ногами законы своей родины, а равно и законы природы и человечества; второй же, наоборот, виновный лишь в незначительном преступлении, а может быть и совершенно невинный, должен пройти через целый ряд формальностей перед тем, как закон приговорит его к наказанию, которого он, может быть, вовсе и не заслужил... Я предлагаю, чтобы общество избрало депутацию, которая отправится в Конвент просить его об освобождении Революционного Трибунала от всех излишних процедур при рассмотрении подсудных ему преступлений»¹⁾.

Такова террористическая программа, выдвинутая Шометтом поздней осенью 1793 г. и как показывают подчеркнутые нами фразы из его выступлений этого времени, программа эта была направлена против крупной буржуазии отнюдь не в меньшей степени, чем против бывших привилегированных сословий. Поскольку же, не говоря уже о крупно-буржуазных жирондистах, и стоявшая в то время у власти партия монтаньяров, насчитывала в своих рядах довольно значительное число защитников интересов «новой» крупной буржуазии, само собой понятно, что эта программа Шометта должна была вызвать в ее среде отнюдь не меньшие возражения, чем и его экономические и социальные требования этого времени. Следствием этого явилась

¹⁾ „Монитор“, т. XVIII, стр. 295-296.

начавшаяся с поздней осени 1793 г. борьба Шометта с дантистами и поддерживавшими их робеспьеристами, пришедшая в конце концов к гибели под ножом гильотины. К концу этой борьбы мы сейчас и обратимся.

Г Л А В А V.

Конец Шометта

Каково было отношение к политике Шометта со стороны более правых течений монтаньярской части, т.е. дантонистов робеспьеристов?

Что касается дантонистов, то их позиция в отношении вых монтаньяров была проста и ясна. Если еще и раньше интересы тех низов мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции, политическими представителями которых являлись Шометт и Эбер, были весьма далеки от интересов той верхушки мелкой буржуазии, которая в процессе революции стремилась перерасти в «новую» крупную буржуазию, то с того момента, как левые монтаньяры в сентябре 1793 г. решили из тактических соображений возглавить широкое движение рабочих и ремесленных масс, они должны были тем самым неизбежно оказаться прямыми классовыми врагами дантонистов. Нет нужды доказывать, что социальная программа Шометта означала нечто иное, как препятствие самому процессу создания новой буржуазии, а террористические устремления левых монтаньяров составляли прямую угрозу не только для благосостояния, но и самой жизни политической клиентелы дантонистов в лице личных разбогатевших подрядчиков, поставщиков, банкиров и т. п. Поэтому неудивительно, что уже с сентября 1793 г. между дантонистами и левыми монтаньярами начинается борьба не за жизнь, а за смерть и этой общей картины не могут, конечно, изменить отдельные случайные и временные блоки между ними, как, например, тот, который мы видели выше по вопросу о деэристианизации.

Гораздо сложнее и двойственное было отношение к левым монтаньярам со стороны робеспьеристов. Не говоря уже о том, что между левыми монтаньярами и робеспьеристами имелось промежуточное звено в виде так называемого «левого центра», т.е. группы Билло-Варенна и Колло д'Эрбуа, которое являлось как бы связующим мостиком между Робеспьером и Шометтом — полному разрыву осенью 1793 г. между левыми монтаньярами и робеспьеристами мешало и то, что эти последние понимали, что разорвав с Шометтом и Эбером, им волей неволей придется вступить в блок с Дантоном, Шабо и Базиром, что в это время отнюдь не могло входить в их намерения. Хотя тот крутой поворот налево, который был совершен монтаньярской партией в сентябре 1793 г., благодаря их классовой сущности дался левым монтаньярам несравненно более легко, чем робеспьеристам, однако и эти последние понимали, что этот поворот — единственный способ спасти революцию от угрозы ее объединения

внешних и внутренних врагов. Но союз робеспьеристов с дантонистами неизбежно означал бы тем самым ликвидацию всего сентябрьского поворота монтаньярской партии и именно поэтому этот союз осенью 1793 г. был для робеспьеристов совершенно исключен.

Но если таким образом в силу только что изложенных соображений робеспьеристы в октябре-ноябре 1793 г. были вообще не склонны окончательно рвать с левыми монтаньярами, то из этого еще вовсе не следует, что их должна была приводить в восторг политика Шометта, Эбера и Парижской Коммуны. Напротив того, в политике левых монтаньяров имелся целый ряд очень существенных моментов, которые должны были сильно раздражать робеспьеристов и моменты эти могут быть вкратце сведены к следующему:

1) По своей классовой природе представляемое робеспьеристами крепкое ядро мелкой буржуазии должно было гораздо больше симпатизировать верхушке мелкой буржуазии, нежели ее низам. Поскольку же левые монтаньяры не только представляли интересы этих низов, но и возглавляли, начиная с сентября 1793 г. движение лишенных своих прежних вождей—«бешеных»—широких рабочих масс, ясно, что робеспьеристы не могли не чувствовать в их отношении вполне понятных опасений и не могли не коситься на черезчур радикальную, с их точки зрения, социальную программу Шометта.

2) Если робеспьеристы, вынужденные обстоятельствами, и пошли на широкое применение террористической системы, то они все же не хотели заводить ее так далеко, как этого требовали Эбер и Шометт и хорошо известно, как часто Робеспьер и Сен-Жюст одергивали зашедших по их мнению слишком далеко по пути террора конвентских комиссаров. Впрочем, следует иметь в виду, что примиряющее действие группы Билло-Варенна и Колло д'Эрбуа на отношении робеспьеристов к левым монтаньярам сказывалось сильнее всего именно на вопросе о терроре и поэтому этот момент играл в общем и целом несравненно менее важную роль, чем предыдущий.

3) Робеспьеристы, ревниво оберегавшие за Национальным Конвентом и его комитетами всю полноту власти, не могли не опасаться слишком большого значения, которое левые монтаньяры стремились придать таким находившимся под их преобладающим влиянием часто парижским органам, как Коммуна и секции. В частности, когда парижские секции, обходя декрет 6 сентября, ограничивший их заседания двумя днями в неделю, организовали взамен своих общих собраний так называемые секционные общества, объединившиеся в специальном центральном комитете,—затем эта была встреча с робеспьеристами чрезвычайно враждебно.

4) Робеспьеристы, отличавшиеся столь типичной для мелких буржуа национальной ограниченностью, решительно не сочувствовали стремлениям многих представителей лево-монтаньярской радикальной интеллигенции (Анахарзис Клоотц, Эбер) перенести революцию за пределы Франции и не одобряли их тесных связей с проживавшими во Франции иностранными эмигрантами.

5. Если, как мы видели выше, робеспьеристы до поры времени не проявляли своего крайне неприязненного отношения к дехристианизации, то это однако отнюдь не мешало их большинству быть решительными противниками таковой. В частности Робеспьер, не говоря уже о том, что он придавал огромное значение социальным функциям религии, опасался, преследование католицизма оттолкнет от поддержки революции широкие массы доколе сочувствовавшего ей, хотя и религиозно настроенного, французского и иностранного крестьянства.

Таковы основные причины, заставлявшие робеспьеристов осенью 1793 г. смотреть на своих соседей слева столь же враждебно, как и на соседей справа и делавшие поэтому их прочный союз с левыми монтаньярами столь же невозможным, как и союз с дантонистами. Естественным результатом этого была столь характерная для робеспьеристской политики осени и зимы 1793 г. тактика колебаний между дантонистами и левыми монтаньярами и тактика эта, как известно, наложила ярчайший отпечаток весь ход классовой борьбы этого времени.

Однако, хотя таким образом усвоенная робеспьеристами осенью 1793 г. генеральная линия может быть охарактеризована как стремление к занятию золотой середины между дантонистами и левыми монтаньярами, в сентябре-октябре 1793 г. робеспьеристы все же стояли несколько ближе к этим последним, чем к их противникам, что без всякого сомнения объясняется их опасением пойти на разрыв с теми самыми массами, перед которыми они только что (4—5 сентября) капитулировали. Именно по этим объясняется то обстоятельство, что в это время главный огонь робеспьеристов был направлен направо и мы уже знаем, что результатом этого было стремление дантонистов доказать свою левизну присоединением к дехристианизаторской политике Шометта и Эбера. Когда же очень скоро выяснилось, что эта диверсия дантонистов не достигла той цели, к которой они стремились, они не только круто меняют свой фронт в религиозном вопросе ¹⁾, но и переходят в наступление и добиваются принятия Конвентом ²⁾ 8-го брюмера постановления о том, что один депутат не может быть арестован без того, чтобы Конвент его предварительно не выслушал. Однако, этот декрет, означавший явную уступку депутатам-дантонистам, многие из коих были к этому времени заподозрены в грязных коммерческих махинациях, вызвал в заседании якобинского клуба следующего дня такое негодование как левых монтаньяров, так равно и робеспьеристов, что Конвент уже 22 брюмера поторопился отменить свое опровергательное постановление 20-го числа.

Однако, это наметившееся таким образом в начале двадцатых чисел брюмера сближение между робеспьеристами и левыми монтаньярами, было прервано сделанным 27 брюмера сначала Робеспьеру, а затем Комитету Общей Безопасности дантонистом Шабо доносом. В этом доносе Шабо рассказывал о заговоре, связанном с делами закрытой индийской компании участниками которого были по его словам как некоторые дан-

¹⁾ Подробнее об этом см. нашу работу „Французская революция и ее роль“ т. I.

исты (Делонэ и Жюльен из Тулузы), так и левые монтаньяры Эбер, Шометт, Паш, Проли, Перейра, Дюбюиссон, Дефье и другие¹⁾. Как выяснилось впоследствии, донос этот был сделан Шабо исключительно с целью реабилитации своей не без основания испорченной репутации, причем если указанные (а также некоторые им не указанные) дантонисты были действительно виновны во взяточничестве, то названные Шабо левые монтаньяры были тут ровно ни при чем. Однако, Робеспьер в тот момент принял на веру все то, о чем рассказал ему Шабо и результатом этого был его крутой поворот в отношении Эбера, Шометта и их единомышленников.

Но решив таким образом обратиться против левых монтаньяров, робеспьеристы не посмели обрушиться на их социально-экономическую политику, ибо это значило бы тем самым восстановить против себя широкие массы. Напротив того, поскольку робеспьеристы имели к этому времени веские основания полагать, что дехристианизаторская политика левых монтаньяров не только не поддерживается рабочими и крестьянскими массами, но и прямо непонятна таковым²⁾ робеспьеристы решили обрушиться именно на это наиболее слабое звено политики своих противников слева.

27 брюмера, т. е. в самый день доноса Шабо, Робеспьер выступил в Национальном Конвенте от имени Комитета Общественного Спасения с докладом о политическом положении Республики. В докладе этом Робеспьер между прочим утверждал, что внешние враги Республики содержат во Франции значительное количество платных агентов, которые провоцируют народ на необдуманные действия, могущие только ухудшить как внутреннее, так и международное положение Республики. При этом Робеспьер совершенно недвусмысленно намекал, что к числу таких действий он относит все дехристианизаторское движение, могущее лишить французскую революцию поддержки религиозно настроенных масс как самой Франции, так и заграничьи.

Если доклад Робеспьера от 27 брюмера содержал еще только намеки, хотя и более, чем прозрачные, то уже через три дня после этого—1 фримера (21 ноября)—он произносит в якобинском клубе специально посвященную религиозному вопросу речь, в которой прямо ставит точки над *i*. Поводом произнесения этой речи было предшествовавшее ей выступление друга и единомышленника Шометта-Моморо, в котором тот доказывал существование направленного против левых монтаньяров (и в частности—против Шометта) аристократического заговора и утверждал, что главным врагом революции являются священники.³⁾

Вот против этого то положения Моморо и выступил Робеспьер, доказывавший, что религиозный фанатизм уже побежден и что дальнейшее продолжение дехристианизации может быть

¹⁾ См об этом книги А. Матьеа: „Un procès de corruption sous la Terreur, La corruption parlementaire sous la Terreur“, La Conspiration de l' Etranger“ и др.

²⁾ Подробнее об этом см. нашу работу „Французская революция и церковь“, т. I.

³⁾ „Монитор“, т. XVIII, стр. 507.

в интересах одних только врагов Республики. «Разве вы видите,—воскликнул, обращаясь к якобинцам, Робеспьер,—ту вешалку, которую расставляют нам враги Республики и под приспешниками иностранных тиранов? Выдавая крайности отдельных лиц и их экстравагантности за наши общие убеждения, хотели сделать нас ненавистными для всех народов и этим употребить колеблющиеся троны тех негодяев, которые их угнетают. Негодяи хотят оправдать все клеветнические выпады, бесстыдство которых признано всей Европой; при помощи религиозных убеждений и предрассудков они пытаются оттолкнуть от тех, кто из-за чувства морали и сознания общности интересов присоединились к той святой и возвышенной цели, которую защищаем. Повторяю: нам нечего бояться иного фанатизма, крайнего фанатизма этих безнравственных лиц, подкупленных иностранными дворами для того, чтобы пробудить фанатизм и придать нашей революции налет той безнравственности, которая свойственна для наших подлых и жестоких врагов»¹⁾.

После этого выступления, Робеспьер обещал напрямик назвать тех, кого он считал агентами иностранных держав, в качестве таковых перечислил Дюбуиссона, Перейру, Дефье, Проли, т. е. группу людей, находившихся в ближайшем окружении Эбера и Шометта. Не удовлетворившись при этом требованием исключения из якобинского клуба входивших в его состав Дюбуиссона, Дефье и Перейры, Робеспьер предложил сверх того устроить генеральную чистку этого клуба, чтобы таким путем «узнать и исключить всех агентов иностранных держав, прошедших по их распоряжению в состав клуба»²⁾, и все эти предложения были приняты якобинцами без всяких дальнейших прений.

Однако, нападая на ближайшее окружение Эбера и Шометта, Робеспьер в этот момент отнюдь не имел в виду задевать непосредственно их самих, ибо он, надо думать, понимал, такое поведение поставило бы его в слишком большую зависимость от дантонистов. Свое выступление против левых монтаньяров Робеспьер рассматривал, видимо, лишь как решительное предупреждение по их адресу, но отнюдь не настоящее объявление войны. Поэтому он в своей речи 1-го фримера не только задел лично вождей левых монтаньяров, но и заявил, что слухи о его враждебных намерениях против Эбера, Шометта, Папа, Моморо и других (об этих слухах в начале заседания ворила Эбер и Моморо) вымышлены контр-революционерами³⁾.

Какую же позицию заняли левые монтаньяры в ответ речи Робеспьера от 27 брюмера и 1-го фримера? Позиция эта может быть резюмирована тем, что они сделали хорошую мишуру при плохой игре. Не решаясь на открытый бой с робеспьерцами, которых в этом случае конечно поддерживали бы дантонисты, вожди левых монтаньяров сделали вид, что затронутые Робеспьером Дюбуиссон, Дефье, Перейра и т. д. не только к ним никакого отношения не имеют, но и являются даже их противниками

1) Там-же, стр. 507—508.

2) Там-же, стр. 509.

3) Там-же, стр. 509.

4) Там-же, стр. 508—509.

Более того, воспользовавшись поддержкой, которую в заседании якобинского клуба 1 фримера Робеспьер, как мы только что видели, оказал Эберу и Моморо, они решили использовать ее против дантонистов и с этой целью, по меткому выражению Матьеза, «укрылись под эгидой Робеспьера, который защитил их, но вместе с тем унизил и дискредитировал их политику»¹⁾

Именно таков был смысл произнесенной Шометтом в заседании Парижской Коммуны 2 фримера следующей речи:

„Вы вероятно знаете, что произошло в Комитете Общей Безопасности и в якобинском клубе касательно парижского мэра Паша. Я. Э.), Эбера и меня. Вы знаете, что эхо Лондона, эхо держав коалиции, дошло до слуха парижских патриотов. Четыре дня тому назад парижскому мэру говорили, что в Комитет Общей Безопасности поступил донос на Эбера и на меня, как на участников затаенного Англией заговора; Эберу говорили, что речь идет о Паше и обо мне, а мне сообщали, что донос касается только Паша и Эбера. Вот уже четыре или пять дней, как длятся эти махинации и как злонамеренные люди распространяют по Парижу эти ложные слухи. В одном сделанном Конвенту докладе мельсась действительно фраза, которая могла подать повод думать, что в распускаемых слухах имеется какое-то зерно истины, но нам, в конце концов, удалось узнать, откуда направлен удар. Вы сейчас узнаете, каков этот заговор, и вы сможете судить, кто действительно виновен—мы или наши враги.

«Этот заговор против Парижской Коммуны содержится в наменитом доносе Шабо и Базира. Но Комитет Общей Безопасности, ознакомившись с фактами, отдал нам справедливость. Часть людей, составивших этот заговор против патриотов, уже арестована²⁾ и мы надеемся, что тоже самое случится вскоре и с остальными. Истина и справедливость видны всегда даже сквозь туманную оболочку лжи и они поэтому легко находят себе энергичных защитников. Нашим защитником оказался воодушевленный энергией патриотизма Робеспьер и якобинский клуб решил произвести общую чистку, исключив кроме того из своей среды Дюбюиссона, Дефье и Перейру.»

Выступивший вслед за Шометтом Эбер не только целиком его поддержал, но и начал с рядом обвинений на Шабо. «Удивительно ли,—говорил он,—что он донес на меня, который только раз выступал против него?»

Отрекшись таким образом от Дюбюиссона и других и используя поддержку Робеспьера для нового нападения на дантонистов, Эбер и Шометт в эти дни вместе с тем отнюдь не помышляли об отходе от своей социально-экономической и дехристианизаторской программы. Ярким доказательством этого служит история заседаний Парижской Коммуны 1 и 3 фримера.

В начале заседания 1 фримера, Коммуна, по предложению Шометта, приняла следующее постановление:

¹⁾ А. Матьез. „Французская революция“, т. III, стр. 115.

²⁾ Действительно, после доноса Шабо, Комитет Общей Безопасности наряду с арестом Дюбюиссона и Проли, распорядился также об аресте дантонистов Шабо, Базира, Делона и Жюльена из Тулузы. Последнему из них, впрочем, удалось скрыться.

«1. Подыскать помещение, пригодное для содержания имущих, немощных и стариков.

«2. Не позднее конца первой декады фримера все сек прищлют в секретариат списки всех немощных граждан и имущих стариков, дабы можно было немедленно ввести в ствие республиканские законы, гласящие, что французский род почитает несчастья и старость.

«3. Избранная для того комиссия представит доклад о собах, наиболее пригодных для того, чтобы доставить ш одежду и содержание вышепоименованным гражданам, а р и чтобы производительным образом использовать здоровых няков».

После этого был зачитан протокол о вскрытии раки с щами св. Женевьевы ¹⁾ и было решено сообщить таковой всем парижским секциям, так и римскому папе. Кроме Коммуна постановила, что «найденные в этом ящике кости отрепья буду немедленно сожжены на Гревской площади, чт искупить таким образом преступление, заключающееся в то что они служили для поддержания заблуждений и увеков ния роскоши столь большого числа тунеядцев».

Несравненно важнее были, однако, постановления, приня Парижской Коммуной 3 фримера. Постановлениям этим пред ствовала речь Шометта, в которой он говорил:

«В Париже готовится новый заговор, новое выступле контр-революционеров. Вы предписали ликвидацию проститу и тем самым совершили великое благо для оздоровления в вов. Но знаете ли вы, что делают теперь публичные женщины Подогреваемые священниками, они отдались богомолью; фн тизм заменял у них разврат, и они посещают церкви и ве чаются в частных домах со священниками, чтобы готовить никновение гражданской войны.

«Священники способны на все возможные преступления для удовлетворения своей мстительности они пользуются я и если вы не примете против этого мер, то они совершат « деса». Они отравят самых пламенных патриотов, они подоя здание ратуши, они прибегнут к устройству взрывов, и при де пожаров они заявят, что это—дело небесного правосуд. Поэтому я требую, чтобы Совет заявил, что, по имеющиме него сведениям, парижский народ достаточно созрел для ства разума и что если в Париже возникнет какое-либо дви ние в пользу фанатизма, то будут арестованы все священни так как парижский народ заявил, что не признает никакого д того культа, кроме культа Разума».

После этого Коммуна тут же приняла следующее зна чательное постановление:

«Совет постановляет:

..1. Что все церкви и храмы всех религий и культов, и ществовавших в Париже, будут немедленно закрыты.

.. 2. Что все священники и служители всех культов не персональную и индивидуальную ответственность за все вол ния, которые возникнут на почве религиозных убеждений.

¹⁾ Об этом вскрытии см. нашу книгу „Французская революция и ковья“, т. 1.

«3. Что всякий, кто потребует открыть храм или церковь, будет арестован, как подозрительный.

„4. Что революционным комитетам предлагается неукоснительно следить за всеми священниками.

„ 5. Что будет составлена петиция к Конвенту с просьбой издать декрет, запрещающий священникам занимать какие-либо общественные должности или работать в области производства оружия, а равно и заниматься какой бы то ни было работой“.

Таково постановление Парижской Коммуны от 3 фримера, которое должно быть с полным основанием названо одним из важнейших этапов всего дехристианизаторского движения 1793 г. Но если до сих пор все антихристианские мероприятия, принимавшиеся как Парижской Коммуной, так и конвентскими комиссарами в провинции, проводились под флагом движения снизу, то на этот раз эта маска была отброшена и Коммуна непосредственно сверху предписывала ни более, ни менее, как закрытие всех церквей и арест в качестве подозрительных всех граждан, осмеливающихся потребовать их открытия. А то обстоятельство, что постановление 3 фримера было принято уже после возных предостережений Робеспьера от 27 брюмера и 1 фримера показывает, насколько Шометт и его единомышленники переоценивали в этот момент как нежелание робеспьеристов повернуть направо, так вместе с тем и значение того маневра, который был проделан ими самими в непосредственно предшествовавшие этому дни.

Однако, разочарование Шометта в его надеждах на Робеспьера наступило уже чрезвычайно скоро. Мы, к сожалению, не знаем наверняка его причин и можем лишь предполагать, что решающую роль сыграло при этом то явное сближение между робеспьеристами и дантонистами, которое столь ярко проявилось в эти дни и причиной которого был все тот же религиозный вопрос ¹⁾. Факт лишь тот, что уже через два дня после постановления Коммуны 3 фримера, Шометт, а вместе с ним и вся Коммуна, вдруг поворачивают оглобли и решительно бьют отбой. Докладательством этого может служить следующий отрывок из отчета заседания Парижской Коммуны 5 фримера:

«В своем заседании 3 фримера, Генеральный Совет принял постановление о культах. В этом постановлении, между прочим, имелся следующий пункт: „Будет составлена петиция к Конвенту с просьбой издать декрет, запрещающий священникам занимать какие-либо общественные должности или работать в области производства оружия, и равно и заниматься какой бы то ни было работой“.

„В настоящем заседании прокурор Коммуны решительно выступает против этого пункта. Он замечает, что права человека были бы нарушены, если бы какому-либо человеку было запрещено работать для доставления себе средств существования. Священник,—добавляет он,—который в течение ряда лет проповедывал заблуждения и обман, очищается, обращаясь к полезной для общества работе. По такому праву можно приговари-

¹⁾ См. там-же.

вать бывшего священника к голодной смерти? Почему он может шить сапоги или одежду или тесать камни? Я требую отмены соответствующей части постановления и внесения в протокол моего следующего заявления:

«Я прочел принятое Генеральным Советом постановление в котором ложно указывается, что оно принято по предложению прокурора Коммуны. Я никогда не мог предложить пунктов, держащихся в этом постановлении; я их осуждаю и требую отмены постановления в тех частях, которые способны разбудить и усилить фанатизм, а равно и тех, которые препятствуют священникам зарабатывать себе на жизнь посредством какой-нибудь работы. Ш о м е т т.

„Совет дезавуирует ту часть ст. 5 его постановления 3 фримера, в которой содержатся слова „заниматься какой-то ни было работой“. Совет заявляет, что он никогда не имел в виду лишать возможности зарабатывать себе на жизнь тех священников, которые стали бы заниматься каким-либо делом или профессией».

Отступление, начатое Шометтом 5 фримера, продолжалось затем и в следующие дни, принимая при этом все более прогрессирующий характер. Весьма вероятно, что в этом сыграла малую роль одобрительно встреченная робеспьеристами твердая речь против дехристианизации, произнесенная Дантоном в заседании Конвента 6 фримера. Так или иначе, но факт тот, 8 фримера Шометт произносит в Коммуне большую речь по религиозному вопросу, в которой он вполне сознательно поддается под многие положения, высказывавшиеся в эти дни Робеспьером и Дантоном. В этой речи Шометт между прочим говорил:

„Я лишь с сожалением буду говорить вам о религиозных взглядах и мнениях, ибо политические собрания не годятся для обсуждения подобных тем. Трибуна свободных людей не должна превращаться в кафедру метафизики. Но когда наши враги ловко используют против нас наши собственные силу и энергию; когда они стремятся превратить принимаемые нами меры в опасные крайности и с этой целью подогревают и подталкивают нас на неизвестный путь, далеко превосходящий ту цель, к которой мы стремимся,—мы обязаны быть настороже против их ловушек и противопоставить наш здравый смысл хитростям и нашим принципам—их злонамеренным преследованиям.

„Я уже представил Генеральному Совету свои соображения по поводу постановления, представляющегося мне ненужным, потому что оно предписывает меры, уже принятые самими гражданами и опасным, потому что оно способно лишь подогревать фанатизм и ожесточить подозрительные умы. Кроме того, постановление противоречит декларации прав человека и Конституции, торжественно провозгласившим свободу религиозных мнений...

....Пусть никто не смеет утверждать, что говорить подобным образом меня заставляют тактические соображения или слабость. Я прощаю полужнайкам и философам одного дня, утопив их бредового воображения и заблуждения, порождаем

нохо основанными убеждениями. По моему мнению, поскольку фанатизм есть болезнь ума, они являются еще большими фанатиками, чем те, против кого они выступают.

„...Я считаю, что Совет должен решительно отказаться от каких бы то ни было дискуссий, связанных с вопросами различных культов. Какое нам дело до того, является ли то или иное лицо теистом или атеистом, католиком или православным, альвинистом или протестантом? Верит ли оно в коран, в чудеса, оборотней, в фей или в приведения—все это нас несколько не касается. Пусть оно верит во все, что ему угодно; лишь бы та вера не была слишком буйной или шумной,—остальное не наше дело. Будем справляться не о том, посещает ли оно мессу, анагогу или протестантскую службу, а лишь является ли оно республиканцем. Не будем вмешиваться в его фантазии, а займемся лишь тем, чтобы обеспечить ему свободное отравление всех его прав и в том числе права фантазировать.

.. В силу изложенного, я предлагаю:

„ 1. Чтобы Совет постановил, что он не будет выслушивать каких бы то ни было предложений, петиций или речей, касающихся каких либо культов или метафизических и религиозных вопросов.

„ 2. Чтобы он заявил, что так как отправление культов является свободным, он никогда не предполагал и не предполагает препятствовать гражданам нанимать здания или оплачивать слушателей какого бы то ни было культа, лишь бы только его управление не было вредным для общества. Впрочем, Совет оставит уважать постановления секций, отказавшихся от католического культа и заявивших о признании ими одного только культа разума, свободы и республиканских добродетелей“.

Совершенно очевидно, что эта речь Шометта, не только сдержавшая отказ от всего того, о чем он еще так недавно говорил, но и чуть ли не дословно воспроизводившая все утверждения Робеспьера, не исключая и того, что дехристианизация является результатом провокации агентов иностранных держав,—не могла не вызвать среди членов Коммуны вполне понятного удивления, следы которого мы находим и в отчете о ее заседании 8 фримера. „Некоторые члены,—читаем мы в этом отчете,—просят слова для выступления против предложений Шометта. Они утверждают, что если принять его второй пункт, то церкви снова откроются и временно подавленный фанатизм возродится новой силой. Другой член добавляет, что этот пункт ослабил бы благотворный толчок, данный общественному духу теми секциями, которые заявили, что они отказываются от католического культа и признают отныне лишь культ истины, разума и здравой философии.

„Прокурор Коммуны—Этот пункт является неизбежным следствием декларации прав человека, которая гарантирует свободу религиозных мнений.

„Мэр.—Я предупреждаю, что призову к порядку всякого, кто осмелится критиковать какую бы то ни было статью декларации прав.

..Дискуссия продолжается. Некоторые члены настаивают на переходе к порядку дня, другие требуют отложения вопроса.

Большинство настаивает на голосовании предложения Шометта. Это последнее предложение получает большинство голосов и вслед за тем предложение Шометта принимается во всех его пунктах.

Чем же объяснить такое полное и решительное отступление Шометта, на первый взгляд столь же непонятное для историков, как и для тех единомышленников Шометта из состава Парижской Коммуны, которые, как мы только что видели, выступили против него в заседании 8 фримера? Было ли оно результатом простой паники и испуга при виде направленного против них коалиции монтаньяров союза между робеспьеристами и дантонистами? Или же вероятность заключения которого делалась в это время все более очевидной—или же может быть мы имеем здесь дело просто с какой-то военной хитростью, условием для осуществления которой являлась видимость отступления?

Да, дело обстояло именно так. Прекрасно учитывая ту громадную силу, которую должен был представлять уже наметившийся в эти дни блок дантонистов с робеспьеристами, Шометт решил повидимому попробовать противопоставить ему такую же силу, в виде Парижской Коммуны, опирающейся на 48 секций Парижа и их революционные комитеты. Но подготовка такого сближения между Коммуной и секциями требовала, само собой разумеется, некоторого времени, и поэтому весьма вероятно, что все отступление Шометта в религиозном вопросе было не случайным, как военной хитростью для выигрыша этого столь необходимого ему времени. Это объяснение представляется нам более вероятным, что иначе было бы чрезвычайно трудно объяснить наличие в цитированной уже речи Шометта от 8 фримера фразы о том, что его предложение отнюдь не имеет в виду роспуска Коммуны от поддержания тех парижских секций, которые приняты постановления в духе декретизации. В самом деле фразы эта, решительно противоречащая всей установке Шометтовской речи этого дня, может быть понята лишь в том случае, если мы предположим, что играя в отступление, Шометт боялся вместе с тем оттолкнуть от себя те наиболее революционные секции Парижа, которые были ему всего более необходимы для осуществления его плана, в силу чего он был вынужден пойти на это бросающееся в глаза противоречие.

Так или иначе, но этот ловкий тактический ход Шометта был им в значительной степени раскрыт в чрезвычайно тонкой и дипломатичной речи, произнесенной им в заседании Коммуны 11 фримера и поводом для которой послужили якобы произвольные действия, совершаемые революционными комитетами при аресте подозрительных. Начав эту речь с повторения того о чем он говорил уже 2 фримера, т. е. с утверждения о существовании направленного против Парижской Коммуны и ее вождей заговора, Шометт рассыпался затем в знаках уважения по отношению к Конвенту, Горы и членам правительственных комитетов „этих людей, которые, взявшись за руль управления, не пытались сделать себя объектом проклятий и поклялись, если не удастся привести корабль Республики в порт спасения, погибнуть вместе с ним“.

Но это вступление составляло ничто иное, как дымок заветы, и центр тяжести речи Шометта заключался не в

вазах, а в указании на необходимость сближения между Комитетом и секционными революционными комитетами. Эти комитеты, говорил Шометт, забыли, что „подобно тому, как Конвент является центром единства для всех частей республики, таким центром для них является Парижская Коммуна. Они забыли, что именно Коммуне обязаны они самым своим существованием: они забыли, что именно Коммуна выхлопотала у Конвента ту работную плату, которую они получают... Революционные комитеты должны быть созданы на какой-нибудь определенный день и... им должно быть заявлено: Вы существуете лишь благодаря народу и не должны от него отделяться. Революционные комитеты являются эманацией Коммуны и поэтому не следует, чтобы они от нее отделялись“.

Предложение Шометта было принято и Коммуна постановила созвать на 14 фримера представителей революционных комитетов, которые должны были явиться на ее заседание этого дня.

Но составленный Шометтом хитроумный план имел ту слабую сторону, что он недостаточно учитывал бдительность практических комитетов, сразу же раскусивших к чему клонится дело. Поэтому в тот же самый день 14 фримера, на который было назначено собрание в Коммуне, в Национальном Конвенте выступил Билло-Варенн, в мягких (нужно помнить, что он был вождем группы монтаньяров, занимавшей среднюю позицию между робеспьеристами и эбертистами), но вместе с тем твердых выражениях обрушившийся на постановление Парижской Коммуны 11 фримера. „Я должен,—говорил Билло-Варенн,—указать вам от имени Комитетов Общественного Спасения и Общей Безопасности, на постановление, принятое Генеральным Советом Парижской Коммуны по предложению ее прокурора. В силу этого постановления, Совет приглашает по десять представителей от каждого из революционных комитетов 48 секций явиться 14 фримера на его заседание, дабы обсудить меры, которые положить предел произволу, вытекающему из вверенных этим комитетам полномочий. Вы не можете допустить этого постановления, решительно противоречащих его закону 17 сентября, поручающему революционным комитетам производить аресты всех подозрительных под непосредственным наблюдением Комитета Общей Безопасности... Комитеты Общественного Спасения и Общей Безопасности, отдавая должное руководящему действиями Генерального Совета Коммуны духу и призывая, что прокурор Коммуны был введен в заблуждение, благодаря своей вполне естественной чувствительности, предлагают вам вместе с тем аннулировать предложение прокурора Коммуны и принятое на его основании постановление“.

Выступивший вслед за Билло-Варенном Барер поставил все точки над *i* гам, где предыдущий оратор ограничивался только намеками. „Недостаточно,—заявил он,—аннулировать предложение прокурора Коммуны и постановление этой последней. Нужно кроме того обратить еще внимание на один важный момент, в которого могут вытечь серьезные опасности. Постановление Коммуны имеет целью созвать по десять представителей от каждого революционного комитета. Ни в коем случае и ни под ка-

ким предложением, установленные власти не имеют права делаться центром этих комитетов. Конечно, административные меры должны в ведение генеральных советов коммун и в этом смысле революционные комитеты не могут быть от них изолированы. Но революционные меры могут легко превратиться в контр-революционные, если руководить ими будет какая-либо частная власть, кроме народного представительства. Вы это чувствовали, декретировав 17 сентября, что секционные и районные комитеты будут находиться под непосредственным наблюдением Комитета Общей Безопасности, т. е. Конвента. Обратите внимание на то, с какой зловредной ловкостью пытались парализовать спасительную меру, необходимую для активной работы правительства, уничтожения разбойников и заградительных отрядов и укрепления свободы. Если предоставить мягкосердечным генеральным советам право отступать от постановлений, возникнет тот самый произвол, который при этом хотят предотвратить. Кроме того, Коммуна виновна еще и в том, что попыталась популяризировать коммунальную власть за счет авторитета Конвента. Поэтому, поддерживая предложение Баренна, я вместе с тем предлагаю Конвенту запретить установленным властям под каким бы то ни было предлогом созывать революционные комитеты. Сноситься с ними установленные власти должны только путем переписки.

Национальный Конвент согласился с Билло-Варенна и Барером и предложенные ими мероприятия были тут же декретированы без всяких дальнейших прений.

Что оставалось при этих условиях делать Шометту? Конечно, кроме того как отступить и поэтому если его предыдущее отступление было лишь тонким дипломатическим маневром 14 фримера и в следующие дни он отступает уже в открытую. Поэтому, когда вечером того же дня в Коммуне собрались представители революционных комитетов, то Шометт сообщил им о только что изданном Конвентом декрете и просил их разойтись, ибо „если мы откроем дискуссию, то намеренные люди не упустят случая заявить, что мы не соблюдаем декретов“.

Однако, это отступление Шометта, не избавив его от обвинений, примером каковых может служить вотум недовольства, вынесенный ему секцией Рынков в ее заседании 15 фримера, имел вместе с тем своим следствием ряд ударов, нанесенных ему прежними единомышленниками, обвинявшими его теперь в измене и предательстве. Так, с трибуны кордельерского клуба был сделан ряд нападок на частную и общественную жизнь Шометта в результате чего он был 27 фримера исключен из числа членов этого клуба¹⁾. В то же время руководимая старым дру-

¹⁾ Текст этого постановления напечатан в „Бумагах Шометта“ 220—221.

²⁾ Его обвиняли в проведении в Невере наследственной декретизации, а равно и в том, что он, занимая должность прокурора Коммуны, приобрел себе состояние, на которое приобрел затем национальные имущественные департаменте Ниевры. Мы дальше увидим, что эти же обвинения были выставлены против Шометта и во время его процесса в Революционном трибунале.

³⁾ Матъез, „Французская революция“, т. III, стр. 119.

единомышленником Шометта—Моморо, секция Марата прислала Шометту фримера в якобинский клуб делегацию, которая заявила, что Шометт потерял ее доверие». Аналогичное заявление было сделано в Коммуне, очевидно, сделано народным обществом крайне-левой секции Музея, но оно было затем дезавуировано явившейся в заседание Коммуны 19 фримера делегацией этой секции, которая заявила, что «прокурор Коммуны никогда не терял ее доверия, хотя минута заблуждения и была использована для того, чтобы сделать противоположное заявление».

Результатом этого нападения, произведенного на Шометта 19 фримера в двадцатых числах фримера его прежними единомышленниками, было то, что и он в свою очередь отворачивается теперь от них и поэтому вся его дальнейшая деятельность проходит под знаком расхождения с остальными левыми монтаньярами и попытки примирения с робеспьеристами. Таким образом, в дальнейшей части нашей работы мы, говоря о деятельности Шометта, уже не должны будем связывать ее с деятельностью его бывших товарищей, — и это, само собой разумеется, значительно упрощает нашу задачу.

Этот крутой поворот в тактике Шометта, бывший логическим выводом из того, что за его мнимым отступлением первой половины фримера, после 14 фримера наступило подлинное действительное отступление, чрезвычайно ярко проявилось уже в его ответе на выступление секции Музея от 19 фримера, который он постарался использовать для нового заявления робеспьеристам о своем раскаянии. «Я,—заявил в своем ответе Шометт,—чрезвычайно тронут дружбой народного общества секции Музея, но я опасаясь, как бы его благожелательные шаги не были использованы для посеяния раздора среди народных обществ. То, которое выступило против меня, ошиблось на мой счет и народное общество секции Музея только что изрекло великую истину: да, каждый человек подвержен ошибкам. Национальный Конвент правильно оценил мое предложение и связанное с ним постановление, могущее послужить поводом для раздора, кто стремится к раздорам, но при этом он наказывал лишь мать, стремящуюся и к исправлению своих детей. Но что бы не делали злонамеренные, чем больше они будут стремиться заблуждать умы, тем теснее сплотимся мы вокруг верховной власти, и не взирая на них, правительство будет идти вперед“.

Полное отступление, начатое Шометтом после 14 фримера, продолжалось в следующие дни, все усиливаясь. 16—18 фримера робеспьеристы и дантонисты провели через Конвент закон о свободе культов, являвшийся тяжелым ударом для всего децентрализованного движения, и это, само собой разумеется, могло только еще больше дезориентировать Шометта. 21 фримера он воспользовался оглашением в Коммуне учредительного декрета 14 фримера о революционном порядке управления, чтобы опять заявить о своей преданности Конвенту и Комитетам. В заседании Парижской Коммуны 23 фримера Шометт еще раз повторил свое утверждение о том, что он невиновен в принятии постановления 3 фримера о культах, и подчеркнул, что именно он настоял затем на его отмене. Кроме того, за этим отступлением Шометта в области религиозной, естественно по-

следовало и его отступление в области социальной, и в смысле чрезвычайно характерно, что когда в заседании Коммуны 2 нивоа (22 декабря) зашла речь о необходимости изыскать средств для помощи слепым, то Шометт уже не предлагал ложить с этой целью богатых, а попросту рекомендовал обратиться за деньгами к Национальному Конвенту.

В этот исключительно тяжелый для Шометта момент чрезвычайно существенная моральная поддержка была оказана его согражданами из Невера. Действительно, в протоколе заседания Неверского народного общества 2 нивоа мы находим следующее место:

«Один член сообщает о письме, из которого будто бы явствует, что Шометт, временный национальный агент 1) Парижской Коммуны, оклеветан в отношении его поведения во время пребывания в Невере и приобретений, сделанных им в департаменте Ниевры. Кроме того, в этом письме содержится пожелание, чтобы в отношении Шометта была восстановлена истина.

«Общество, издавна знающее принципы Шометта, характеризующие его, как друга свободы, и присутствовавшее при энергичных высказываниях во время его пребывания в неверской коммуне; не имея никаких сведений о каких-либо приобретениях, сделанных им в департаменте Ниевры, и зная, что его и мать живут в Невере в почетной бедности, зарабатывая пропитание посредством своей повседневной работы,—

«Постановляет, что Общество ответит всем клеветующим Шометта, что четверо его членов будут избраны для составления записки о поведении Шометта в неверской коммуне и что записка, одобренная обществом и подписанная его председателем и секретарями, будет немедленно отпечатана и разослана Национальному Конвенту, 48 секциям Парижа, якобинцам, дельерам и всем вообще народным обществам Республики».

Во исполнение этого постановления была составлена записка важнейшие места которой гласят:

«Шометт, говорят, приобрел земельные имущества; он выстроил роскошные дома; он владеет многими землями в департаменте Ниевры. О мерзость, о неслыханная клевета! Шометт не имел в департаменте Ниевры никаких приобретений и не построил в нем ни одного дома. При режиме тирании он всегда являлся жертвой аристократии; он родился бедным и остается таковым и до сих пор; единственной собственностью его отца и матери является один арпан виноградника и жалкий домишко...

«...Во время своего краткого пребывания в неверской коммуне, Шометт, вопреки тому, что гласят распускаемые клеветы, злонамеренные слухи, не вызвал никаких беспорядков или мущений и не дал гражданам никакого толчка к уничтожению религиозного фанатизма. Мы уже издавна презирали эти глупые обряды, являющиеся лишь посягательством против справедливости, гуманности и истины. Объектом наших почестей является один только Предвечный, но отнюдь не те люди, которые стра...

1) Согласно декрета 14 фримера прокуроры коммун были переименованы в национальных агентов.

2) Бреш, дит. соч., 46.

лись узурпировать его место. Народный представитель Фуше, вместо с ним и все друзья Республики, выявили нам хитрые затеи заговорщиков всех родов, открыли глаза слабым и разоблачили лицемеров, лгунов и мошенников еще задолго до приятия Шометта в наши стены. Шометт, разделив нашу ненависть в отношении обмана, порожденного корыстолюбием и мещанинством и являющегося бичем природы и разума, лишь приобрел добавочное право на народное доверие, твердо закрепленное за ним уже начиная с революции 10 августа¹⁾.

Одновременно с этой запиской, неверское народное общество отправило специальную делегацию к Парижской Коммуне, которая, явившись в ее заседание 4 нивоза, зачитала там письмо, логичного только что цитированной запиской содержания. В ответ на это Шометт выступил с речью, в которой он говорил: „Меня оскорбили и назвали интриганом, мерзавцем, контрреволюционером. Интриган — я, который во время выборов боялся куда бы то ни было показываться, даже в свою секцию и народные общества! Контр революционер, — кажется, я достаточно доказал обратное. Я должен признать, что эти обвинения меня сильно огорчили. Кому я мог на них пожаловаться, как не своему отцу? И я написал ему об этом, но только ему одному.

«Я до сих пор ничего не знал о братской поддержке моих земляков. Я знаю, что злонамеренные люди стремятся меня побить и они, конечно, не упустят случая утверждать, что я выложил это выступление в свою пользу. Но это не принесет никакой пользы и на этот раз, как и всегда, все дело обернется в пользу Республики».

Изложив затем в кратких словах свою биографию (соответствующий отрывок нами в свое время уже цитировался), Шометт после этого еще раз покаялся в своем выступлении 11 фриера и далее продолжал:

«Материнская розга (т. е. постановление Конвента 14 фриера. Я. 3.) нас наказала и мы ей подчинились. Но враги свободы хотели идти далее этого, ибо им было необходимо уничтожить бодрствующего часового. Поэтому они обвинили меня в ряде преступлений и во что бы то ни стало хотели заставить поверить, что у меня существует собственная партия. На меня был сделан донос в якобинском клубе; один из его членов заявил, что я перед 10 августа обещал его сыну 40.000 ливров ежегодного дохода, что я владею бронзой на сумму, большую чем 20.000 ливров, что у меня роскошно обставленная квартира, что я подкуплен Питтом и что я выстроил себе целые замки в департаменте Ниевры...

«Граждане, я не ожидал выступления неверской делегации и прошу ее прекратить ее хлопоты. Заниматься нужно не людьми, а вещами. Какую ценность представляет человек? Разве его судьба препятствует нормальному ходу событий и может повлиять на судьбу революции?»

Однако, Коммуна не согласилась с этой точкой зрения Шометта и постановила не только включить заявления неверского народного общества в издаваемый ею отчет о ее заседаниях

¹⁾ Там—же, стр. 46—47.

(так называемые «Афиши Коммуны»), но и разослать его в секциям и народным обществам. Но сколько не приятными, жны были показаться Шометту эта поддержка Коммуны и шательство его земляков, он не мог, конечно, не понять, что зорвав со своими прежними единомышленниками, и вместе с находясь перед лицом окончательно обнаружившегося в дни союза между робеспьеристами и дантонистами, лучшее, что он мог сделать, это держаться возможно больше в тени. Вот почему, начиная с этого времени, его выступления в Коммуне новятся все более и более редкими и перечисление важней из них не займет у нас много времени.

14 нивоза, в связи с обсуждением в Коммуне вопроса о возможности совместительства нескольких должностей, Шометт; сказывается против таковой и ссылается при этом на точку ния, подчеркивавшуюся еще в Учредительном Собрании Робеспьером, «этим человеком, заслужившим уже с начала революции наше доверие и всегда оказывавшимся достойным таковой». 17 нивоза он жалуется на плохое исполнение постановления проституции, 23 нивоза он восхваляет мудрость Конвента и волюционного Трибунала, 28 нивоза он негодует по поводу хого исполнения мясниками закона о максимуме. Этой же о мясниках посвящена и следующая речь, произнесенная Шометтом в заседании Парижской Коммуны 21 плювиоза (9 февраля 1794 г.):

«Существует заговор уморить Париж голодом. Этот заговор составлен иностранными державами, которые, не имея возможности погубить нас силой оружия, пытаются разделить нас средством голода. Злонамеренные люди убивают, или точнее говоря, припрятывают стельных коров, а затем эти тайные враги Республики сеют панику по поводу голода, виновниками которого они же сами и являются.

«Не далее, как сегодня утром, мне говорили, что во время на Неккера и Балли все шло хорошо и что Париж в те времена изобиловал продовольствием. Но где они теперь, эти должностные лица, которых вы тогда так любили, и эти министры, которых вы носили на руках? Разве во времена этих верных слуг не на нам приходилось выдерживать натиск союзных держав и бороться с махинацией наших внутренних врагов и гнусных заговоров федералистов? Ибо, будьте в том уверены, эти заговоры существуют; не даром же федералисты перед своей смертью говорили:—Мы умираем, но мы оставляем мстителей.

«Граждане, ваши магистраты находятся на чеку и они имеют предупредить эти махинации. Вооружитесь же максимальным доверием; помните, что ваши законодатели мудры и пресмотрительны и что благодатная почва свободы всегда готова раскрыть перед нами свои сокровища.»

Все эти выступления Шометта показывают, что он в этот период своей деятельности строго придерживался политики, усвоенной им с 14 фримера и не только ни одним словом не смел сказать против робеспьеристского руководства Конвента и исполнительных комитетов, но и всячески стремился к нему дыгаться. Совершенно тоже самое следует сказать и о речи произнесенной им в Коммуне 23 плювиоза (11 февраля 1794 г.)

поводу появления там трех депутатов, избранных в Национальный Конвент населением острова Сан—Доминго,—речи, в которой он восхвалял Гору, отменившую рабство в колониях. Таково же было содержание и большой речи, произнесенной им 30 июля на торжественном празднике в ознаменование отмены рабства, устроенном в Париже в силу постановления Коммуны от 23 июля. Речь эта сохранилась в картоне Т 604—605 Национального Архива и нам в дальнейшем еще придется ее констатировать в связи с нашим анализом идеологии Шометта.

При таком настроении Шометта в это время, было вполне естественным, что он не мог принять участия в предпринятой кордельерским клубом в начале вантоза знаменитой попытке (остания¹), тем более, что, как мы видели выше, он был исключен из этого клуба еще в конце фримера. Поэтому, когда в заседании Парижской Коммуны 16 вантоза явившаяся туда делегация руководимой Моморо секции Марата выступила с рядом выпадов против властей и заявлением, что она «будет стоять на страже до тех пор, пока убийцы народа не будут уничтожены», она получила резкую отповедь со стороны Шометта. «Пойдите, граждане,—говорил в своем выступлении Шометт,—насколько опасным было бы возникновение в Париже хотя бы малейших беспорядков в тот самый момент, когда на фронте начинается новая кампания и когда все наши силы должны быть сосредоточены для борьбы с внешним врагом; в тот самый момент, когда после превосходного и вдумчивого доклада Сен—Жюста, Национальный Конвент издал благодетельный и, пожалуй, наиболее демократический из всех существующих декрет, в силу которого люди, признанные подозрительными, будут приговорены к изгнанию, а их имущества будут секвестрованы, чтобы послужить для помощи неимущим республиканцам. Несомненно, что все сочувствующие арестованным и их принципам усилят свои интриги с целью отвращения общественного мнения от его пошлого предмета и возбуждения беспорядков, посредством которых им удастся если не устранить, то во всяком случае задержать мудрые и энергичные меры Национального Конвента».

Но решительно осудив таким образом начавшееся движение — даже намекнув, что оно является результатом происков контрреволюционеров, Шометт не мог вместе с тем не понимать, что попытке кордельеров сильно благоприятствует имевшее место в Париже в эти дни исключительно сильное обострение продовольственного кризиса²). Поэтому, в заключение своей речи 16 вантоза, Шометт потребовал принятия ряда мер для борьбы с этим кризисом:

„Я требую:

„1. Чтобы комиссия о садах роскоши сделала в этом же заседании доклад об их состоянии и мерах, принятых для их использования под полезные культуры.

„2. Чтобы всем торговцам и разнощикам естественных припасов было запрещено носить продукты на дом и продавать их где бы то ни было, кроме как на рынках.

¹) Об этой попытке см. Матез „Борьба с дороговизной“ стр. 406—410.

²) Там—же, стр. 401—402.

„3. Чтобы был составлен адрес к нашим братьям из жающих Париж коммун с напоминанием им, что в их интересах точно также как и в наших, чтобы парижеские рынки были в достаточной мере снабжены продовольствием.

„4. Чтобы продовольственной администрации было поручено сделать как можно скорее доклад о продовольственном положении Парижа.

„5. Чтобы этой же администрации было поручено обратиться к комиссии по продовольствованию и снабжению всей Республики с просьбой усилить свою энергию по исполнению декрета Конвента, который гласит, что Париж будет снабжаться как город, находящийся в состоянии осады. Это вовсе не значит, что эта комиссия нуждается в напоминаниях, чтобы сделать свое дело, но когда граждане обращаются с жалобами к своим властям, эти последние обязаны выслушать таковые и передать их в соответствующие отрасли правительственного аппарата.

Если таким образом занятая Шометтом 16 вантоза позиция может быть охарактеризована, как стремление удовлетворить возможности голодные массы Парижа, чтобы тем самым подорвать инсurreкционные проекты своих бывших единомышленников, вместе с тем он уже на следующий день решительно выступил против тех нелепых преувеличений в осуществлении политических близких к эбертистам продовольственных администраторов.

«Национальный агент,—гласит отчет о заседании Коммуны 17 вантоза,—резко нападает на граждан, которые в силу неуместной энергии и полного невежества приводят все в Париже в беспорядок... Эти существа доводят до абсурда самые лучшие намерения и заставляют ненавидеть революцию благодаря тем способам, которыми они осуществляют наиболее благодетельные мероприятия» (Разрядка наша. Я. 3.).

Выступления Шометта 16 и 17 вантоза позволяют критически утверждать, что он не только оставался совершенно чуждым вантозовской попытке эбертистского восстания, но и ей резко враждебен и даже критиковал теперь своих бывших единомышленников в тех же самых почти выражениях, что и раньше эбертисты (подчеркнутая нами фраза его речи 17 вантоза). Тактика Шометта продолжалась и после того, как вожди вантозистов были арестованы в ночь с 23 на 24 вантоза и в здании Коммуны 26 вантоза он ополчается на секцию Марата. По его мнению недостаточно энергично отказывающуюся от поддержки, которую она ранее оказывала клубу кордельеров. Однако не смотря на все это, его судьба была все же predetermined и Шометт еще в фримере отошел от своих прежних единомышленников и не принимал участия в их вантозовской авантюре, ему тем не менее не удалось избежать ярости его классовых врагов. Поддерживаемые в это время Робеспьером дантоновцы слишком хорошо помнили социально—экономическую программу Шометта, чтобы его простить, а сами робеспьеристы не могли забыть той роли, которую он сыграл в деле дехристианизации.

1) Там--же, стр. 416—417.

Поэтому Шометт оставался на свободе лишь на четыре дня дольше, чем Эбер, Моморо, Венсан и другие и в силу написанного Робеспьером ¹⁾ постановления обоих правительственных комитетов от 28 вантоза (18 марта 1794 г.) он был в тот же день арестован агентами Комитета Общей Безопасности ²⁾.

Преданный суду не по делу эбертистов, а по скоро последовавшему как за этим процессом, так и процессом даптонистов как называемому делу о заговоре в тюрьмах, Шометт предстал перед Революционным Трибуналом 21 жерминаля (10 апреля) вместе с бывшим парижским епископом Гобелем, женами казненных Эбера и Камилла Демулена и многими другими. Они все обвинялись в том, что „участвовали в заговоре против свободы и безопасности французского народа, составленном Эбером, Ронсеном, Клоотцем и другими с целью распустить народное представительство, перебить его членов и всех патриотов, уничтожить республиканское правительство, овладеть народным суверенитетом и дать государству тирана“ ³⁾. Что касается лично Шометта, то предъявленный ему Фулье—Тенвилем обвинительный акт гласил:

„...Бывшие парижский епископ Гобель и национальный агент Шометт явным образом участвовали в заговоре против Французской Республики, составленном подлым Клоотцем, Эбером, Венсаном и другими... Доказательства соучастия Шометта и другими заговорщиками явствуют из его поведения при исполнении обязанностей прокурора Парижской Коммуны, из его подержанного неуважения к закону Национального Конвента, из его наглого и преступного стремления превратить себя в законодателя, вызывая посредством своих предложений свободоубийственные постановления Коммуны. Но особенно ярким доказательством этого участия является соглашение, составленное Гобелем, Клоотцем, Шометтом, Эбером и их прихвостнями с целью изгнать всякую идею о божестве и основать французское государство на атеизме, дабы таким образом, разрушив общественную нравственность, дать почву подлой клевете об'единившихся против Французской нации деспотов.

«Доказано, что поведение Шометта и его соучастников являлось наиболее мощным способом осуществления этого, ныне рабоблаченного и предотвращенного, плана. Целью Шометта, Гобеля, Ронсена—Кромвеля являлось уничтожить какой бы то ни было вид морали, устранить какую бы то ни было форму нравственности и тем самым доказать соседним народам, что французская нация достигла последней степени падения, отказавшись даже от самой идеи Верховного Существа, под авторитет которого она ранее поставила неотъемлемые права человека и естественную свободу культов. Во время оргий и затягивавшихся далеко за полночь ужинов, обходившихся по сто экю на участника, были обсуждены эти свободоубийственные меры, распространенные Шометтом и на департамент Ниевры, где одно народное общество осмелилось в своих постановлениях иг-

¹⁾ О лар, «Культе Разума», стр. 156.

²⁾ Текст протокола об аресте Шометта см. „Бумаги Шометта“ стр. 38.

³⁾ Как эти, так и все дальнейшие цитаты взяты нами из отчета о процессе Шометта и других, перепечатанного у Бюше и Ру, цит. соч., т. XXXII, стр. 245—303.

норировать национальный авторитет, отказавшись покориться кону о свободе культов. Деятельность Шометта и его подлогательство были оплачены золотом Питта; поэтому неудивительно, что Шометт, посылая своему отцу 30.000 ливров, советует ему не покупать национальных имуществ или земель эмигрантов, так как новый порядок вещей не будет продолжительным.

Абсурдные и клеветнические обвинения, предъявленные Шометту в обвинительном акте были дополнены и конкретизированы в показаниях некоторых из выступавших во время процесса многочисленных свидетелей. Так, член Парижской Коммуны Ж. Ру показывал, что Шометт своей борьбой с религией имел в виду провозгласить восстание религиозно—настроенных людей именно поэтому, утверждал он, постановление Коммуны о закрытии церквей было принято ею в декабре 1792 г. за три дня до Рождества. А другой свидетель, тоже член Коммуны, Дор Кюбьер, показывал, что Шометт вместе с Гобелем и Клоотта составил план „вызвать гражданскую войну посредством нового и неожиданного упразднения религиозного культа“. По тому, в то время, как в обвинительном акте говорилось лишь о том, что дехристианизаторская политика Шометта имела в виду компрометировать Францию перед лицом других наций, предатель Революционного Трибунала в своем заключительном слове констатировал, что Шометт стремился вызвать, какой бы ни была ценой, сильнейшие беспорядки. Его меры в этом направлении были довольно хорошо скомбинированы, так как в самое время как он, предписывая закрытие церквей и прекращение отправления культов, стремился провоцировать фанатизм и рабские души, он вместо того, чтобы использовать простоту в производительных целях, подвергал их аресту и вызывал таким образом недовольство всех распущенных людей“.

Что касается обвинения, связанного с имевшей якобы место пересылкой Шометтом его отцу 30.000 ливров, то оно было подтверждено показанием члена парижского наблюдательного комитета Кловиса, по словам которого Шометт, заявив в Комитете, что все его состояние исчерпывается 3000 ливров долга, почти одновременно с этим переслал отцу 30.000 ливров. На заданный ему по этому поводу председателем вопрос, Шометт дал следующий ясный и исчерпывающий ответ, целиком отвергший это нелепое и клеветническое обвинение:

„Я утверждаю, что мое заявление целиком соответствует истине и что даже к 31 мая я еще был должен 1400 ливров. 30.000 ливров я своему отцу не посылал и не боюсь по этому поводу каких бы то ни было разоблачений. Дело объясняется очень просто: отец писал мне, что у него есть 3.000 ливров сбережений и что если я прибавлю к этому свои собственные, то он купит национальные имуществы. На это я ему ответил: вздумайте этого делать, т. к. в этом случае мои враги заявят, что я снабдил вас необходимыми для этого средствами; поэтому используйте лучше свои деньги для торговли... Я в настоящее время владею лишь 6.000 ливров, а мой отец—около 3.000; кроме того, у меня есть обстановка, примерно на 1400 ливров.“

На ряду с обвинениями, уже содержившимися в обвинительном акте, во время процесса против Шометта оказались в

нутыми и некоторые другие, дополнительные. Так например, же упомянутый Кловис утверждал, что Шометт 31 мая 1793 г. публично претивствовал направленному против жирондистов восстанию и это же самое утверждение было повторено и другим свидетелем, неким Бенуа.

Но несравненно важнее, чем это обвинение, было другое обвинение, предъявленное Шометту во время процесса,—обвинение, но отражавшее испуг его классовых врагов перед выдвинутой им социально—экономической программой. Обвинение это было выдвинуто свидетелем Мартеном, который говорил:

„Шометт стремился лишь к провокации воровства, грабежа и посягательства на собственность. В заседаниях Коммуны он поощрял нарушение наиболее священных и важных приписов общественного состояния и чтобы поднять народ против своих братьев, он не останавливался перед подлыми заявлениями, вроде следующего: „У каждого человека есть желудок, который он стремится наполнить. Поэтому тот, у кого ничего нет, должен правиться на поиски к своему соседу“.

На заданный ему по этому поводу председателем вопрос, Шометт ответил: «Я, действительно, произнес эту фразу, но привал ей совершенно иной смысл. Я никогда не разрешал грабежа и не оправдывал нарушения собственности, а лишь призывал настоятельных граждан прийти на помощь неимущим“.

К обвинению Мартена непосредственно примыкало и то вынесенное против Шометта другим свидетелем обвинение, будто бы он сочувствовал Жаку Ру и вместе с ним подготавливал родовольственные беспорядки, возникшие в Париже 24—25 февраля 1793 г. На это обвинение Шометт ответил:

«По вопросу о непристойном поведении Жака Ру в генеральном Совете Коммуны, я утверждаю, что заставил призвать его к порядку и передал вопрос о нем на суждение его секции. Никто иной, как я назвал его поджигателем и добился его исключения из названного Совета. Что касается до обвинения меня в провокации разграбления сахара и мыла, то я противно оставляю этому мои общественные функции и мое присутствие трехцветной ленте на улице Ламбар. Кроме того я могу сослаться на мои протоколы и на свидетельство Паша, близко наблюдавшего за всеми моими действиями. Впрочем, оправдание или обвинение меня—дело будущих времен и я не имею ничего больше прибавить для защиты своей репутации и своей памяти».

Но каков бы не был удельный вес предъявленных Шометту обвинений, само собой разумеется, что приговор над ним был заранее предрешен. В заседании 24 жерминаля (13 апреля), Шометт, вместе с большинством остальных подсудимых, был признан Революционным Трибуналом виновным во всех предъявленных ему обвинениях и приговорен к гильотине. Приговор был приведен в исполнение в тот же самый день, в 6 часов вечера, на площади Революции ¹⁾.

¹⁾ «Монитор» т. XX стр. 205.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Идеология Шометта.

ГЛАВА I.

Религиозные, историко-философские и политические взгляды Шометта.

Анализируя историю жизни и деятельности Шометта, имели достаточное число случаев убедиться, что вся деятельность изучаемого нами деятеля Великой Французской Революции являлась ничем иным, как защитой классовых интересов прослойки, нужды и чаяния которой он в своем лице выражал, т. е. низов тогдашней мелкой городской буржуазии. Само собой разумеется, что эта основная и наиболее характерная черта всей деятельности Шометта не могла не наложить своего отпечатка и на всю его идеологию. Однако, как известно, в ту эпоху даже представители зарождающегося рабочего класса, т. е. «пролетариат», не имели и не могли иметь своей собственной цели, выдержанной идеологии, резко отличной от идеологии той мелкой буржуазии, от которой тогдашний рабочий класс не успел окончательно экономически отделиться. Само собой разумеется, что эта черта должна была в несравненно более сильной степени сказаться на представителях низов мелкой буржуазии и поэтому было бы уже а priori странно ожидать, чтобы идеология Шометта могла сколько-нибудь существенно отличаться от идеологии робеспьеристов, этих наиболее ярких и последовательных защитников интересов французской мелкой буржуазии конца XVIII века. И действительно, как мы убедимся из дальнейшего изложения, вся идеология Шометта в основном и главном чрезвычайно близка к идеологии робеспьеристов и лишь сравнительно незначительные детали и частности, в которых Шометт занимает свою собственную, отличную от робеспьеровской, позицию, называют, что мы в его лице имеем дело с представителем определенной социальной группы, нежели та, интересы которой отразил Робеспьер и Сен-Жюст.

Эта основная черта всей идеологии Шометта особенно сказывается в отношении его религиозных, историко-философских и политических воззрений и если в области вопросов экономического и социального характера мы найдем ряд случаев, когда взгляды Шометта отчасти расходились со взглядами робеспьеристов, то в области религии, философии и политики взгляды Шометта, как мы это сейчас увидим, решительно ничем не отличаются от воззрений этих его противников справа.

Мы видели выше, что одним из главных обвинений, предъявленных Шометту во время его процесса в Революционном Трибунале, было обвинение его в атеизме и обвинение это неоднократно повторялось политическими противниками бывшего прокурора Парижской Коммуны и после его смерти, доказав,

вом чего может служить хотя бы речь Робеспьера в якобинском клубе 23 прериаля II года (11 июня 1794 г.), с легкой руки робеспьеристов положение это вошло в историю и повторяется многими историками Французской Революции, не исключая при этом и таких серьезных исследователей, как Альбер Матъез¹⁾. Но соответствует ли это утверждение истине и был ли Шометт действительно атеистом и материалистом?

Что касается до-революционных взглядов Шометта в этой области, то таковые могут быть прежде всего установлены на основании речи, произнесенной им при оставлении должности председателя масонской ложи, которую он одно время занимал²⁾. Хотя речь эта, как водится, и изобилует многочисленными мало-понятными аллегориями и отличается нарочито напущенным метафизическим туманом, она тем не менее позволяет установить религиозно-философские взгляды тогдашнего Шометта, и дает возможность категорически утверждать, что в этот период своей жизни он не только не был ни материалистом, ни атеистом, но относился даже с явной симпатией к христианству.

Действительно, что касается до материализма и атеизма, то Шометт в своей речи прямо утверждал, что „скептицизм атеистов и материалистов противоположен подлинным принципам нашего ордена и принятым нами на себя обязательствам“. А в другом месте он говорит:

«Предоставим материалистам заботу изучать тело, а сами займемся более благородным занятием. Об'ектом нашей деятельности должен быть разум; эту искру, зажженную творцом при создании им человека, этот священный огонь, пребывающий, во время своего пленения, в куче навоза,—вот что мы должны стремиться отделить от материи и очистить от наложенных ею грязных следов».

Вера Шометта в существование независимой от материи души идет настолько далеко, что он даже готов приветствовать смерть, как избавление души от ее пленения в теле. «Разрушение живых существ, которое мы рассматриваем как зло, может, если оно является результатом известных законов, освободить дух от приковывающих его к материи цепей и позволяет ему возвратиться к тому принципу, эманацией которого он является».

При таких взглядах Шометта на взаимоотношения материи и духа, само собой разумеется, что он уже по одному этому не мог быть атеистом и он действительно утверждает, что «целью моей морали является почитать Высшего Строителя и не смешивать его с материей».

Однако, в своих религиозных взглядах этого времени, Шометт не ограничивается простым деизмом и идет значительно далее, отзываясь чрезвычайно положительно и о существующей христианской религии. „Задумывались ли вы когда либо,—говорит он своим слушателям,—над принципами божественной науки,

¹⁾ См. его статью „Chaumette franc—maçon“ переизданную в сборнике его статей „Contributions a l'histoire religieuse de la Revolution Française“, стр. 157—166.

²⁾ Текст этой речи сохранился среди бумаг Шометта в Нац. Архиве и переиздан в цитированной статье Матъеза, стр. 146—159. Все дальнейшие цитаты взяты нами из этого издания.

а те из вас, кто изучают ее, все равно по профессии ли или свободному влечению, — пытались ли применить ее к ее полному объекту? Эта наука, братья мои, является бы святой теологии и подлинным основанием наших догм, нашего культа, наших установлений и чудес нашего искусства; она предвечна и поведена божественным разумом; она была тем средством, посредством которого Предвечный создал все существующее“ (Курсив наш. Я. З.).

Кроме только что рассмотренной масонской речи Шометт среди его бумаг сохранилась и другая его до-революционная речь, также посвященная религиозному вопросу. Она озаглавлена «Ключ к книге ошибок и истины» и в ней, между прочим держится следующий абзац:

«Таким образом ясно, что существует необходимое существо своей жизнью обязанное своей собственной сущности и переющее ее всему живущему. Это существо не обязано жизни своей, ни чьей-либо другой воле, ибо оно дает жизнь до того как научается хотеть, а тот, кто мог бы дать ему жизнь, должен был бы существовать до него и таким образом был бы этим необходимым существом“¹⁾.

Но если таким образом Шометт до революции был только спиритуалистом и деистом, но и сторонником христианства, то нельзя ли предположить, что в процессе революции его взгляды подверглись переработке и даже коренному изменению? В отношении первых лет революции ответ на этот вопрос должен быть безусловно отрицательным, ибо в своей уже упомянутой нами речи от 23 июня 1791 г. Шометт не только неоднократно упоминает бога, но и утверждает, что «закон является нашим высшим сувереном после бога». Что же касается отношения Шометта этого периода его жизни к христианству в относящейся к этому же времени его речи под названием «Храм протестантов»²⁾, он говорит о происшедшем в результате революции между протестантами и католиками сближении в выражениях, позволяющих предполагать о его явной симпатии к христианству, как таковому.

Однако, если таким образом в первые годы революции религиозные воззрения Шометта оставались без всяких изменений из этого еще, само собой разумеется, отнюдь не следует, такое изменение не могло произойти в дальнейшем, тем более что, как мы в свое время видели, Шометт был одним из деятелей революции, на которых ярче и сильнее всего сказан процесс перерастания борьбы с контр-революционным духом в борьбу с религией, как таковой. Более того, мы считаем возможным говорить, что все сказанное в предыдущих главах настоящей работы позволяет нам без всяких дальнейших доказательств утверждать, что в 1792—1794 г. г. Шометт сторонника христианства превратился в его явного противника. Но значит ли это, что, как полагают Матье

1) Матье, цит. статья, стр. 160.

2) Нац. Архив. картон Т 604—605, связка 9.

3) Матье, цит. статья, стр. 160.

Бреш ¹⁾, Шометт, переставши быть сторонником христианства, казался также и от деизма и превратился в атеиста и материалиста?

Мы полагаем, что ответ на этот вопрос должен быть дан условно отрицательный. В другом месте ²⁾ мы показали, что огромное большинство дехристианизаторов 1793 г. отнюдь не были атеистами и Шометт ни в какой мере не был исключением этого общего правила.

Действительно—среди всех уже известных читателю многочисленных анти-христианских выступлений Шометта, мы не знаем ни одного, в котором держалось бы какое-либо нападение на деизм, как таковой. Правда, в своем выступлении в Коммуне 8 июня 1793 г. Шометт говорил, что отныне «народ будет нашим богом иного бога у нас быть не должно», но весь контекст этой речи, направленной против контр-революционных махинаций католического духовенства, позволяет утверждать, что Шометт имел в виду здесь исключительно только бога христианского, вовсе не бога в том смысле, в каком понимают его деисты. То же касается до указания Матьеза ³⁾ на дружественные отношения, существовавшие между Шометтом и таким явным деистом, каким был известный Сильвен Марешаль, то факт тот, само собой разумеется, еще ровно ничего не доказывает. Шометт был соратником и единомышленником Марешаля по его дехристианизаторской деятельности и именно поэтому Марешаль мог посвятить ему свою поэму «Против бога» ⁴⁾ но должно ли из этого следовать, что Шометт был подобно Марешалю деистом? Мы полагаем, что отнюдь нет.

Но если у нас таким образом нет ни одного указания на деизм Шометта даже в эпоху максимального развития его дехристианизаторской деятельности, то мы имеем зато одно чрезвычайно важное указание диаметрально противоположного порядка. Мы имеем в виду то его выступление в Парижской Коммуне 28 вандемьера, в котором Шометт предлагал распространить на Париж знаменитое неверское постановление Фуше на кладбищах от 10 октября 1793 г.

Как мы в свое время уже отмечали, это постановление Фуше является, без сомнения, одним из немногих атеистических документов эпохи Великой Французской Революции. Но так ли понимал его Шометт? Ответом на это может служить следующий отрывок из отчета о заседании Парижской Коммуны 28 вандемьера:

„Коммуна искусств совместно с администрацией общественных работ, сообщает Генеральному Совету две петиции, которые она намеревается представить Конвенту. Петиции эти имеют своей целью просить о возведении зданий, своего рода храмов свободы и человечеству, которые вместе с мрачной тенью окружающих их деревьев, заставят печалиться около скромных гроб-

¹⁾ Бреш, цит. соч., стр. 90.

²⁾ См. нашу работу „Французская революция и церковь“. Т. 1.

³⁾ Матьез, цит. статья, стр. 161.

⁴⁾ Там-же, стр. 161—162.

ниц героев—защитников отечества, на могилах коих будут наганы трогательные надписи. Шометт замечает, что по этому поводу нет ровно никакой нужды обращаться к Конвенту: закон уже издан, а исполнение его составляет дело Коммуны. Против этой петиции он предпочитает мысль Фуше о сооружении в месте упокоения наших предков статуи сна. Не надо ни рисов, ни других мрачных деревьев; наоборот, все должно напоминать здесь об идеях сладостных, приятных и трогательных как добродетель, одна только делающая людей достойными уважения. Пусть все напоминает здесь не об аде или чистилище придуманных для того, чтобы обогатить попов, а о том счастье, которым пользуются мертвые. На кладбищах следует видеть только тополя и вообще радостную картину, подобную которой имеется в Эрменонвилле ¹⁾, но отнюдь не изображения скелетов или черепов, напоминающих о разложении и не позволяющих думать о бессмертии... Увековечивать в интересах одних только попов; первые минуты, следующие потерей друга, могут быть посвящены слезам, но природа требует, чтобы эти слезы были непродолжительными, а чтобы радость была повседневной. Смерть должна быть страшной только для тех, кто плохо провел свою жизнь». (Курсив наш. Я. З.) ²⁾.

Таким образом, восхваляя постановление Фуше, Шометт как это ни парадоксально, истолковывает его в смысле, диаметрально противоположном тому, который имел в виду его автор. Фуше стремился своим постановлением о кладбищах насаждать атеизм («смерть есть вечный сон»), Шометт же напротив утверждает, что кладбища должны порождать мысль о бессмертии!

Итак, все сказанное выше позволяет утверждать, что Шометт даже в 1793—1794 г. г. был не атеистом, а деистом и к этому же самому выводу приводит нас изучение тех постановлений, которые Шометт предлагал учредить взамен подлежащих уничтожению религиозных праздников. „Долой священников! Никаких других богов, кроме тех, которые дает нам природа“. Совершенно ту же самую мысль находим мы и в предложениях Шометта об организации гражданских празднеств. Так, восхваляя в своей уже неоднократно цитированной речи 26 сентября 1793 г. жителей Невера, Шометт особенно ставил им в заслугу то, что в департаменте Ниверна „порожденные суеверием праздники заменены праздниками гражданскими“. А о том, что должны собой представлять эти гражданские празднества Шометт говорил еще 8 июня 1793 г.:

„Граждане нуждаются в дне отдыха и поэтому для них необходим воскресный день. Но не следует допускать, чтобы этот день был осквернен суеверием. Мы будем иметь праздники, но лишь праздники морального характера. Мы будем праздновать жен и матерей, и в особенности матерей и милиц“. (Курсив наш. Я. З.).

¹⁾ Т. е. на могиле Жан-Жака Руссо.

²⁾ „Бумаги Шометта“, стр. 197.

Итак, деизм Шометта в 1793—1794 г. чрезвычайно близко напоминает нам тот связанный с обожествлением природы деизм, который столь характерен для савойского викария Жан-Жака Руссо ¹⁾, а равно и для религиозных воззрений Робеспьера и его культа Верховного существа и Природы. Вот почему содержащаяся в заявлении неверского народного общества Парижской Коммуне от 4 нивоза фраза о том, что „Шометт был сторонником культа Разума, или иначе говоря, культа Верховного Существа“ является вовсе не такой дикой и парадоксальной, как это может на первый взгляд показаться. Сколь ни отлична была религиозная политика Шометта от религиозной политики робеспьеристов, в области религиозной теории взгляды их были чрезвычайно похожи.

Такое же точно совпадение с робеспьеристами находим мы и в отношении историко-философских воззрений Шометта, которые, подобно взглядам Робеспьера и Сен-Жюста, целиком и полностью покоятся на базе руссоизма.

Возьмем хотя бы представление Шометта о генезисе человеческого общества:

„Фатальная эпоха дегралации и унижения человеческого рода началась с того момента, когда люди начали отдаляться от законов природы и когда они перестали видеть в своих предках живых носителей законов, которым следует безоговорочно подчиняться. Рассчет, гордость, скупость и осердечие не замедлили открыть дорогу всем бедствиям, заставившим впоследствии рассматривать как тягчайшее несчастье величайшее из человеческих благ—общительность. Изменение первоначальных нравов внесло раздор в семью. Поскольку наглость и несправедливость заменили патриархальные решения, сила заняла место разума, а жадность и все исключаящая жажда наслаждений породила разделение на мое и твое,—потребовалось издание законов, могущих разрешать возникающие конфликты, и притом зачастую законов кровавых. Для исполнения их потребовались исполнители и пришлось обратиться к наиболее сильному. Но эти наиболее сильные объединились между собой и вместо того, чтобы употребить свое могущество на покровительство слабым, они воспользовались им, чтобы подчинить людей не общественным установлениям, а своим произвольным решениям. Таким образом, из законной власти созданся безграничный произвол и это неудительно, ибо как только страсти заглушают разум, люди немедленно начинают портить самые благодетельные установления.

«Как только появился произвол, сила должна была неизбежным образом сделаться высшим законом. Преступления и все сопровождающие их излишества должны были заменить первоначальные добродетели; слабость должна была стать в глазах сильных непростительным грехом и вечным поводом для преследований. С другой стороны, слабый, ежеминутно подверженный опасности потерять в пользу своих новых повелителей все плоды своих работ, перестал работать. Смелость покинула его и его

¹⁾ Это, между прочим, совершенно правильно отмечает Олар („Культ Разума“, стр. 74).

отчаявшаяся душа потеряла способность к каким бы то ни было переживаниям, кроме горя. Он сделался рабом...

„... Природа сделала человека добрым и чувствительным и лишь перестав ей подчиняться и следовать ее велениям, человек сделался злым». ¹⁾

Вряд ли есть надобность доказывать, что вся приведенная нами длинная цитата есть ничто иное, как переложение своими словами излюбленных мыслей основных произведений Руссо и в частности его «Рассуждения о происхождении неравенства». Но вместе с тем следует отметить, что считая человека добрым по природе и сделавшимся злым лишь вследствие перехода от первобытного состояния к общественному, Шометт повторял не только своего учителя, но равным образом и своих сотоварищей по поколению и революционной борьбе—робеспьеристов ²⁾. Естественно, что из этого полного отсутствия оригинальности в основной историко-философской посылке вытекало такое же отсутствие оригинальности Шометта и в его выводах.

В самом деле—достаточно хорошо известно, что робеспьеристы, вслед за Руссо, считали, что „единственной базой гражданского общества является добродетель“ ³⁾ и таким образом Шометт отнюдь не открывал Америки, когда утверждал, что «основной поддержкой Республики являются нравы» ⁴⁾ и что «нравы составляют основную базу республиканской системы» ⁵⁾. Точно также едва ли не дословным повторением многократных высказываний Робеспьера и Сен-Жюста является мысль Шометта, что «наиболее преданные сторонники роялизма и аристократии не перестают прибегать к самым разнообразным средствам развращения, ибо они знают, что развращенный народ не может сохранить свою свободу» ⁶⁾.

Как известно, логическим выводом из признания нравственности основой республиканского строя являлось у робеспьеристов их утверждение о том, что «важнейшей задачей законодателя является создание и укрепление общественных нравов» ⁷⁾ и именно из этого положения исходил, конечно, Шометт, когда он заставил Парижскую Коммуну 4 октября 1793 г. признать, что «она совершила бы величайшее преступление перед потомством, если бы не работала без устали над консолидацией добрых нравов».

Но каковы же способы этой консолидации?

Идя и в этом отношении целиком и полностью за робеспьеристами, Шометт полагал, что лучшим способом укрепления нравственности являются хорошие законы, причем для того, чтобы быть хорошими, законы должны быть прежде всего мягкими и гуманными. „Если бы мы обладали добрыми нравами, мы бы не

¹⁾ Речь 30 плювиоза на празднике в честь отмены рабства. Нац. Арх Т 604—605, связка 9.

²⁾ Ср. Я. М. Захер „Сен-Жюст“, стр. 37.

³⁾ Доклад Робеспьера 18 флореаля.

⁴⁾ Речь 9 марта 1793 г. в Нац. Конвенте, А. Р., Т. LXIII, стр. 82.

⁵⁾ Принятое по предложению Шометта постановление Парижской Коммуны 4 октября 1793 г.

⁶⁾ Там-же.

⁷⁾ Из речи Робеспьера 30 мая 1791.

нуждались в полицейских законах и могли бы не опасаться плохих законов. В хорошо устроенном государстве, в котором мораль является базой правительства, являются ли законы жестокими? Нет, ибо их смягчает любовь к общественному благу. Являются ли там законы тираническими? Нет, ибо ими управляет стремление к равенству. Являются ли они насильственными? Нет, ибо ими руководит доверие, в силу чего зло порождает добро и из беспорядка рождается порядок..

„...Повторяю, что добрые нравы защитили бы нас от бедствий, создаваемых существованием плохих законов»¹⁾.

Как известно, положение о том, что хорошие законы должны быть гуманными, заставило Робеспьера и Сен-Жюста выступить в первый период Революции (т. е. до 1792 года) убежденными противниками смертной казни и на этой же точке зрения стоял в то время и Шометт, касающийся вопроса о смертной казни в речи, посвященной разбору изданного Национальным Собранием закона о государственной измене²⁾.

„Раз решено сохранить смертную казнь, необходимо по крайней мере пользоваться ею лишь с величайшей умеренностью. Люди вовсе не столь многочисленны, чтобы подвергать их с такой легкостью смерти. Когда подумаешь, что нужны двадцать или тридцать лет, чтобы мог сформироваться человек, нельзя удержаться от ужаса, читая этот закон, каждая статья которого как эхо повторяет одно и то же страшное слово—смерть“.

Но если таким образом в начале Революции Шометт подобно робеспьеристам высказывался против смертной казни, то известно, что дальнейший ход событий заставил Робеспьера и Сен-Жюста круто изменить свою первоначальную установку и уже к началу 1793 года превратиться не только в сторонников террора, но и в его теоретиков. При этом, что особенно любопытно, превратившись из сторонников гуманных и мягких законов в апологетов террора и насилия³⁾, робеспьеристы не переставали попрежнему рассматривать закон, как средство насаждения и защиты добродетели и отнюдь не были склонны смотреть на террористические законы, как на исключение из этого общего правила⁴⁾.

Совершенно аналогичная эволюция произошла и с Шометтом и в этом смысле исключительно характерно, что даже в своей знаменитой речи в Национальном Конвенте 5 сентября 1793 года—речи, в которой он от имени Парижской Коммуны требовал поставить террор в порядок дня—Шометт рассматривал террор лишь как средство „прекращения... гнусной борьбы забывших природу людей против детей этой природы“. Кроме

1) Речь в секции Франц. театра о реформе полицейских законов, Нац. Архив, Т 604—605.

2) Нац. Архив. Т 604—605.

3) Мы считаем, что высказанная Оларом мысль о том, что все деятели Великой Французской Революции, не исключая из их числа и робеспьеристов, являлись убежденными противниками насилия, достаточно веско опровергнута маркнетской историографией, чтобы была надобность еще раз возвращаться к этой теме. Интересующихся отсылаем к статье Р. Авербух „Террористический режим во Франции в 1793—1794 г. г. в кн. XI „Вестника Ком. Академии“.

4) Ср. Я. М. Захер, „Сен-Жюст“, стр. 44—48; его же „Робеспьер“, стр. 84—87.

того, даже в пору максимального развития своих террористических увлечений, Шометт не устал указывать на необходимость помнить о гуманности. Так, например, рассказывая в своей автобиографии о том, как сопровождая 11 декабря 1792 года Людовика XVI в Конвент, он поделился с ним единственным имевшимся у него куском хлеба, Шометт тут же восклицает: „О святая гуманность, оставайся всегда моим божеством и моим руководителем! Даже моя ненависть к королям не мешает мне оставаться человеком“ ¹⁾. Этим же преклонением перед гуманностью объясняется выступление Шометта в заседании Парижской Коммуны 23 мая 1793 года против „ужасного обычая, позволяющего выставлять у позорного столба беременных женщин“ ²⁾. По его предложению, Коммуна постановила „послать в Национальный Конвент комиссаров дабы просить его, чтобы люди, выставляемые у позорного столба, находили бы защиту от непогоды“ ³⁾.

Однако, как ни важны для укрепления нравов хорошие и мягкие законы, отнюдь не меньшее значение в этом деле по мнению Шометта имеет и другой фактор—воспитание, проблеме которого он посвятил специальное небольшое исследование ⁴⁾.

„После начала революции,—говорит в этом исследовании Шометт,—появилось огромное количество планов национального воспитания. Некоторые из них читали, но большинство были сразу же забыты. Объясняется это тем, что почти все они не достигали поставленной себе цели—создания новой расы, совершенно отличной от нашей... Таким образом, если исключить «Эмиля», мы не имеем до сих пор настоящего трактата о воспитании; все появившиеся в свет планы, проспекты и элементарные книги походят друг на друга в том отношении, что под разными соусами воспроизводят все одну и ту же старую рутину“.

В чем же заключается, по мнению Шометта, основная ошибка всех этих трудов, лишаящая их ка бы то ни было ценности? „Почти все писавшие о воспитании, совершенно правильно подчеркивали значение нравов; они подчеркивали, что как только нравы будут возрождены, все остальное не представит труда. Но в чем заключается та мораль, которую они берут в качестве базы для воспитания? Заключается ли она в таких основанных на вечном разуме и установленных самой природой отношениях между людьми, как почтение к родителям, любовь и дружба? Нет—мораль, о которой они говорят, в качестве почти единственной базы принимает одни только общественные отношения“.

Такое понимание задач воспитания является, думает Шометт, ничем иным, как увековечением тех принципов, на которых было основано воспитание в старое, до-революционное время. «То воспитание, которое мы все получили, полириovalo, по вместе

¹⁾ „Бумаги Шометта“, стр. 144.

²⁾ A. Tuetey, «Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution Française», T. VIII, № 2520.

³⁾ Там-же.

⁴⁾ „Записка о народном воспитании“. „Бумаги Шометта“, стр. 223—229

с тем и портило, нравы; украшало, но вместе с тем и ослабляло тело; оно развивало ум, но портило душу“. Для настоящего времени такое воспитание непригодно. «Поскольку все вокруг нас изменилось, необходимо, чтобы изменилось точно также и воспитание, которое теперь решительно ничем не должно походить на воспитание прежних времен».

Отличие нового воспитания от воспитания старого должно, по мнению Шометта, заключаться в том, что необходимо раз навсегда „выбросить из арсенала средств, направленных к формированию новых поколений, весь внушительный, но праздничный аппарат наук и искусств“.

„Одно из двух,—говорит Шометт,—либо мы хотим республику ученых, либо республику свободных людей“. В первом случае необходимо в основу воспитания вложить науки и искусства, во втором— программа его должна носить совершенно иной и даже противоположный характер. „Если вы хотите быть свободными, пусть упражнения тела развивают способности души. Сожжем произведения священников и философов и заменим их грубыми, но полезными орудиями ремесел первой ¹⁾ необходимости. Пусть молодой человек на глазах своих сограждан обучается пахать землю и изготовлять себе одежду и утварь. Пусть он упражняется в беге, учится переплывать реки и об'езжать лошадой. Пусть он переносит голод и жажду, холод и жар; пусть он учится управлять лодкой и обрабатывать металлы. Вот все, что нужно для тела. Что же касается духа, то посредством кратких и популярных наставлений нетрудно обучить его неизменным принципам морали, ознакомить его с основными историческими и литературными познаниями, достаточными, чтобы смягчить характер и научить обхождению с людьми. Так как он создан для того, чтобы жить в обществе, пусть он узнает законы, которым он должен будет подчиняться и в совершенстве изучит как свой родной язык, так равно и языки тех народов, с которыми его родина поддерживает торговые сношения.

„Этим и должно ограничиться национальное воспитание. Если же, случайно, уделит небольшое место усладительным искусствам, то место это должно быть лишь очень незначительным и главное, они должны преподноситься только в качестве формы отдыха, но ни в коем случае не как вид работы... В качестве же основной специальности эти искусства должны быть уделом только тех, кого слабая конституция или же какой нибудь физический недостаток лишает возможности заниматься тяжелой работой“.

Таков предлагаемый Шометтом план воспитания ²⁾ и даже если бы в нем не было подчеркнутой нами фразы о Жан Жаке Руссо, читатель все же без сомнения сразу же заметил бы, что эти мысли Шометта представляют ничто иное, как перефразы

1) В тексте говорится „последней“ (dernière) необходимости, но это конечно явная ошибка.

2) В прямой связи с этим планом стоит конечно и проведенное Шометтом через Парижскую Коммуну (в заседании 27 сентября 1793 г.) запрещение употребления кнута в качестве меры воздействия на школьников, воспитанников детских домов и т. д. Всех нарушителей этого распоряжения Шометт угрожает рассматривать как „развратителей молодежи и разложителей нравов“.

ровку основных положений „Эмиля“ и „Рассуждения о том, содействовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов“. Точно также бросается в глаза сходство шометтовского трактата о воспитании с тем, что имеется по этому вопросу в „Фрагментах республиканских установлений“ Сен-Жюста и докладе Робеспьера 18 флореаля. Таким образом в этом пункте своей идеологии Шометт целиком и полностью следует за Руссо и робеспьеристами.

Если только что изложенный нами трактат Шометта о воспитании касается того, что можно назвать воспитанием в тесном смысле слова, то наряду с ним Шометт придавал весьма большое значение мероприятиям, направленным к перевоспитанию в духе добродетели уже сложившихся взрослых людей. Важнейшим средством такого перевоспитания Шометт считал борьбу с развратом и распущенностью, вследствие чего он полагал, что „спасение отечества требует очищения атмосферы свободы от заразного дыхания распущенности, действие которой опаснее для республики, нежели золото, интриги и оружие всех деспотов коалиции“. ¹⁾ Именно этим объясняются его уже известные нам мероприятия по борьбе с проституцией и непристойными зрелищами, а также и проведенные им другие реформы ²⁾, неизменно имеющие своей задачей борьбу с „развратителями человеческого сердца“ ³⁾. Но наряду с этими мерами, если можно так выразится отрицательного порядка, Шометт не забывает и мер порядка положительного. В частности, он полагает, что „наилучшим средством укрепления республиканского строя на невозможной твердой базе является почитание старости, несчастия и общественных добродетелей“ ⁴⁾. В предложенных Шометтом торжественных празднествах, долженствующих иметь место в последний день каждого месяца, специальное должностное лицо должно „произносить речь о морали и прославлять республиканские добродетели“ ⁵⁾. Для этих празднеств должны быть построены специальные трибуны для стариков и беременных женщин, и на трибунах этих будут вывешены лозунги: „Почет старости“ и „Почет и заботы — беременным женщинам“. ⁶⁾ И здесь сама собой напрашивается аналогия с проектами празднеств, предложенными Робеспьером в его докладе 18 флореаля и Сен-Жюстом во „Фрагментах республиканских установлений“.

Вопросам теоретико-политического характера Шометт уделял чрезвычайно мало внимания и касался их только вскользь и мимоходом; но даже и то немногое, что содержится по этому поводу в известных нам его произведениях и речах позволяет с несомненностью утверждать, что и здесь Шометт решительно ничем не отличается от робеспьеристов.

Подобно робеспьеристам, Шометт признает себя верным последователем политических воззрений автора „Общественного Договора“. „Я буду опираться в своих рассуждениях на Жан

¹⁾ Постановление Парижской Коммуны 4 октября 1793 г.

²⁾ Напр. переустройство морга.

³⁾ Постановление Парижской Коммуны 4 октября 1793 г.

⁴⁾ Выступление в Парижской Коммуне 25 брюмера.

⁵⁾ Выступление в Парижской Коммуне 11 фримера.

⁶⁾ Там же.

Жака Руссо, отца нашей революции“ говорит он в своей речи 23 июня 1791 г., произнесенной в связи с бегством в Варенн перед заседавшим в помещении якобинцев братским обществом обоих полов ¹⁾. И действительно, в основу этой речи Шометт кладет следующее место из „Общественного Договора“:

„Суверенитет, являясь лишь проявлением общей воли, по существу своему принадлежит нации и не может ни в коем случае отчуждаться. Суверен, являющийся лишь коллективным существом, может быть представляем только им самим. Передаваться может власть, но отнюдь не воля“.

Приняв это положение Руссо, Шометт делает из него выводы, идущие значительно дальше того, что имел в виду автор „Общественного Договора“. Принятие этого тезиса, думает он, должно иметь своим результатом признание абсолютной недопустимости монархической системы:

„Если, в чем ныне ни один француз не сомневается, правильно, что нация суверенна, то я утверждаю, что это исключает одновременное существование монархии..

„... В государстве не могут одновременно существовать два суверена. Это морально невозможно и явно повело бы к распаду и уничтожению общества. А между тем, если бы монархическая власть существовала одновременно с народным суверенитетом, это означало бы, что в государстве существуют два суверена: нация с одной стороны, король с другой“.

Эта аргументация чрезвычайно близко напоминает доводы, развитые впоследствии Робеспьером и Сен-Жюстом, в частности в их знаменитых речах во время процесса Людовика XVI-го; таким образом можно сказать, что в вопросе о республике Шометт как бы заранее предугадал позднейшую позицию робеспьеристов. Совершенно тоже самое можно сказать и об его относящейся повидимому к началу 1792 года записке об организации армии ²⁾; в этой записке Шометт за год вперед предугадывает ту военную организацию, которая была создана во Франции законом 1793 года об амальгаме.

„Пора наконец,—говорит Шометт в этой записке,—чтобы Франция организовала свои вооруженные силы в согласии с принимаемой ею новой конституцией (1791 г.—Я. З.). Наши линейные войска представляют единственную еще не реформированную часть нашей правительственной системы... За некоторыми незначительными исключениями, наша армия напоминает собою армии иностранных держав, а между тем французы, которые уже три года назад положили между собой и другими народами непреходимую грань, должны походить теперь только на самих себя... Пришло время, когда мы должны создать военную организацию, насколько это возможно соответствующую принятым нами началам свободы“.

Военная организация Франции должна, по мнению Шометта, покониться на принципах выборности командного состава и, главное, слияния линейных частей с батальонами национальной гвардии.

¹⁾ „Бумаги Шометта“, стр. 152.

²⁾ Нац. Архив, Т 604—605, связка 9.

„Поскольку отечество едино, вооруженная сила должна быть точно так же единой... После того, как наши линейные войска будут влиты в национальную гвардию, солдаты превратятся в граждан и получают отечество. Только тогда государство будет иметь настоящих, непобедимых защитников, ибо всегда лучше защищают те блага, в пользовании которыми принимают сами участие“.

Такое же совпадение, как в вопросе о республике, имеется между взглядами Шометта и робеспьеристов и в вопросе о пределах полномочий народных представителей.

Как известно, робеспьеристы, исходя из того положения Руссо, что суверенитет не может быть представляем, подобно ему считали, что народные представители являются лишь „доверенными народа“ и что они лишь „обсуждают вопросы вместо народа“, но ни в коем случае не представляют его суверенитета. В силу этого издаваемые народными представителями законы должны непременно соответствовать общей воле и не могут предписывать ничего, вредного для общества. „Закон является свободным и торжественным изъяснением воли народа“¹⁾; он „может предписывать только то, что полезно обществу“²⁾.

На той же самой точке зрения стоит и Шометт. Протестуя подобно Робеспьеру против муниципального законодательства Учредительного Собрания и закона о праве петиций, Шометт замечает, что запрещение коллективных петиций равносильно тому, что «уполномоченные отказываются принимать во внимание пожелания своих доверителей»³⁾. И дальше Шометт говорит: «Надо надеяться, что этот муниципальный декрет не получит одобрения народа. Всякий закон, враждебный его интересам, не годится народу. Когда он делегирует законодателям свою верховную власть, то он поручает им издавать законы для него, а не против него».

Особенное негодование Шометта вызывает та статья закона, которая для устройства собраний требует предварительного разрешения муниципалитета. «Как,—воскликает он,—мы, суверенный народ, имеющий право наказывать наших доверенных, мы пойдем спрашивать у них разрешения обсуждать их ошибки“!

Совпадение мнения Шометта о том, что народные представители являются лишь уполномоченными народа, с аналогичными взглядами Руссо и робеспьеристов, не ограничивается только этой теоретической посылкой, а распространяется и на те выводы, или, говоря точнее, на то отсутствие практических выводов из этого утверждения, которые были столь для них характерными. В самом деле—сделав из своей теоретической посылки в отношении малых государств вывод в пользу прямого народоправства, да и то с оговоркой, что нельзя собирать народ по каждому мелкому поводу, Руссо в отношении больших государств высказывался за то, что он называл „избирательной аристократией“.

1) Ст. 15 предложенной Робеспьером Декларации прав. А. Р. Т. LXIII, стр. 199.

2) Там-же, ст. 17.

3) Речь, начинающаяся словами „Испуганный муниципалитет“ Нац. Архив, Т. 604—605, связка 9.

Точно также известно, что проект конституции Сен-Жюста рассматривал Францию как республику, обладающую представительной конституцией, причем понятие представительства им ровно ничем не ограничивалось. Что же касается конституции 1793 года, то она не только не связывала депутатов обязанностью подчиняться „общей воле“, но напротив того, создавала парламентский иммунитет депутатов „за мнения, высказываемые ими в стенах Законодательного Корпуса“

Совершенно тоже самое можно сказать и о Шометте, который в теории признавая депутатов всего лишь уполномоченными народа, на практике не сделал почти ¹⁾ никаких выводов, направленных к ограничению самодержавия народного представительства. А конституцию 1793 года Шометт рассматривал как результат „благотетельных работ“ Национального Конвента и с восторгом приветствовал все „превосходные статьи“ этого „драгоценного акта“ ²⁾

Таковы религиозные, историко-философские и политические взгляды Шометта. Переходя к их оценке следует отметить, что если полное совпадение историко-философских и религиозных воззрений Шометта с соответствующими взглядами робеспьеристов еще отнюдь не дает нам права делать из этого каких либо принципиальных выводов, то совершенно иначе должно быть оценено такое же совпадение в области воззрений политических. Объясняется это тем, что религиозные и историко-философские взгляды Шометта, Робеспьера и Сен-Жюста являются вместе с тем и взглядами почти всей революционной демократии Франции конца XVIII века, не исключая отсюда и „бешеных“ т. е. идеологов тогдашнего рабочего и ремесленного пролетариата. ³⁾ Напротив того, политическим взглядам робеспьеристов, „бешеные“ противопоставляли свою собственную систему, краеугольным камнем которой являлось доведение руссоистского принципа непременности суверенитета до его логического завершения—провозглашения необходимости существования обязательных для народных представителей специальных и императивных мандатов от их избирателей ⁴⁾ Таким образом, в то время, как совпадение историко-философских и религиозных воззрений Шометта со взглядами робеспьеристов является одновременно и совпадением их со взглядами „бешеных“, в области политической дело обстоит совершенно иначе и здесь Шометт, целиком и полностью соглашаясь с Робеспьером и его единомышленниками, тем самым противопоставлял себя той системе взглядов, которая была

¹⁾ Мы говорим „почти“ т. к. в эпоху Учредительного Собрания Шометт, в составленном им для кордельерского клуба обращении к нации, предлагал во избежание того, чтобы народные представители не нарушили воли своих доверителей, сделать кордельерский клуб хранителем дубликатов, дававшихся депутатам наказов. См. A. Mathiez „Le club des Cordelier pendant la crise de Varennes“, стр. 98. Однако, в эпоху Конвента мы уже не встречаем у Шометта каких либо следов подобного предложения.

²⁾ Речь в Национальном Конvente 23 июня 1793 г. Цитируем по рукописи, хранящейся в Нац. Архиве, т. 604—605, связка 9. Ср. также речь 14 июля 1793г.

³⁾ См. Я. М. Захер, „Бешеные“ часть V.

⁴⁾ Там-же, стр. 222—227.

столь ярко и красочно формулирована в выступлениях Жака Ру, Леклера и в особенности Варле. Само собой разумеется, что это обстоятельство не может не быть учтено при нашей оценке всего характера идеологии Шометта и выяснении ее классовой природы.

ГЛАВА II.

Социально-экономические взгляды Шометта.

Переходя к анализу социально-экономических воззрений Шометта, следует прежде всего отметить, что в области социально-экономической теории его взгляды отличаются поразительной для французского интеллигента XVIII-го века простотой и элементарностью. Весьма сильно—в чем мы дальше убедимся интересуясь вопросами социально-экономической политики и уделяя им в своих выступлениях чрезвычайно значительное место, Шометт вместе с тем совершенно не считал нужным подводить под свои предложения в этой области ту или иную теоретическую базу. В силу этого мы совершенно лишены возможности говорить о какой либо системе воззрений Шометта в отношении вопросов социально-экономической теории и можем дать только анализ его взглядов по отдельным пунктам этой области.

Подобно всем деятелям Великой Французской Революции, за исключением едва ли не одних только Марата и Барнава, Шометт совершенно не понимал значения классовой борьбы в жизни человеческих обществ и даже там, где он видел существование этой борьбы, она представлялась ему только несчастной случайностью, с которой необходимо как можно скорее покончить. „Французы,—воскликает Шометт в своей конвентской речи 14-го июля 1793 года,—объединяйтесь вокруг наших священных законов; защищайте их от ярости партий, от смелых домоганий честолюбцев, от хитрых декламаций лицемеров; защищайте их, наконец, от вас самих! Задуйте во взаимных объятиях все ненависти и все разделяющие вас раздоры; затяните все вместе гимн в честь святого равенства . . . позором изгоните из ваших городов подлые существа . . . стремящиеся унижить вас для того, чтобы сделать вас орудиями их мести и ступенью с достижению их химерических планов“.

Конституция 1793 года именно потому и вызывает со стороны Шометта такой пламенный восторг, что она кажется ему „единственным средством, способным уничтожить анархию“¹⁾ и тем самым ликвидировать всю раздирающую Францию летом 1793 года ожесточенную гражданскую войну. При принятии Конвентом этой конституции, говорит Шометт, „мы видели, как непримиримые до тех пор враги отказывались от своей закоренелой ненависти и сжигали на алтаре братства все могущие послужить к ее увековечению орудия. Мы видели, как равенство сблизило

¹⁾ Речь в Конвенте 14 июля 1793 г.

покрывающие добродетель лохмотья с золоченой одеждой богатей и мы также видели, как эти последние приветствовали это почетное соседство и даже гордились им . . . 1)

Уже эта цитата показывает, что существование классовой борьбы и наличие борющихся друг с другом партий Шометт объяснял на ряду с происками контр-революционеров и честолюбцев также и разделением общества на „богатых“ и „бедных“. И действительно, подобно всем деятелям Великой Французской Революции, не исключая монтаньяров, «бешеных» и Бабефа, Шометт сводил все классовые противоречия к одной только борьбе между „почтенным классом неимущих“ 2) и „надменными богачами“ 3) Но сходство этим не ограничивалось и подобно тем же „бешеным“ и робеспьеристам, Шометт рассматривал „бедных“, как естественных союзников Революции, а „богатых“—как ее заклятых врагов.

Основной целью богатых, думает Шометт, является вызвать контрреволюцию. Именно поэтому он твердо убежден, что «богатые хотят сделать в Париже тоже самое, что они сделали в Лионе». 4) Однако, не рассчитывая на свои собственные силы, богатые нуждаются в помощи народных масс. Для этого нужно восстановить массы против революции, и именно с этой целью, думает Шометт, богатые и вызвали голод, надеясь этим путем „заставить народ променять на кусок хлеба его свободу и суверенитет“ 5)

Для того, чтобы хорошо понять это последнее утверждение Шометта, нужно оставить на время анализ его социальных воззрений и обратиться к его воззрениям экономическим. И первое, что здесь следует отметить, это такое же сходство их со взглядами робеспьеристов, какое мы уже констатировали в области религиозных, историко-философских и политических вопросов.

В самом деле—достаточно хорошо известно, что если робеспьеристы и видели объективные причины постигшего Францию экономического кризиса, как-то инфляцию, войну, блокаду и т. п., то наряду с этим они отнюдь не игнорировали и факторов субъективных и главной причиной голода считали спекуляцию и барышничество контр-революционеров и богатых. Совершенно по этому же пути идет в своих рассуждениях и Шометт.

„Мы знаем,—говорит Шометт в своей конвентской речи 27 февраля 1793 года,—что современные обстоятельства содержат в себе ряд естественных причин внезапно наступившей дороговизны. Война с морскими державами, несчастья в наших колониях, вздорожание валюты и в особенности выпуск ассигнатов, не находящийся более в соответствии с потребностями коммерческого оборота,—вот некоторые из причин дороговизны, от которой мы так сильно страдаем. Но настолько усиливается их действие, как ужасен и страшен их результат, когда, наряду с этим, существуют злонамеренные и барышники; когда общественные бед-

1) Речь в Конвенте 14 июля 1793 года.

2) Речь в Национальном Конвенте 5 сентября 1793 года.

3) Речь в Парижской Коммуне 26 сентября 1793 года.

4) Речь в Парижской Коммуне 11 июня 1793 г.

5) Речь в Национальном Конвенте 5 сентября 1793 г.

ствия служат базой для гнусных спекуляций бесконечного количества капиталистов, не знающих на что употребить образовавшиеся вследствие ликвидаций громадные фонды; когда общественная нищета служит почвой для политических спекуляций банды разбойников, надеющихся посредством народного отчаяния добиться контр-революции“.

Итак, наряду с объективными причинами дороговизны, Шометт не только не забывает и причин субъективных, но даже, как мы в этом сейчас убедимся, считает их наиболее важными. Действительно, еще с самого начала революции, Шометт рассматривает экономический кризис, как в первую очередь результат сознательной деятельности контр-революционеров. Так, в своей речи 23 июня 1791 г. он утверждает, что „нас раздражает искусственно вызванный голод и истощает припрятывание звонкой монеты“ ¹⁾. А в написанных им в конце 1792 года или первой половине 1793 г. ²⁾ мемуарах о революции 10 августа, Шометт высказывает мысль, что наряду с контр-революционными газетами и прокламациями, Людовик XVI и его прихвостни боролись с революцией также посредством спекуляции и игры на понижение ассигнатов ³⁾.

Если такова точка зрения Шометта в первые годы революции, то само собой разумеется, что перипетии лета 1793 года могли только укрепить его в этом мнении. Поэтому нас не может удивить, что в своей конвентской речи 5-го сентября 1793 г. Шометт категорически и без колебаний заявил, что „существует глубоко обдуманый план погубить посредством голода народ, совершивший революцию“.

Но кто же авторы этого плана? Это, прежде всего, „иностраные державы, которые, не имея возможности побить нас при помощи оружия, стремятся задушить нас посредством голода“ ⁴⁾. Это, далее, внутренние враги ⁵⁾ и, в частности, жирондисты ⁶⁾ и наконец, это — богатые. Среди этих последних Шометт особенно выделяет „новую“ буржуазию, сложившуюся во время и, в значительной мере, благодаря революции.

„На развалинах феодализма возвысились новые сеньоры, не менее жестокие, жадные, и наглые, чем прежние. Они скупили или взяли в аренду имения своих прежних хозяев и, идя по ранее проложенным преступлением путям, спекулируют на народной нужде, истощают источники изобилия и тиранизируют разрушителей тирании.

„Другой класс (подразумеваются торговцы.—Я. Э.) не менее жадный и преступный, нежели первый, захватил все продукты первой необходимости. Вы (т. е. Конвент—Я. Э.) нанесли ему удар, но удар этот только оглушил его и он под сенью законов продолжает свои разбойнические действия“. ⁷⁾.

¹⁾ „Бумаги Шометта“ стр. 154.

²⁾ О времени написания этих мемуаров см. предисловие О чарах его изданию „Воспоминаний Шометта о 10 августа“ стр. II—IV.

³⁾ Там-же стр. 51.

⁴⁾ Речь в Коммуне пловцов. Стр. 11 также речь в Конвенте 5 сентября 1793 г.

⁵⁾ Речь 5 сентября 1793 г.

⁶⁾ Речь 14 июля 1793 г.

⁷⁾ Речь 5 сентября 1793 г.

Каковы же, по мнению Шометта, способы, которые враги республики употребляют для того, чтобы вызвать голод и этим путем толкнуть народ на контр-революцию?

Прежде всего это, само собой разумеется, барышничество и припрятывание продуктов. „Наши притаившиеся внутренние враги, со словами свободы на устах, приостанавливают все обращение. Несмотря на благодетельные законы (подразумевается закон 26 июля 1793 г. о спекуляции.— Я. З.), они закрывают свои склады и хладнокровно производят свой страшный расчет, сколько принесет им голод, восстание и резня“ ¹⁾. Результатом этой политики, думает Шометт, и является исчезновение с рынка всех продуктов и, в частности, хлеба ²⁾, мяса ³⁾, овощей ⁴⁾.

Второй способ, употребляемый для того, чтобы вызвать голод, это нарочито распространяемые злоумышленниками панические слухи о продовольствии. Так, например, жиродисты, „перед тем, как покинуть святилище законов, при помощи полученного ими от иностранных дворов золота, напяли в Париже мерзавцев, которые, с хлебом в руках, кричали о неминуемом голоде“ ⁵⁾. Впрочем, полагает Шометт, даже и без такого нарочитого распространения панических слухов, один только факт сокращения подвоза продовольствия вызывает в Париже панику, значительно содействующую усилению голода. „Мы заметили,—говорит он,— что сокращение подвоза всех продуктов первой необходимости вызывает страх голода, что имеет свои следствием вздорожание этих же самых продуктов“ ⁶⁾. Именно поэтому „скрытые враги республики“ и имеют возможность „пугать народ голодом, авторами которого они сами являются“ ⁷⁾.

Итак, возвращаясь теперь к социальным воззрениям Шометта, мы видим, что богатые, по его мнению, являются убежденными противниками республики и именно они, наряду с внешними и внутренними контр-революционерами, виновны в первую очередь в пожирющем Францию продовольственном кризисе. Этим злокозненным богачам Шометт противопоставляет добродетельного бедняка, который „достаточно и даже слишком долго один только приносит величайшие жертвы. Он ничего не жалеет; все, не исключая крови его самого и его детей, отдавалось им для спасения государства“ ⁸⁾.

Между тем, государство не только не защищает бедняка, но даже совершенно игнорирует его интересы. Поэтому еще в 1791 году, критикуя изданный Национальным Собранием закон о государственной измене, подводящий под понятие таковой всякую службу француза во враждебной Франции армии, Шометт подчеркивает необходимость отдельных исключений из этого общего правила. В частности, думает он, следовало бы сделать исключение для того случая, „когда несчастные пролетарии

1) Там-же.

2) Речь 14 июля 1793 г.

3) Речь в Коммуне 11 пловноза.

4) Речь 5 сентября 1793 г.

5) Речь 14 июля 1793 г.

6) Речь 5 сентября 1793 г.

7) Речь 11 пловноза.

8) Речь в Национальном Конвенте 9 марта 1793 г.

лишенные во Франции не только собственности, но и гражданских прав, обладание которыми зависит от наличия честно или нечестно нажитого состояния ¹⁾, — эмигрирует за границу и для того, чтобы иметь чем существовать, вступают под знамя тамошних монархов. Их отечество ничего не сделало для них; более того, оно их унизило и отвергло, ибо отечество — это не земля, а законы и государство. Чем же обязаны они ему в таком случае? Если обязательства между отечеством и его отдельными членами являются взаимными, то из этого следует, что нарушение их одной стороной тем самым неизбежно освобождает другую. Но где же тогда преступление тех, кто в подобном случае будет служить во враждебной Франции армии?... Если они не знают ничего, кроме военного искусства, то в случае войны им волей — неволей придется к нему прибегнуть, ибо самая священная из всех обязанностей заключается в самосохранении; между тем, если бы они из уважения к законам страны, в которой родились, сохранили бы нейтралитет, то это означало бы для них неизбежную голодную смерть". (Разрядка наша — Я. З.) ²⁾

Если таким образом Шометт уже в 1791 году полагал, что революция в недостаточной степени учитывает интересы бедняков, то пристальное наблюдение над дальнейшим ходом событий приводит его весной 1793 года к выводу, что в результате революции положение бедных не только не улучшилось, но скорее даже ухудшилось.

Переживаемая Францией дороговизна, говорит он в своей конвентской речи 27 февраля 1793 года, — нарушила „справедливую пропорцию между оплатой рабочего дня и ценой предметов второй необходимости ³⁾ . . . Этот результат единственный, который народ чувствует и замечает. Нельзя требовать от него, чтобы он хладнокровно оценил его причины и спокойно ожидал то, пусть даже не столь отдаленное, время, когда снова наступят дешевизна и изобилие. Бедняк сделал революцию не в меньшей, а даже в большей степени, чем богач. Все изменилось вокруг бедняка, но сам он остался в прежнем положении, и от революции он выиграл только право жаловаться на свою пицету. . .

„ . . . Граждане, бедняк, богач, всякое вообще сознательное существо, меняет положение вещей и делает революцию только для того, чтобы сделаться более счастливым. Революция, доставив богачу свободу, дала ему бесконечно много. Бедняку она также дала свободу и равенство, но чтобы жить свободным, нужно жить вообще, а бедняк не может жить, если не существует справедливой пропорции между ценой его труда и ценой необходимых для его существования товаров". (Курсив наш — Я. З.)

¹⁾ Имеется в виду закон о разделении граждан на активных и пассивных.

²⁾ Записка, начинающаяся словами „Законы, касающиеся направленных против лавки преступлений". Нап. Арх., Т. 604—605, связка 9.

³⁾ Шометт говорит здесь только о предметах второй необходимости, потому, что он полагал, что существующее законодательство в достаточной степени обеспечивает прокормление населения, в силу чего, полагал он, „недостаток хлеба не должен нас больше беспокоить".

Таковы воззрения Шометта в области социально-экономической теории и переходя теперь к их оценке, мы должны констатировать, что если в области собственно экономической теории Шометт, как мы видели, ровно ничем не отличается от робеспьеристов, то в области теории социальной он делает по сравнению с ними значительный шаг влево. В самом деле — если, с одной стороны, и Сен-Жюст подобно Шометту рассматривал богатых как контрреволюционеров, а бедных — как друзей и наиболее верных сторонников революции; если, далее, фраза Шометта, что самосохранение составляет самую священную из обязанностей, является ничем иным, как дословным повторением неоднократных высказываний Робеспьера, то с другой стороны, нельзя не отметить, что утверждение Шометта, что революция ничего не дала беднякам, чрезвычайно близко напоминает аналогичное положение „бешеных“. Но само собой разумеется, что эта близость сама по себе еще ровно ничего не означает, ибо нас должно интересовать не столько совпадение в этой чисто теоретической посылке, сколько те практические выводы, которые из этой посылки вытекают. Тем самым естественно переходим к анализу взглядов Шометта в области вопросов социально-экономической политики.

Начнем с вопросов собственно экономических. При современном состоянии историографии Великой Французской Революции вряд ли есть надобность доказывать, что очень многие монтаньяры, ставшие впоследствии весной и летом 1793 года убежденными сторонниками регламентации, являлись до этого, в 1789—1792 г. г. защитниками свободной торговли. Примером могут служить хотя бы Сен-Жюст и Левассер. Точь в точь по этому же пути эволюционировал и Шометт.

В написанной в эпоху Учредительного Собрания записке о торговле ¹⁾, Шометт выступает перед нами в качестве яркого защитника принципа свободы торговли. „То преследуемая монархами, то разрушаемая тиранией, торговля, — говорит в этой записке Шометт, — находит себе отдохновение только под сенью свободы. Но тщетно, отодвинув таможи до границ государства, мы разрушили главное препятствие, мешающее свободе торговли; остается еще слишком много бедствий, от которых ее необходимо освободить“.

Впрочем, говоря в своей записке о свободе торговли, Шометт, подобно многим своим современникам ²⁾, имеет в виду только свободу торговли внутренней, ибо он тут же говорит о необходимости защитить французские мануфактуры от конкуренции иностранной промышленности. „Если не выполнить этого условия, наша внутренняя торговля будет всегда находиться в таком печальном состоянии, что она скорее будет отягощать нацию, нежели принесет ей пользу“.

Если, таким образом, признавая необходимость государственного регулирования внешней торговли ³⁾, Шометт в первые годы

¹⁾ Нац. Арх. Т 604-605, связка 9.

²⁾ Известно, например, что даже фритрадерское законодательство Учредительного Собрания предусматривало запрещение вывоза хлеба за границу.

³⁾ Кроме защиты национальной промышленности, Шометт в своей записке требовал еще борьбы с дороговизной кредита и со слишком высоким уровнем страховых цен.

революции, вместе с тем в отношении торговли внутренней являлся убежденным фритредером, то последовавшие в 1792—1793 г.г. перипетии классовой борьбы решительно изменили его точку зрения и привели его к выводам, как небо от земли отличающимся от того, что он ранее проповедовал.

Впрочем, нельзя не отметить, что эта эволюция взглядов Шометта происходила довольно медленно. Так, еще в конце февраля 1793 года Шометт считал, что снабжение населения дешевым хлебом за счет муниципалитета, борьба со спекуляцией и сокращение выпуска ассигнатов являются вполне достаточными средствами борьбы с дороговизной. ¹⁾ Лишь мощный взрыв борьбы парижской революционной демократии за таксацию хлеба и всех предметов первой необходимости заставил Шометта коренным образом изменить свою первоначальную точку зрения и поэтому в заседании Парижской Коммуны 18 апреля 1793 года он выступает уже как убежденный сторонник максимума. А через две недели после издания закона 29 сентября 1793 г., 23 вандемьера, Шометт произносит его пламенную апологию.

„Этот благотворный закон,—говорит Шометт—направлен целиком в пользу народа и против его кровопийц“. Враги революции несомненно «постараются поставить народ в необходимость потребовать отмены этого благодетельного закона, но это им не удастся. Потерпите же некоторое время, и все старания наших врагов окажутся безрезультатными“. И в заключение своей речи Шометт предлагает Коммуне постановить, что она «отказывается выслушивать какие бы то ни было речи или петиции, предлагающие отмену закона о таксации предметов первой необходимости“.

Необходимым дополнением закона о максимуме должно было, по мнению Шометта, служить создание революционной армии и решительная борьба со спекуляцией. Мы наблюдаем сейчас, говорит Шометт, — „открытую войну богатых против бедных. Богатые хотят нас раздавить; возьмем же инициативу в свои руки и раздавим их самих, благо сил для этого у нас вполне достаточно. Мерзавцы, они уже пожрали плоды наших работ; они уже сняли с нас последнюю рубашку и выпили наш пот. Теперь они хотят насытиться нашей кровью . . . Я требую . . . создания революционной армии, которая бы . . . облегчила реквизицию и доставку продовольствия, предупредила бы махинации богатых эгоистов и предала бы их в руки правосудия“ ²⁾

Уже последние слова только что приведенной цитаты позволяют предположить, что задачей революционной армии Шометт считал не только реквизицию и доставку продовольствия, но равным образом и организацию ни перед чем не останавливающейся борьбы со спекулянтами и барышниками. И действительно, в своем выступлении в Парижской Коммуне 4 фримера он утверждает, что „мы не достигнем благополучия до тех пор, пока не снесем голов сотне барышников и такому же количеству отравителей народа, а также пока мы не накажем нескольких поли-

¹⁾ Речь в Конвенте 27 февраля 1793г.

²⁾ Речь 4 сентября 1793 года перед толпой, собравшейся у здания ратуши. Бюше в Ру, XXIX стр. 27-28.

цейских комиссаров“. А в своей конвентской речи 5 сентября 1793 года Шометт требует, чтобы революционная армия, двигаясь по департаментам, „сопровождалась бы неподкупными и страшными трибуналами, а также роковыми орудиями, одним ударом кладущими конец как заговорам, так и самим заговорщикам (т. е. гильотиной — Я. З.)“.

Наряду с ожесточенной борьбой со спекуляцией и созданием революционной армии, Шометт требует также неукоснительного преследования тех торговцев и промышленников, которые из страха перед законом о максимуме осмелятся закрыть свои лавки или мастерские.

«Огромные прибыли, полученные оптовыми торговцами, вполне достаточны, чтобы вознаградить их (от убытков, связанных с законом о максимуме.—Я. З.). . . Если предприниматели бросят свои мануфактуры, необходимо, чтобы Республика завладела принадлежащими им мастерскими и сырьем, ибо при демократии получают все при помощи рук, и ничего при помощи золота“. (Разрядка наша — Я. З.) В силу этих соображений Шометт предлагает Генеральному Совету Парижской Коммуны постановить, чтобы избранная им комиссия „выработала петицию к Национальному Конвенту с просьбой обратить внимание на фабрики и на сырье и выработать закон, карающий держателей товаров и владельцев фабрик за оставление таковых в бездействии и даже предписывающий передачу их в распоряжение Республики, которая обладает достаточным количеством рабочих рук, чтобы пустить их в ход“. ¹⁾

Не ограничиваясь однако этими чрезвычайно существенными дополнениями к закону о максимуме (оценку их мы дадим дальше), так же как и неоднократно выставляемым им требованием превращения в огороды всех национальных садов и в частности, Тюльерийского парка ²⁾ Шометт наряду с ними в особо составленной им записке ³⁾ выработывает, или точнее говоря, горячо рекомендует выработанный другим, неизвестным нам лицом, сложный план, имеющий в виду совершенно новую организацию снабжения Франции продовольствием. И хотя план этот относится повидимому (записка не датирована) еще к весне или лету 1793 года, т. е. ко времени, предшествующему введению закона о максимуме, однако, поскольку Шометт высказывался за максимум еще в апреле 1793 г. ⁴⁾, мы считаем себя в праве утверждать, что в представлении Шометта его план должен был служить как бы дополнением к закону о максимуме и поэтому отнюдь не отпадал с введением последнего.

„Хорошо управляемое государство“, — говорит в своей записке Шометт, — должно находиться в ведении единого хозяина, в функции которого входит наблюдение за всем сельским хозяйством в целом. Он должен с одинаковым интересом и бдительностью следить за

¹⁾ Речь 23 вандемьера.

²⁾ Речь 5 сентября 1793 г. в Национальном Конвенте; речь 11 плювиоза в Парижской Коммуне и т. д.

³⁾ Записка озаглавленная „Записка“ и начинающаяся словами: „Продовольствие, необходимое для нужд народов“ Нац. Архив, Т 604-605, связка 9.

⁴⁾ Выступление Шометта в Парижской Коммуне 18 апреля 1793 г.

всей страной, как будто бы она вся составляла единую ферму, принадлежащую одному лицу» (Разрядка наша — Я. З.)

Такое единое хозяйство, полагает Шометт, особенно необходимо в отношении производства и торговли хлебом, являющимся основным источником прокормления всей нации. И именно в отношении хлеба Шометт особенно энергично рекомендует по этому плану, содержащийся в записке под названием „Выдержки из составленного подлинным патриотом и другом человечества произведения, касающегося интересов всей нации“.

Управление производством и распределением хлеба должно, согласно этому плану, быть поручено специальной „администрации, которая будет управлять всей Республикой в целом. Она будет регулировать обращение зерна и муки во всех 84 департаментах и повсеместно установит на эти товары цены, соответствующие положению, условиям и потребностям каждого департамента, дабы все они получали одинаковые выгоды.

«Эта администрация, руководствующаяся общим интересом всех департаментов, будет повсюду иметь своих корреспондентов. Она будет иметь средства для того, чтобы она могла покрывать все свои потребности, содействовать распашке всех пригодных для этого земель и согласно выработанному плану регулировать посев различных злаков. Перевозки из департамента в департамент будут облегчены устройством сухопутных и водных путей, постройкой мельниц, складов и т. п.» (Разрядка наша — Я. З.)

Наряду с этими мерами, имеющими в виду развитие производства, Шометт, или, точнее, автор поддерживаемого им проекта, не забывает и мероприятий, направленных к регулированию обращения. Мероприятия эти заключаются в следующем:

„Всем гражданам вообще и землевладельцам в частности, должна быть запрещена как у себя на дому, так и на рынках, продажа каких бы то ни было злаков, кроме тех, которые произведены на их участках.

„ Торговать зерном от имени Республики будет иметь право одна только Национальная Администрация. Экспорт зерна за-границу будет разрешен только в том случае, если будет установлено, что существует запас, достаточный для прокормления жителей Республики в течение двух лет и что за-границу вывозятся только излишки сверх этого количества. В этом случае, вся прибыль от экспорта поступит в распоряжение казны, дабы этим путем можно было уменьшить размеры уплачиваемых народом налогов». (Разрядка наша. — Я. З.)

Из подчеркнутой нами фразы может создаться впечатление, что Шометт имеет в виду запрещенные какой бы то ни было частной торговли зерном за исключением случая продажи непосредственными производителями зерна остающихся у них излишков. Но на самом деле это не так, и в дальнейшей части своей записки, посвященной мероприятиям, имеющим в виду специальное снабжение Парижа, Шометт предлагает, чтобы „гражданам, желающим торговать хлебом, делалась бы небольшая скидка. Это позволит значительному количеству матерей семейств завести торговлю, которая займет их детей и поможет их воспитанию

на получаемые от этой торговли доходы“, (Разрядка наша—Я. З.) Таким образом, остается только предположить, что требуя запрещения частной торговли зерновыми продуктами, Шометт имел ввиду одну только оптовую торговлю, но ни в коем случае не торговлю розничную.

На ряду с меропрятиями, относящимися ко всей Франции, Шометт предлагает также меры специально имеющие в виду снабжение Парижа, но могущие послужить образцом для остальных департаментов.

Важнейшие из этих мер следующие:

1) В помещении бывшего аббатства Сен-Дени будет устроен главный оптовый склад, который будет снабжаться зерном из северных департаментов. Что касается до департаментов юга и востока, то они резервируются для снабжения частных булочников. Поблизости от склада Сен-Дени будут выстроены предназначенные для его обслуживания мельницы и пекарни.

2) Наряду с центральным складом, в различных районах Парижа будут созданы двенадцать хорошо снабженных магазинов, «в которых публика всегда сможет находить все, что ей нужно».

3) Генеральный Совет Коммуны по соглашению с министерством внутренних дел выработает особые правила хлебной торговли, за исполнением коих будут следить специально назначенные муниципалитетом комиссары.

Таков предлагаемый Шометтом план новой организации хлебной торговли. „Организация эта, — говорит Шометт, — может быть создана к октябрю 1793 года. Она позволит занять значительное количество лиц обоего пола, которые в настоящее время лишены хлеба из за отсутствия работы и которые в этом случае перестанут быть в тягость обществу. Она позволит также занять много людей, переполняющих сейчас больницы и заметно отягчающих государственную казну“.

Переходя теперь к оценке рассмотренных нами взглядов Шометта в области экономической политики, нельзя прежде всего не отметить, что так же как и в отношении его взглядов в области социально-теоритической, мы явным образом сталкиваемся здесь с воззрениями, довольно заметно отличающимися от воззрений робеспьеристов. И если относительно требования Шометта о национализации закрытых их владельцами предприятий еще можно сказать, что требование это, хотя и чуждое теоретическим воззрениям робеспьеристов, зачастую осуществлялось тем не менее в практике конвентских комиссаров, то в своем положении о необходимости единого руководства хозяйственной жизнью страны, Шометт без всякого сомнения делает по сравнению с робеспьеристами значительный шаг вперед. Но с другой стороны было бы конечно глубоко неправильным преувеличивать значение этого пункта экономической программы Шометта. Особенно необходимо помнить, что провозгласив сначала этот пункт и потребовав, как вывод из него, национализации всей торговли зерном, Шометт сразу же отказывается от своего положения и делает исключение не только для продажи производителями зерна их излишков, но и для всей вообще розничной торговли. Гора родила мышь! Несмотря на весь радикализм теоретических положений

своей записки, в практической части своего продовольственного плана Шометт все же остается типичным мелким буржуа, и интересы мелких торговцев составляют для него границу, перейти за которую он ни в коем случае не смеет. Не даром же во время своих неоднократных нападков на торговцев. Шометт всегда подчеркивает, что „я не говорю о мелочных торговцев; я нападаю исключительно на торговцев крупных, банкиров, пайщиков, этих пьявок народа, всегда основывающих свое счастье на его несчастии“¹⁾ Таким образом, если воззрения Шометта в области вопросов экономической политики и представляют некоторый шаг влево по сравнению с робеспьеристами, то размеров этого шага нельзя ни в коем случае преувеличивать. Это особенно бросается в глаза при сравнении продовольственного плана Шометта с аналогичным планом Леклера,²⁾ не только провозглашающим принцип действительной национализации торговли предметами первой необходимости, но и требующим бесплатного снабжения ими всех неимущих. Таким образом, в то время, как Шометт, несмотря на некоторый больший, по сравнению с робеспьеристами, радикализм своей экономической политики, все же оставался в пределах строго мелкобуржуазной платформы, „бешеные“, отражая интересы зарождающегося пролетариата того времени, выходили за эти пределы и тем самым являлись предшественниками позднейшей социалистической идеологии рабочего класса.

Такую же значительную разницу между Шометтом и „бешеными“ мы видим в области политики социальной. Более этого. Если в области политики экономической мы видели некоторую большую левизну Шометта по сравнению с робеспьеристами, то здесь мы не видим даже и этого. Здесь, как и в огромном большинстве своих взглядов, Шометт стоит почти целиком на той же самой точке зрения, что Робеспьер и Сеп-Жюст.

Мы видели выше, что Шометт, повторяя излюбленный тезис „бешеных“, говорил, что революция не только ничего не дала беднякам, но даже, напротив того, ухудшила их положение. Но какие практические выводы делали из этого утверждения „бешеные“ и какие выводы делает Шометт?

Что касается „бешеных“ то они, как известно, не только предлагали конфискацию в пользу бедных всех состояний барышников, спекулянтов и всех вообще людей, наживающихся на народной нищете, но и требовали некоторых ограничений права частной собственности вообще и, в частности, собственности земельной. Более того, устами Варле „бешеные“ договаривались до требования учреждения „общины, всякий член которой должен получать лишь в меру того, что он ей дает“³⁾.

Что же противопоставлял всему этому Шометт? В его речи 27 февраля 1793 года, т. е. той самой, в которой он утверждал, что бедные ничего не получили от революции, Шометт рисовал следующую программу действий:

1) Речь 23 вадемьера.

2) См. Я. М. Захер, „Бешеные“, стр. 221-222.

3) Там-же, стр. 227-240.

„Восстановите, граждане (т. е. члены Конвента — Я. З.) эту спасительную пропорцию (т. е., пропорцию между заработной платой и ценой продуктов второй необходимости. — Я. З.) Сделайте больше этого: добейтесь того, чтобы эта пропорция, как благодеяние Революции, изменилась бы в пользу бедняка. Это единственный способ внушить бедняку надежду превратиться в один прекрасный день в собственника. Возможно, что Революция будет действительно консолидирована только после наступления этой счастливой эпохи; только тогда бедняк перестанет рассматривать себя, как временного жильца своей родины“ (Разрядка наша — Я. З.).

Первая половина цитированного отрывка, т. е. та, в которой говорится о повышении заработной платы, дает нам, как это и делают некоторые исследователи ¹⁾, несомненное право утверждать, что Шометт ставил себе целью защиту интересов не только мелкой буржуазии, но равным образом и рабочих. Но с другой стороны, нельзя не отметить, что тот способ, которым Шометт думал улучшить положение рабочих, а именно превращение их в мелких собственников, решительно ничем не отличается от эгалитаристской программы Робеспьера и Сен-Жюста, также стремившихся к достижению такого строя, при котором «нет ни богатых, ни бедных».

Наряду с речью 27 февраля 1793 года, социальная программа Шометта была чрезвычайно четко сформулирована в его выступлении в Парижской Коммуне 6 мая 1793 года. Целью всякой социальной политики, говорит он в этой речи, является, „не помогать несчастным, а уничтожить нищету, доставляя молодежи средства для старости и предоставляя тем, кто обладает лишь руками, предприимчивостью и здоровьем, возможность использовать таковые таким образом, чтобы когда-нибудь стать собственниками“ (Разрядка наша — Я. З.).

Какими же способами думал Шометт осуществить эту программу? Один способ нам уже известен — это повышение заработной платы. Но этот способ не был единственным и наряду с ним Шометт предлагает еще и ряд других. При этом любопытно отметить, что совпадая с робеспьеристами в конечных задачах своей социальной политики, Шометт совпадает с ними также и в средствах ее достижения. Как известно, лучшим средством для осуществления своей эгалитарной программы Робеспьер и Сен-Жюст считали принятые Конвентом по их инициативе знаменитые вантозовские законы ²⁾ и чрезвычайно любопытно, что еще за несколько месяцев до издания этих законов Шометт как бы предугадывал их содержание, требуя от Конвента издания декрета, в силу которого „республиканцы получили бы земли, принадлежащие врагам общественного дела“ ³⁾. Неудивительно поэтому, что появление вантозовских законов было встречено Шометтом с чувством самого горячего одобрения и

¹⁾ Ср. напр. Н. М. Лукин, „Максимилиан Робеспьер“, изд. 2-е стр. 117.

²⁾ О вантозовских законах см. ст. А. Матеза в „Annales Historiques de la Révolution Française“ за 1928 г.

³⁾ Речь в Коммуне 27 вандемьера.

что эти законы квалифицировались им, как „одни из лучших, какие только существуют“ 1).

Но социальная программа Шометта заключалась не только в том, чтобы дать людям, „обладающим лишь руками, предприимчивостью и здоровьем“ возможность превратиться в собственников, но равным образом и в немедленной помощи бедным. В той же самой цитированной нами уже речи 6 мая 1793 года, в которой он рисует конечные цели своей социальной политики, Шометт вместе с тем требует „быстрого создания учреждений для помощи как здоровым, так и нетрудоспособным беднякам“ и это требование, как мы в свое время видели, повторяется им в целом ряде его позднейших выступлений.

Кроме того, Шометт требовал организации общественных работ, на которых можно было бы занять безработных 2), помощи бедным на дому 3), бесплатного погребения неимущих 4), снабжения бедных одеждой, помещением и т. п. 5).

Но где же найти средства, необходимые для осуществления всех предложенных им мероприятий социального обеспечения? Ответ на этот вопрос был дан Шометтом еще в его конвентской речи 9 марта 1793 года.

„Граждане, — заявил в этой речи Шометт, — уже достаточно и даже слишком долго один только бедняк приносит величайшие жертвы. Он ничего не жалел; все не исключая крови его самого и его детей, отдавалось им ради спасения государства. Пора, наконец, чтобы богатый эгоист, уединяющийся и прячущийся за своими богатствами, был бы оторван от них и вынужден отдать часть таковых для нужд Республики и своего собственного блага. Мы просим вас обложить этот класс людей, бывший до сих пор бесполезным, чтобы не сказать враждебным. Революции, особым военным налогом, часть которого должна быть употреблена на помощь женам, матерям и детям защитников отечества“. А в своих речах 27 вандемьера, 11-го и 14 брюмера, Шометт указывал, что предложенные им меры социального обеспечения должны быть приняты за счет дополнительного налога на богатых, дабы этим способом „излишек богачей мог обеспечить существование несчастных“ 6).

Наряду с налогом на богатых, Шометт рекомендовал еще превращение в золотую и серебряную монету всех драгоценных изделий, находящихся в церквях и прочих общественных учреждениях Парижа, причем Национальный Конвент должен был в счет этих поступлений ежемесячно авансировать Парижской Коммуне по 100.000 ливров, необходимых для осуществления всех предложенных Шометтом мер 7).

Вот и все практические мероприятия, намеченные Шометтом для осуществления его уже известного нам социального идеала. Переходя к их оценке, мы должны констатировать, что эти меро-

1) Речь 16 вантоза.

2) Речь в Коммуне 26 февраля и 16 марта 1793 г.

3) Речь в Коммуне 14 брюмера.

4) Речь в Коммуне 27 вандемьера.

5) Речь в Коммуне 11 брюмера.

6) Речь 11 брюмера.

7) Речь 14 брюмера.

приятия столь же сильно отличаются от предложенных „бешеными“ мер, сколько и его трафаретный эгалитаризм робеспьеристского типа от того углубленного и граничащего с социализмом эгалитаризма, который столь типичен для „бешеных“. Начать хотя бы с того, что мы не встречаем у Шометта не только тех характерных для „бешеных“ требований ограничения права собственности, о которых мы уже говорили, но даже и того гораздо более умеренного предложения ограничить право собственности условием не вредить жизни, существованию и свободе других, которое было столь типично для робеспьеристов зимой и весной 1793 г. Но этим дело еще далеко не ограничивается и в то время, как „бешеные“ твердо и решительно требуют конфискации состояний барышников, спекулянтов и всех вообще наживающихся на народных бедствиях, Шометт не идет далее требования, всего на всего, чрезвычайного налога на богатых. Что же касается предложенных Шометтом мер социального обеспечения, то нет конечно надобности доказывать, что почти ни одна из них не выходит за пределы программы и законодательства робеспьеристов. Кроме того, очень многое из того, что предлагал в этом отношении Шометт, было, как известно, проведено и на практике конвентскими комиссарами во время их миссий.

Но если таким образом значительное отличие социальной политики Шометта от политики „бешеных“ и почти полное совпадение ее с политикой робеспьеристов прямо таки бросаются в глаза, то есть все-же один пункт, в котором Шометт (по крайней мере на словах) делает значительный шаг влево по сравнению с робеспьеристами — это уже известное нам его предложение 27 февраля 1793 г. о повышении заработной платы. Но значения этого отличия не следует преувеличивать. С одной стороны, нельзя забывать, что такое повышение было произведено и самими робеспьеристами в законе 29 сентября 1793 года о максимуме. С другой стороны, и это в данном случае имеет решающее значение, вся обстановка, при которой было внесено это предложение, дает полное основание предполагать, что соответствующая часть его речи 27 февраля 1793 года была ничем иным, как сознательным маневром, рассчитанным на то, чтобы вырвать парижскую бедноту из под влияния „бешеных“ и таким обходом сделать невозможным повторение событий, имевших место за два дня до того, т. е. 25 февраля. В силу этого мы имеем все основания рассматривать соответствующую часть речи Шометта 27 февраля не как выражение его подлинных взглядов, а лишь как демагогический прием. Таким образом, общая картина социальных воззрений Шометта отнюдь не может быть поколеблена ссылкой на его требование о повышении заработной платы рабочих.

Но если и всего сказанного более чем достаточно, чтобы выявить прямо таки бросающийся в глаза классовый характер социальной идеологии Шометта, то есть одна область, в которой Шометт с беспощадной откровенностью срывает с себя все маски и выступает перед нами как исключительно типичный мелкий буржуа и мещанин. Эта область — женский вопрос.

Было бы, конечно, величайшим трюизмом доказывать, что в экономических условиях Франции конца XVIII-го века не бы-

ло и не могло быть налицо предпосылок для существования женского равноправия в том смысле, в каком мы сейчас понимаем этот термин. И все же, в то время, как огромное большинство мелкобуржуазных монтаньяров, не исключая и их левого крыла, устами видного представителя левого центра ¹⁾ Амара провозглашали, что „женщина не должна выходить из пределов своей семьи и вмешиваться в вопросы управления“ ²⁾, выражавшие интересы рабочего и ремесленного пролетариата „бешеные“ стояли на несравненно более благоприятной для женщин точке зрения. Так, в выступлении гражданок секции Прав человека ³⁾ перед обществом „революционных республиканок“, руководимым видными деятельницами „бешеных“ Кларой Лакомб и Полиной Леон, между прочим говорилось:

„Вы (т. е. общество революционных республиканок. Я. З.) порвали одно из звеньев цепи предрассудков, а именно то, которое, заключая женщин в узкую сферу их хозяйств, тем самым превращало половину человеческого рода в пассивные и изолированные существа...“

„Почему женщины, наделенные способностью чувствовать и выражать свои мысли, должны примириться с их устранением от общественных дел? Ведь Декларация Прав одинакова для обоих полов“... ⁴⁾.

Отнюдь не отрицая семейных обязанностей женщин, гражданки секции Прав Человека полагают однако, что вполне возможно „примирить категорические веления природы со стремлением к общественному благу. После исполнения необходимых работ, остается еще свободное время, и те женщины-гражданки, которые посвятят его пребыванию в братских обществах, наблюдению или просвещению, будут иметь великую радость считать себя вдвойне полезными“.

Таково чрезвычайно характерное и глубоко существенное разногласие, существовавшее по женскому вопросу между монтаньярами и „бешеными“. Какую же позицию занял по данному вопросу Шометт?

Ответом на это может служить отрывок из речи, произнесенной им в Парижской Коммуне 27 брюмера II года.

„... Ужасно и противно всем законам природы, когда женщина хочет превратиться в мужчину... С каких это пор разрешено отречься от своего пола? С каких это пор считается приличным, что женщины покидают священные заботы своего хозяйства и колыбели своих детей, чтобы являться в общественные места, подниматься на ораторскую трибуну и подходить к

¹⁾ Под этим выражением мы подразумеваем ту часть монтаньяров, которая в лице Билло-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера, Амара, Вадье и т. д. составила весной 1794 года левую часть анти-робеспьеристской оппозиции, а после 9 термидора являлась основным ядром группы левых термидорианцев.

²⁾ Доклад Амара в Нац. Конвенте 9 брюмера.

³⁾ Для того, чтобы должным образом оценить это выступление, нужно помнить, что одним из важнейших руководителей этой секции был Варле и что в найденных при его аресте бумагах, находилась, между прочим, текст рассматриваемого нами выступления. (Нац. Архив, F⁷ 4775⁴⁰). Таким образом мы имеем все основания полагать, что выступление гражданок секции Прав Человека отражало взгляды самого Варле.

⁴⁾ Нац. Библиотека, Lb⁴⁰2411.

решетке сената? Уж не мужчине ли поручила природа домашние заботы? Уж не нам ли дала она груди для кормления наших детей? Нет, природа сказала мужчине: „будь мужчиной; охота, обработка земли, общественные дела, всевозможные труды и заботы—вот твой удел“. Она сказала женщине: „Будь женщиной; нежные заботы о детях, мелочи хозяйства, приятные заботы материнства—вот твои дела. Но постоянная работа требует награды и наградой твоей будет то, что ты станешь божеством домашнего очага и будешь царствовать над всем, что тебя окружает, посредством прелести твоего обаяния и добродетели“.

„Бесстыдные женщины, хотящие стать мужчинами, неужели вы еще чувствуете себя обделенными? Чего вам еще надо? Ваш деспотизм—единственный, который мы не в силах свергнуть, ибо он является деспотизмом любви, а следовательно, порожден природой. Именем этой самой природы, оставайтесь тем, чем вы являетесь. Вместо того, чтобы завидовать нам за опасность нашей полной бури жизни, дайте нам забвение в тиши наших семейств, позволяя нам отдыхать за созерцанием волшебного зрелища наших детей, счастливых благодаря вашим заботам“.

Мы привели полностью эту длинную цитату для того, чтобы показать, насколько воззрения Шометта в женском вопросе едва ли не дословно воспроизводят аргументацию, вплоть до нашего времени употребляемую всеми противниками женского равноправия. Само собою разумеется, что мы отнюдь не собираемся утверждать, что в экономических условиях Франции конца XVIII века эта аргументация играла такую же глубоко реакционную роль, как впоследствии в рамках промышленного и, тем более, финансового капитализма. Но, с другой стороны, мы только что видели, что уже и в то время идеологи зарождающегося рабочего и ремесленного пролетариата—„бешеные“—выставляли в женском вопросе точку зрения, несомненно являющуюся одним из первых этапов в развитии у пролетариата идеи женского равноправия. Таким образом мы видим, что своей точкой зрения на женский вопрос Шометт целиком становился на сторону монтаньяров и против „бешеных“ и это еще раз лишь подчеркивает установленный нами выше типично мелкобуржуазный характер всей его социальной идеологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы рассмотрели все стороны идеологии Шометта и можем подвести теперь некоторые, самые общие, итоги. Наш анализ различных областей шометтовского мировоззрения и в особенности его социально-экономических взглядов доказал нам не только то, что мировоззрение это является типично мелкобуржуазным, но также и то, что оно, за очень немногими исключениями, почти ничем не отличается от обычного мировоззрения якобинцев робеспьеристского толка. Исключения из этой общей картины, как мы уже видели, очень немногочисленны и сводятся к следующему:

1) В области экономической политики, Шометт идет несколько далее робеспьеристов, требуя национализации предприятий,

закрытых их владельцами из за невыгодности работы при действии закона о максимуме. Точно также Шометт идет далее робеспьеристов, когда он требует централизации хозяйственной жизни страны посредством создания особой администрации, регулирующей условия производства и распределения зерновых продуктов.

2) В области социальной, Шометт в отличие от робеспьеристов и подобно „бешеным“ утверждает, что революция не только ничего не дала бедным, но даже ухудшила их положение. В своих практических предложениях Шометт, в отличие от робеспьеристов, стремится защитить интересы не только мелкой буржуазии, но также и рабочих. Это ясно видно из его требования повышения заработной платы до уровня, соответствующего „справедливой“ пропорции между товарными ценами и ценой рабочих рук.

Таковы единственные отличия, замеченные нами при сравнении идеологии Шометта с идеологией робеспьеристов. О чем говорят нам эти отличия и достаточны ли они для того, чтобы признать Шометта идеологом иного класса, нежели тот, интересы которого выражали робеспьеристы?

Ответ на этот вопрос должен быть дан безусловно отрицательный. При анализе соответствующих моментов идеологии Шометта мы неизменно подчеркивали, что значение этих отдельных расхождений между Шометтом и робеспьеристами не должно быть ни в коем случае преувеличено и сейчас нам остается только еще раз повторить нашу аргументацию.

1. Анализ всех без исключения известных нам высказываний Шометта убеждает нас в том, что его предложение о национализации брошенных мастерских отнюдь не вытекает из соображений принципиального характера, а целиком и полностью может быть объяснено такими же точно практическими соображениями, какие заставляли действовать в предложенном Шометтом направлении целый ряд конвентских комиссаров, принадлежавших к центру, а иногда даже и к правой части монтаньярской партии.

2. Выставленное Шометтом требование централизации управления хозяйством, и как вывод из этого,—предложение о национализации зерновой торговли, остались у Шометта одними только абстрактными рассуждениями. Боязнь повредить интересам мелких торговцев заставила Шометта в практической части его предложений внести ограничения, равносильные полному отказу от его теоретической посылки.

3. Если утверждение Шометта, что бедные ничего не выиграли от революции по своей фразеологии весьма близко напоминает соответствующие слова „бешеных“, то в практических выводах из этого тезиса Шометт решительно ничем не напоминает „бешеных“ и, напротив того, целиком и полностью остается в рамках социальной политики робеспьеристов.

4. Требование о повышении заработной платы рабочих отнюдь не является у Шометта принципиальным, а логически вытекает из столь характерного для его тактики стремления

опереться на рабочих. Кроме того, требование это было осуществлено никем иным, как самими же робеспьеристами, а именно теми статьями закона о максимуме, которые, повышая цены на товары по сравнению с ценами 1790 года на одну треть, повышали вместе с тем заработную плату на половину.

Таким образом мы считаем, что все отмеченные нами многочисленные моменты разногласий между Шометтом и робеспьеристами отнюдь не имеют принципиального значения и в очень значительной степени объясняются столь характерным для него стремлением опереться на рабочие и ремесленные массы. Поэтому мы полагаем, что эти разногласия между Шометтом и робеспьеристами еще ни в коем случае не дают нам права считать их выразителями интересов различных классов. С другой стороны, все время подчеркиваемое нами существенное, и, во многом, принципиальное отличие идеологии Шометта от идеологии „бешеных“ (взять хотя-бы политические вопросы, экономическую политику, вопрос о праве собственности и т. д.), также как и столь ярко бросающийся в глаза мелкобуржуазный характер всех без исключения воззрений Шометта не оставляет и тени сомнения в том, что мы ни в коем случае не можем считать его выразителем интересов пролетариата—даже в том условном смысле, в каком выражение это может быть применено к рабочим и ремесленникам Франции конца XVIII века.

Но если таким образом мы утверждаем, что почти все многочисленные отличия социально-экономической программы Шометта от соответствующей программы робеспьеристов могут быть объяснены как результат столь характерной для него политики опоры на рабочую и ремесленную бедноту, то значит ли это, что соответствующие предложения Шометта составляли одну только демагогию? Ни в коем случае, ибо, как мы уже неоднократно подчеркивали, Шометт, будучи подобно робеспьеристам выразителем интересов мелкой буржуазии, вместе с тем, в отличие от них, представлял не ее крепкое ядро, а ту наименее состоятельную часть этой прослойки, которая находится непосредственно у грани, отделяющей мелкую буржуазию от пролетариата. А так как интересы этой части мелкой буржуазии во многом совпадали с интересами рабоче-ремесленной бедноты, то это позволяет утверждать, что те небольшие различия, которые мы нашли между идеологией Шометта и идеологией робеспьеристов и представляют нечто иное, как отражение тех интересов низов мелкой буржуазии, которые отделяли их от остальных частей этой прослойки и сближали с теми массами, интересы которых выражали „бешеные“.

Действительно, нет надобности доказывать, что страдая подобно рабочим и ремесленникам от развития капитализма, низы тогдашней мелкой буржуазии должны были, подобно им, выработать типично анти-капиталистическую программу, и именно в этой программе и заключалось то, что отчасти объединяло стремления Шометта и „бешеных“. Но вместе с тем, само собой разумеется, что наряду с этими моментами сходства, между интересами тех и других имелись и чрезвычайно существ-

венные моменты отличия. В самом деле—известно, что из всех прослоек, на которые распадается мелкая буржуазия, ее наименее состоятельная, т. е. наиболее близкая к пролетаризации часть, является вместе с тем и той, которая наиболее рьяно держится за право собственности, которое по ее мнению одно только может обеспечить осуществление ее мечты о превращении в экономически независимых и обеспеченных от всяких потрясений крепких хозяйчиков. Поэтому, сочувствуя анти-капиталистическим тенденциям рабочей и ремесленной бедноты, т. е. тенденциям, направленным к борьбе с развитием крупного капитала, низы французской мелкой буржуазии конца XVIII века вместе с тем должны были остерегаться этой бедноты, среди которой, хотя и бессознательно, зрели и не могли не зреть стремления к борьбе с самым капиталистическим строем, как таковым. Вот почему в нас не должна вызывать решительно никакого удивления, как отмеченная нами выше некоторая левизна взглядов Шометта по сравнению со взглядами робеспьеристов, так и то непонятное для многих буржуазных историков обстоятельство, что требовал гораздо более энергично, чем это делали робеспьеристы, борьбы с крупными банкирами и торговцами, т. е., иначе говоря, с представителями крупного капитала, Шометт и его единомышленники вместе с тем являлись заклятыми врагами „бешеных“ и с достойной лучшего применения энергией поддерживали борьбу дантонистов и робеспьеристов с Жаком Ру, Варле и Леклером. Но вместе с тем именно это промежуточное положение группы Шометта между робеспьеристами и „бешеными“ позволило ей, как мы это видели, возглавить в сентябре 1793 г. движение широких рабочих и ремесленных масс демократического Парижа и, опираясь на них, придать революции то направление, которое привело к установлению „террористической системы“, позволившей революционной Франции восторжествовать над ее могущественными внешними и внутренними врагами. Именно вследствие этого, не взирая на половинчатость и неоригинальность его идеологии, Шометт сыграл тем не менее огромную историческую роль и именно эта роль заставляет нас изучать историю деятельности и борьбы этого выдающегося деятеля великой буржуазной революции XVIII века.